

№6 (84)
ИЮНЬ

2020

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Заканчивается
основная подписка
на 2-е полугодие 2020 г.

В период самоизоляции
лучше оформить
онлайн-подписку.

Цена подписки:
1 мес. – 130 руб.
6 мес. – 390 руб.

Индекс ПА041

Владимир Пырков.
Страницы воспоминаний
стр. 15

Николай Старченко.
Счастливая жизнь.
Главы из книги
стр. 38

Резной иконостас
Виктора Ошлака
стр. 54

«Пиши мне добрые слова...»
Памяти Лилит Козловой
стр. 74

СИМБИРСКЪ

12+

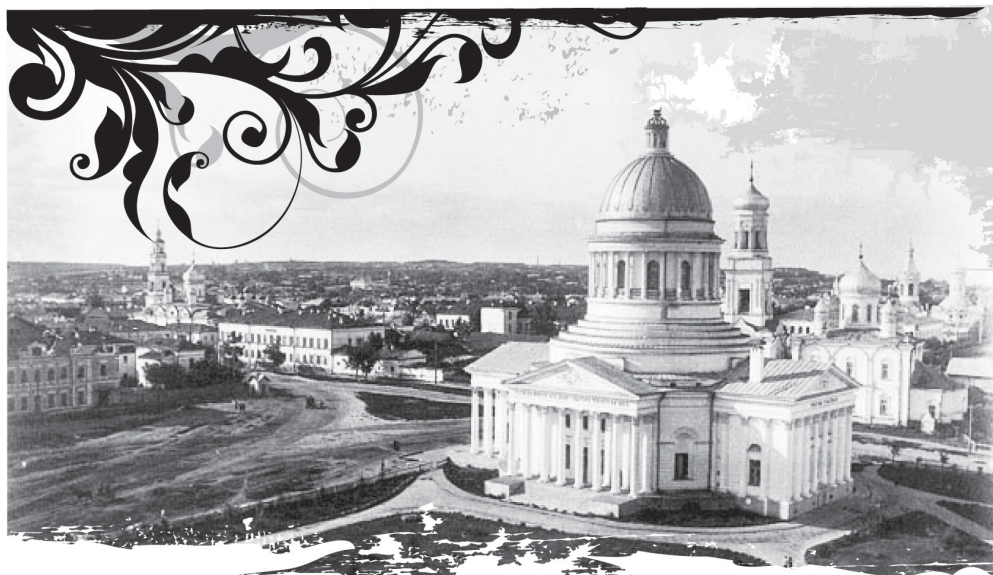
№6 (84)

ИЮНЬ

2020

Литературно-художественный
и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

*Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.*

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марьянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 8.06.2020 г.

Дата выхода 15.06.2020 г.

Тираж 700 экз. Заказ №620

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный,
д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297,
www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №6 (84), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

На обложке: С.П. Слесарский. Пионы на жёлтом. 2015.
Фото Владимира Ламзина. Черёмуха

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИМБИРСКЪ» №6 (84), июнь 2020

Содержание

Слово редактора.....	3
С любовью ко всему родному	
Иван Васильцов. Мой Гончаров	4
Елена Клевогина. К родословной Гончаровых:	
Михаил Левенштейн и его потомки.....	5-8
Ирина Смирнова. Симбирянин П.Ф. Унтербергер и его роль в освоении Дальнего Востока.....	9-11
Дороги памяти военной	
О войне написано не всё. Итоги конкурса	12-14
Владимир Пыркков. Из навсегда отбуранивших зим.	
Страницы воспоминаний	15-18
Людмила Мовчан. В союзе живописи и слова	19-20
Черемшан	
Евгений Ларин. Тося. Повесть. Окончание	21-34
Книжная полка	
Валентин Курбатов.	
Опять за старое. Опять по-новому.....	35-36
Всё живое	
О писателе Николае Старченко.	
Вступительное слово Ольги Шейпак	37
Николай Старченко. Счастливая жизнь.	
Главы из книги	38-46
Ирина Пурло. Ощущение счастья.	
О художнике Владимире Ульянове	47-51
Народное творчество	
Мargarита Смирнова.	
Резной иконостас Виктора Ошлака.....	54-58
Страна поэзия	
Ольга Даранова. Стихи	59-60
Светлана Кекова, Руслан Измаилов.	
Священная война в священной реальности поэтических миров Арсения Тарковского и Семёна Липкина	61-65
Перекресток	
Сергей Гогин. Больше чем «Колымские рассказы».....	66-67
Житейские истории	
Ольга Шейпак. Нечаянная радость. Рассказ.....	68-73
Память сердца	
Памяти Л.Н. Козловой	74
Людмила Серзина. Сказали: ушла, насовсем.....	75-76
Татьяна Шатунова. Моя Лилит.....	77
Елена Токарчук. Волшебной сказкою сказаться	78
Татьяна Лотоцкая.	
Сквозь земные несчастья – радуйтесь	78
Ульяновск- литературный город ЮНЕСКО	79-80
Юбилейный календарь	81-96

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

В период самоизоляции вы можете пригласить на дом
почтальона для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на II полугодие 2020 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте rodписка.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

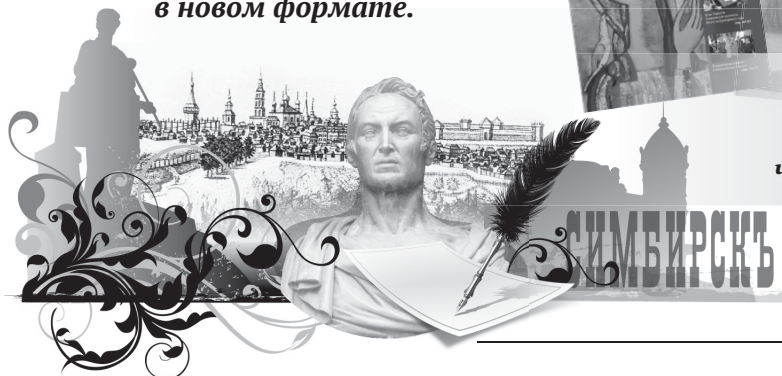

Дорогие друзья!

Со второго полугодия 2020 года
журнал «Симбирскъ»
будет выходить
в новом формате.

**Вы сможете получать «толстый»,
сдвоенный номер один раз в два месяца.
Обращаем ваше внимание на то,
что подписка на полугодие стала дешевле!**

*Благодарим всех
наших читателей и подписчиков!*

СКВОЗЬ ЗЕМНЫЕ НЕСЧАСТИЯ – РАДУЙТЕСЬ...

В июне – день рождения Ивана Александровича Гончарова. По традиции в это время в Ульяновске много лет широко отмечался Гончаровский праздник. В этом году в новых обстоятельствах празднование дня рождения И.А. Гончарова – 18 июня – организовано в онлайн-формате, сотрудники музея предлагают вниманию слушателей видеолекции, мастер-классы, викторины, в библиотеках и учреждениях культуры будет продолжена акция «Читаем Гончарова».

Номер открывает эссе лауреата Гончаровской премии Ивана Васильцова (Пыркова) «Мой Гончаров».

«Для меня Иван Гончаров – это возвращение, всегда возвращение. Это сбережение неоскорбляемого уголка души, сохранность личностных воспоминаний. И драгоценный свиток памяти русской словесности».

Далее продолжают тему хранители Дома Гончарова. Елена Клевогина в статье «К родословной Гончаровых» рассказывает о потомках М.Ю. Левенштейна. Очерк Ирины Смирновой посвящен судьбе симбирянина П.Ф. Унтербергерера. (Семья Унтербергереров состояла в родственных отношениях с семьей Гончаровых.)

«О войне написано не всё». Публикуем итоги тематического поэтического конкурса. Читайте стихи победителей.

Страницы воспоминаний поэта Владимира Пыркова посвящены военному детству, которое прошло в Ульяновске. Некоторые эпизоды воспринимаются так ярко, как кадры киноленты.

«Ленинградские дети. В доме Языкова, где когда-то останавливался Пушкин, для них детдом... Весной на «Голубковском порядке» грелся на солнышке ленинградский мальчик, сморщенный старичок. Тихо-тихо жевал яйцо. Ел совсем безразлично, обильно посыпанный пеплом горя». Разве можно забыть этого ленинградского мальчика!

Людмила Мовчан в своей работе анализирует стихотворение Николая Благова и сопоставляет с картиной Аркадия Пластова «Фашист пролетел». 75-летию Победы посвящена и публикация документальной повести Евгения Ларина «Тоска».

В рубрике «Всё живое» – главы из книги Николая Старченко «Счастливая жизнь». Н. Старченко –

прозаик, друг Василия Пескова, был знатоком и защитником природы.

На цветной вкладке – работы художника Владимира Ульянова. Читайте очерк Ирины Пурло «Ощущение счастья».

О мастере – резчике по дереву Викторе Ошлаке рассказывает Маргарита Смирнова.

На поэтических страницах – стихи Ольги Дарановой.

Публикуем статью Светланы Кековой и Руслана Измайлова о творчестве поэтов Семена Липкина и Арсения Тарковского. И Липкин, и Тарковский – поэты-фронтовики, и тема войны широко представлена в их творчестве.

«То, что открывалось в экстремальных условиях войны, не закрывается в мирное время. Вечное входит во временное, входит всегда, преображая его в истинное настоящее».

В рубрике «Житейская история» рассказ Ольги Шейпак «Нечаянная радость».

Сергей Гогин рассказывает об онлайн-заседании литстудии «Восьмёрка». Говорили о «Колымских рассказах» Варлама Шаламова. «Эта проза горька и проста, как корка лагерного хлеба, способная спасти жизнь».

Раздел «Память сердца» посвящен Лилит Козловой (1928 – 2019), о ней тепло вспоминают друзья-литераторы. «Сквозь земные несчастья – радуйтесь!» – призывала Лилит Козлова.

Завершают выпуск традиционные рубрики «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и «Юбилейный календарь».

В номере – статьи и очерки о писателях и художниках, стихи и проза о войне и испытаниях, о родной земле и ощущении счастья, об отцах и детях.

В своем эссе Валентин Курбатов выражает надежду, что «дети (если они действительно умнее, быстрее и сильнее, чем мы) в свой час вспомнят, что они родились не в чистом поле и не сами от себя, а от «заблуждающихся» отцов и дедов. И живы, и сильны только памятью и любовью друг к другу и миру. И они завтра станут тем, что зовется Родина, память и жизнь». Да будет так.

Елена КУВШИННИКОВА

С ЛЮБОВЬЮ КО ВСЕМУ РОДНОМУ

Иван ВАСИЛЬЦОВ (Пырко́в), родился в 1972 г. в Ульяновске. Доктор филологических наук, профессор Саратовской государственной юридической академии. Автор двух книг поэзии, книги очерков о саратовских писателях и монографии, посвященной русской усадебной литературе XIX века. Лауреат премии имени И.А. Гончарова. Живет в Саратове.

МОЙ ГОНЧАРОВ

...Как просто в берёзовых пересветах!

В разгар среднерусского мая и в летнее первоначалье зелень берёз изумрудна, и хочется даже прикрыть глаза рукой – так яростно свет белоствольного леса. А приложишь ладонь – останется меловая памятка берестяной пыльцы. А узор бересты? Кажется, когда смотришь на него вблизи, – перед тобой письмо из родного, далёкого...

Поговорить с Ильёй Ильичом Обломовым – всё равно что побывать в берёзовой роще, где гулял ещё ребёнком. Андрей Штольц, всё знающий и понимающий, выразил, пожалуй, главное в национальном образе Обломова. Но лично для меня берёза – это дерево Гончарова. И дерево родного Ульяновска-Симбирска.

С детства помню: лесная, по-утреннему зябкая, оглушённая соловьиными лешевыми дудками станция Молвино. Поезд после долгой разбежки, после нескольких перегонов наконец останавливается, и все приникают к окнам и глядят удивлённо – берёза здесь царит, она в своём праве, в своей стихии.

Каждое лето мы приезжали с отцом и мамой к родным, всегда на поезде и всегда ждали в дороге, когда же появится она, станция с удивительным названием. Станция берёзового света. И однажды отец, когда мы оглядливо вышли с ним в Молвино из вагона – не отстать бы! – почему-то начал рассказывать мне о Гончарове, о его симбирском доме, о его Обломове, о его обрыве, о его Винновской роще и о его берёзах. И отец всё недоумевал: как же так, Обломов всеми признан лежебокой и антигероем, погубившим свою жизнь обломовщиной, а тут – возвышенное такое, благородное сравнение!..

И теперь, когда я читаю Гончарова, не смея даже и помыслить о слишком ко многому обязывающем цветаевском притяжении (Мой Пушкин... Мой Гончаров...), но тем не менее упрямо пытаюсь отыскать среди боковых аллей гончаровского творчества и свою, заветную, куда, как говорил Иван Александрович совсем по другому поводу, «не все доберутся», так вот, когда открываю Гончарова, как будто бы возвращаюсь в далёкое детство, слышу

шелест берёз и отцовский голос и вижу радующую глаз берёзовую таль.

Для меня Иван Гончаров – это возвращение, всегда возвращение. Это сбережение неоскорбляемого уголка души, сохранность личностных воспоминаний. И драгоценный свиток памяти русской словесности. Может быть, страница давнего-давнего письма со стёртым адресом и почти неразбираемым почерком – без сосредоточенного внутреннего труженика не прочесть его, но если сможешь разобрать вымолвленные когда-то и доверенные чистому листу слова, если найдёшь в себе силы развернуть скатку дорог и расстояний и впустить в себя масштаб гончаровских панорам, увиденных писателем с высоты волжского обрыва, то и обретёшь немало. Ну, например, уверенность в том, что слово добра и справедливости, даже не озвученное, а всего лишь проговорённое мысленно, значит многое, ещё как многое значит! Или незрешную надежду на чудодейственную силу «луча гуманизета».

В мире Гончарова, воспевающего человечность, нет места насилию, в нём неприемлем слом старого, того, что ещё «не отжило, не отболело», ради призрачного «завтрашнего дня», или, как говорил всё тот же Штольц, «зари нового счастья». Нет, Штольц – то умница, конечно, перлом в толпе назвал он своего друга, да вот только не по пути им с Обломовым – друзьям детства.

Гончаров – это выбор пути, как мне кажется. Это не статичное имя, застывшее на века в скрижалях литературной истории, а скорее, само движение. Какой направленности – решает для себя каждый.

Очень хотелось бы сказать ещё, что для меня Иван Гончаров – это будущее. Это новые встречи и новые откровения. Но осекусь, пожалуй. Помолчу. Просто прислонюсь к берёзовому стволу.

Один тревожный гудок, другой... Где-то там, в берёзовых отзывчивых лесах, остаётся Молвино, зябкое от утреннего сквозняка и оглушённое соловьиными дудками. А впереди, совсем уже скоро, родной мой город.

Что ни говорите, а Иван Гончаров – это Симбирск.

*Елена КЛЕВОГИНА, заведующая отделом научно-экспозиционной работы
Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.*

К РОДОСЛОВНОЙ ГОНЧАРОВЫХ: МИХАИЛ ЮЛЬЕВИЧ ЛЕВЕНШТЕЙН И ЕГО ПОТОМКИ

Выстраивая родословную семьи Гончаровых по линии младшей сестры писателя Анны Александровны Музалевской, мы имеем в виду потомков приёмной дочери Музалевских – Евдокии Петровны Левенштейн (1848 – 1911). Не имея собственных детей, Анна Александровна и Петр Авксентьевич Музалевские взяли девочку на воспитание и считали её за родную дочь. В письме к А.А. Музалевской от 26 июня 1877 г., утешая сестру, недавно потерявшую мужа, в постигшей её новой беде – разорении, Гончаров пишет: «Я за тебя благодарю Бога, что у тебя есть дочь... Я верю, что благородное и благодарное сердце ея и мужа ея, вся семья их – ласками и попечениями поможет тебе успокоиться!»

Гончаров хорошо знал дочь Анны Александровны – Дунечку, был в курсе жизни семьи сестры и племянницы. О своих встречах с Иваном Александровичем во время его приездов в Симбирск 1855 и 1862 годов Е.П. Левенштейн рассказала в своих воспоминаниях: «Первые мои воспоминания о моем дяде относятся к 1855 году, когда мне было всего семь лет. Он тогда вернулся, после своего кругосветного путешествия, в свой родной город Симбирск, чтобы повидаться со своими родственниками. Я его видела тогда у моих родителей, и в моей памяти сохранились лишь кое-какие отрывочные воспоминания о нем. Помню только, что он много рассказывал о своем путешествии, из которого привез нам всем подарки, между прочим, замечательные японские картинки на рисовой бумаге. Он был в очень хорошем настроении, был любезен и внимателен ко всем. Он рассказывал много, но в конце говорил моей матери, что она лучше всего может прочесть то, что он рассказывает, в его «Путевых заметках».

Вспоминая о приезде И.А. Гончарова в Симбирск в 1862 г., Е.П. Левенштейн замечает: «Он писал, вероятно, «Обрыв», так как часто что-то шутил со мной, называя меня «Верой», а племянницу моего отца – «Марфинькой», на том основании, что племянница имела склонность к хозяйству, а я – к книгам и музыке». Дунечке было тогда 14 лет. В воспоминаниях она указывает: «Я тогда брала частные уроки по всем предметам школьного курса у симбирских учителей, и, между прочим, по русскому языку со мной занимался другой незабвенный мой дядя, Николай Александрович Гончаров, который много лет был учителем в симбирской гимназии. Он же занимался со мной год и немецким языком. По-французски я говорила и писала свободно, так как с малых лет у нас была в доме французженка». Гончаров этим летом экзаменовал Дуню: «...мне не доставало многих познаний. Я была слишком неразвита для моего возраста, хотя была очень любознатель-

на и любила учиться. Дядя решил, что лучше будет отвезти меня в Москву, в пансион, где уже кончили курс мои кузины Кирмаловы». Известно, что Гончаров возвращался из симбирского отпуска лета 1862 г. с сестрой и племянницей, он сопровождал Анну Александровну и Дунечку в Москву для поступления Дуни в московский пансион.

В 1865 году А.А. и П.А. Музалевские переехали из Симбирска в Москву, где училась их дочь. В 1867/68 году Евдокия Петровна вышла замуж за врача-психиатра Юлия Александровича Левенштейна. В браке родилось 7 детей: Анна (1868 – 1948), Екатерина (1869 – 1953), Александр (1870-?), Михаил (1871 – 1920), Пётр (1872 – 1945), Елизавета (1874-?), Владимир (1875 – 1922).

Семья дочери Е.П. Левенштейн стала ближайшим окружением А.А. Музалевской в последние годы жизни. Из письма внучки сестры Гончарова Юл. Левенштейн-Лавровой М.Ф. Суперанскому от 27 января 1913 г.: «Мы привыкли считать А.А. Музалевскую, жившую в нашей семье, за родную бабушку, а ея мужа – за дедушку...» Сама А.А. Музалевская в одном из писем последних лет называет себя «бабушка – старуха, которой внуки и внучки в глаза глядят, любят не из интереса, ведь знают, что у бабушки немного капитала...»

Долгие годы сотрудники музея И.А. Гончарова поддерживали отношения с потомками Музалевских только по линии младшего сына Евдокии Петровны и Юлия Александровича Левенштейнов – Владимира Юльевича. Всё, что хранится сегодня в фондах и представлено в экспозиции музея из семьи сестры писателя Анны, передал в своё время в музей его сын Владимир Владимирович Музалевский, умерший в 1982 г. – год открытия экспозиции. О других представителях большой семьи Музалевских-Левенштейнов сотрудники музея знали со слов Владимира Владимировича, знали очень немного и не встречались. Безусловно, радостным событием для музея стало знакомство с молодыми потомками Музалевских по линии двух других братьев Владимира Юльевича Левенштейна – Михаила и Петра. Екатерина Панфилова из Москвы и Евгений Рябченко из Казани, занимаясь самостоятельно составлением генеалогического древа, выстроили свои линии рода, нашли друг друга и вместе приехали на родину Гончарова впервые в 2011 г., накануне празднования 200-летия писателя, когда полным ходом шли ремонтно-реставрационные работы на Доме Гончарова, обновление музейной экспозиции. В 2012 г. потомки Михаила и Петра Левенштейнов стали почётными гостями юбилейных гончаровских торжеств. С тех пор общение с ними, совмест-

ная исследовательская работа позволили сотрудникам музея значительно дополнить родословную Гончаровых. Музею стали доступны новые документы, фотографии из семейного архива Панфиловых, Рябченко. Некоторые из них сегодня включены в обновлённую экспозицию: например, фотография сестры Гончарова Анны Александровны Музалевской последних лет жизни, фотографии молодой Евдокии Петровны Левенштейн (до того музей располагал только одним снимком, на котором Е.П. Левенштейн старше).

В настоящей статье мы представим потомков семьи Музалевских-Левенштейнов по нововыстроенной линии Михаила Левенштейна. Интересно, что многие представители этого рода оказались талантливыми, творческими людьми, связавшими свою жизнь с театром и кино.

Михаил Юльевич Левенштейн – четвёртый ребёнок в семье племянницы писателя Евдокии Петровны Левенштейн. Он родился в Москве, учился в Московском университете. Михаил пошёл по стопам отца, стал врачом-психиатром, в 1901 г. открыл психоневрологическую лечебницу, частную лечебницу для алкоголиков, нервно- и душевнобольных в Петровском парке. После революции Михаил передал лечебницу государству. В период Первой мировой и Гражданской войн находился на фронте, был военврачом. Умер от тифа в Бузулуке около 1920 г.

Жена Михаила (по словам В.В. Музалевского, брак этот был «нелегальным по тем временам») – Екатерина Викторовна Неелова (1870 – ?). Екатерина была артисткой, как и ещё шестеро её братьев и сестёр, работавших под сценическими псевдонимами. Самым известным стал брат Екатерины – Мамонт Викторович Неелов, взявший себе псевдоним Дальский. «Даля» было детское прозвище младшей сестры в семье – Магдалины, также актрисы. Под этим же псевдонимом работала и Екатерина – Неелова-Дальская. Известно, что перед революцией 1917 года Екатерина гастролировала в Прибалтике и оттуда уже не вернулась в Советскую Россию. Ныне живущие потомки семьи вспоминают, как внучка Екатерины Нина Петровна Щербакова рассказывала, что в г. Паланга (Литва) видела на кладбище могилу Екатерины Викторовны Дальской.

Единственная дочь Михаила Юльевича Левенштейна и Ека-

терины Викторовны Нееловой-Дальской – Елена (1902 – 1976), родилась в Москве, окончила институт благородных девиц, по воспоминаниям родственников знала три языка, была рукодельница, играла на фортепиано. В начале 1920-х гг. она вышла замуж за Петра Карповича Щербакова (1893 – 1982), офицера царской армии, участника Первой мировой войны, а затем Гражданской войны уже на стороне Красной армии. О Петре Карповиче есть отдельная статья в Википедии. С мая 1918 года Пётр Щербаков – член ВКП(б). В двадцатилетнем возрасте он занимал пост командующего Орловским военным округом, был участником советско-польской войны, начальником 53-й стрелковой дивизии в составе 4-й армии РККА. По результатам июль-

ского наступления советских войск на Вислу был награждён орденом Красного Знамени РСФСР. После окончания Гражданской войны Пётр Карпович вышел в запас и получил высшее образование в Геологическом институте (1925). Работал на различных руководящих должностях, возглавлял строительство в Сталинграде, в 1935 г. был одним из руководителей строительства целлюлозно-бумажного комбината на Каме, в городе Краснокамске. У Петра и Елены Щербаковых было двое детей, две дочери – Нина и Валентина.

Старшая дочь Щербаковых Нина (1922 – 2007) окончила в военные годы факультет иностранных языков, а в 1945 г. вышла замуж за Игоря Константиновича Панфилова (1916 – 1998). Панфилов учился в студии при Театре Советской армии и проработал в этом театре всю жизнь актёром. Нина с Игорем разошлись, когда их единственной дочери Елене было около 20 лет.

Елена Игоревна Панфилова (1945 г.р.) окончила журфак МГУ, журналист, работала в радиокomitee, секретарём в редакции Восточной Африки, в Управлении по обслуживанию дипломатического корпуса при МИДе, в редакции журнала «Человек и закон». Около двадцати лет, до 1991 г., была редактором литературной редакции издательства «Известия». Сейчас Елена Игоревна живёт в Москве. Она – мать той самой Екатерины Панфиловой, что обратилась в музей И.А. Гончарова в 2011 г. Отец Екатерины – Марат Георгиевич Рудаков-Линдемманн (1922/24 – 2009) – тоже был связан с театром, окончил Вахтанговское училище, был актёром и режис-

Михаил Юльевич Левенштейн

Екатерина Неелова-Дальская

сером, диктором на радио. В 1975 г. он уехал в Берлин, где жил его двоюродный брат. С тем, чтобы продолжать нормально жить и работать в СССР, Елена Игоревна развелась с мужем. Маленькой Кате было тогда 2 года.

Екатерина Панфилова родилась в 1973 г. в Москве. Также думала связать свою жизнь с театром, искусством. Окончила театроведческий факультет ГИТИСа, в свое время работала администратором у Михаила Шуфутинского. Сейчас уже более 10 лет занимается туристическим бизнесом. В 2013 году у Екатерины родился сын, названный в честь пра...дедушки Левенштейна – Юлием Александровичем.

Вторая внучка Михаила Юльевича Левенштейна, младшая дочь Е.М. и П.К. Щербаковых – Валентина Петровна Щербакова-Сахновская (1924 – 2006). Актриса, она около 20 лет проработала в театре имени Ленинского комсомола. Правда, в основном это были роли второго плана: секретарша, официантка, продавец, подруга, гость, девушка из адресного бюро, девушка с косичками и др. В спектакле «Семья» (И. Попов, 1949) Валентина сыграла Марию Ильиничну Ульянову. В юбилейном альбоме Ленкома «Девять десятилетий. Хронологическая фотолетопись театра» Валентина Щербакова числится в списке артистов театра с 1942 по 1965 гг. На разворотах альбома есть её фотографии. Была у неё и маленькая роль в кино: в фильме «Свадьба» (1944) с Ф. Раневской юная Валентина сыграла черноволосую студентку с косичками.

Муж Валентины Анатолий Васильевич Сахновский (1919 – 1998) – советский актёр, окончил ГИТИС, работал в Московском театре Революции, театре им. М.Н. Ермоловой, снимался в кино. Выбор профессии для него был неудивителен. Анатолий – сын Василия Григорьевича Сахновского, известного режиссера, театроведа, педагога, на-

Валентина Щербакова-Сахновская

родного артиста РСФСР, доктора искусствоведения, работавшего в 1922 – 1926 гг. художественным руководителем Московского драматического театра, ставившего пьесы в Театре им. В.Ф. Комиссаржевской. С 1926 г. В.Г. Сахновский работал в МХТ им. А.П. Чехова (с Немировичем-Данченко, Станиславским) заместителем директора театра, заведующим художественной частью, с 1943 г. был первым руководителем Школы-студии МХАТ. Мать Анатолия – также актриса – Зинаида Клавдиевна Томилина. Вот некоторые роли Анатолия Сахновского в кино: немецкий офицер в фильме «Отряд Трубочева сражается» (киностудия им. М. Горького, 1957), генерал в фильме «Тихий Дон» (реж. С. Герасимов, 1957 – 1958), офицер в короткометражном фильме по рассказу Л. Толстого «После бала» (1961), анархист в фильме «Оптимистическая трагедия» (Мосфильм, 1963), капитан в фильме «Вызываем огонь на себя» (Мосфильм, 1964), артист в казино, «американец» в фильме «Щит и меч» (СССР, ГДР, Польша, 1968), полицейский инспектор в фильме «Человек-невидимка» (Мосфильм, 1984), господин в доме Апраксина в фильме «Россия молодая» (киностудия им. М. Горького, 1981 – 1982, 9-я серия) и др.

Наконец, сегодня в Москве живёт единственный сын Валентины Щербаковой и Анатолия Сахновского – Василий Анатольевич Сахновский (1960 г.р.), талантливый, творческий человек, актёр, драматург, режиссёр, сценарист. В 1983 г. Василий окончил Школу-студию им. В.И. Немировича-Данченко при МХАТе им. А.П. Чехова (актёрский факультет, мастерская В.К. Монюкова). Работал актером и режиссёром в разных театрах: в Ногинском народном театре; в московском театре-студии «Русская классика», где, между прочим, написал и поставил пьесу «Разочарованный» по мотивам ро-

Анатолий Сахновский (справа) в фильме «После бала». 1961 г.

Анатолий Сахновский в фильме «Тихий Дон». 1957 – 1958 гг.

Анатолий Сахновский в фильме «Человек-невидимка». 1984 г.

Василий Сахновский в роли Серёжи Каренина. 1967 г.

мана И.А. Гончарова «Обыкновенная история»; в Солнцевском народном театре «Искатели» ставил «Сказ про Федота стрельца...» и собственную пьесу «Штрихи к портрету» по мотивам рассказа В. Шукшина; в 1987 – 1994 г. был актёром в театре им. М.Н. Ермоловой. В 1989 г. В. Сахновский начал выпускать самиздатовский литературный журнал «Сов'ОК», где опубликовал сборник рассказов и поэзии «Поздняя встреча». Также он писал и ставил пьесы в драматическом театре Польши («Семь цветов радуги»), в Дюссельдорфском театре Авангардного искусства («Гамлет умрет сегодня или никогда»), шесть лет – с 1994 по 2000 г. – проживал в США. Василий Сахновский – автор сценариев, театральных пьес и документальных фильмов. В 2000-е гг. сотрудничал с разными телекомпаниями как режиссер и сценарист, редактор и веду-

щий. Снимался в эпизодах во многих российских телефильмах, сериалах: «Детективы» (2006 – 2018), «Кулагин и партнёры» (2004 – 2013), «Понять и простить» (2006 – 2014), «Преступление будет раскрыто» (2008 – 2010, нотариус), «Жуков» (2011, комендант Гаврилов), «Красивая жизнь» (2014), «Склифософский. 1-й сезон» (2012, Попов), «Палач» с А. Смоляковым и В. Толстогоановой (2014, Леонид Брежнев).

Однако кинокарьеру его началась в 1967 г., когда семилетний мальчик Вася Сахновский сыграл роль сына Анны Карениной – Серёжи в знаменитом фильме Александра Зархи «Анна Каренина». Главные роли в фильме исполнили Татьяна Самойлова (Анна Каренина), Николай Гриценко (Каренин), Василий Лановой (Вронский). Озвучила роль Серёжи Каренина за Василия Сахновского Клара Румянова.

Екатерина Панфилова с сыном Юлием. 2018 г.

Екатерина Панфилова и Василий Сахновский. Ульяновск, июнь 2012 г.

*Ирина СМИРНОВА, заведующая Историко-мемориальным центром-музеем
И.А. Гончарова.*

СИМБИРЯНИН П.Ф. УНТЕРБЕРГЕР И ЕГО РОЛЬ В ОСВОЕНИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Весьма значительную роль во внешней и военной политике Дальнего Востока сыграл человек, личность которого до сих пор не привлекла к себе значительного внимания историков. Это Павел Федорович Унтербергер (9.08.1842 – 12.02.1921).

Павел Фёдорович – немец по происхождению, настоящее имя Пауль-Симон Унтербергер. Его отец – действительный статский советник Фридрих Семенович Унтербергер (1810 – 1884) был одним из основателей ветеринарного дела в России. В 1829 – 1834 г. он изучал ветеринарные науки в университетах Вены, Берлина, Мюнхена и Штуттгарта. В 1835 г. получил в Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге звание ветеринарного врача 1-й категории и с 1836 по 1849 гг. работал ветеринарным врачом Удельного ведомства в Симбирской губернии. В Симбирске он женился на старшей дочери известного врача Карла Фридриха Рудольфа Марии. В Симбирске родилось шесть из семи детей в этой семье, в том числе и Павел. Он родился 9 августа 1842 года и раннее детство – до семи лет – провёл в Симбирске.

Интересно, что семья Унтербергер состояла в родственных отношениях в семье Гончаровых. Старший брат писателя И.А. Гончарова Николай Александрович был женат на сестре Марии Унтербергер – Елизавете Карловне Рудольф. Сыновья Николая Гончарова Александр (1843 – 1907) и Владимир (1844 – 1889) были практически ровесниками старших детей Унтербергера. Семьи Гончарова и Унтербергера поддерживали тёплые родственные отношения. Именно Николаю Александровичу Гончарову доверил Фридрих Унтербергер в апреле 1858 года подать в Симбирское дворянское депутатское собрание удостоверение о том, что он за себя и детей своих принял присягу на подданство Российской империи и прошение о внесении Унтербергера и его детей в III часть дворянской родословной книги Симбирской губернии. И, наверное, не случайно старший сын Н.А. Гончарова Александр в 1862 году по окончании Симбирской гимназии был отправлен учиться в Дерпт, куда в 1849 г. переехала семья Унтербергер. Ф.С. Унтербергер стал профессором знаменитого Дерптского университета. Успешная научная и преподавательская деятельность выдвинула Фридриха Семёновича в ряды ведущих ученых

Павел Фёдорович Унтербергер

Дерпта. С 1858 г. и до своей смерти в 1884 г. он являлся бессменным директором Ветеринарной школы (с 1873 г. института) Дерптского университета. И.А. Гончаров также познакомился с родственниками своего брата, имя Фридриха Семёновича Унтербергера встречается в его письмах. Они встречались, когда Ф.С. Унтербергер приезжал в Санкт-Петербург.

Из всех детей Ф.С. Унтербергера наибольшую известность получил Павел Федорович Унтербергер. Павел избрал карьеру военного инженера, став первым профессиональным военным в своей линии, но склонность к научной работе впоследствии дала о себе знать, и П.Ф. Унтербергер смог реализовать себя и как ученый.

В 1860 г. после окончания классической гимназии в Дерпте П.Ф. Унтербергер поступил в Николаевское инженерное училище, из которого был выпущен в 1862 году подпоручиком. В 1868 г. он окончил Николаевскую инженерную академию по первому разряду. По окончании академии штабс-капитана Унтербергера направили в служебную командировку в Западную Европу, а затем, как одного из лучших выпускников, оставили при академии для преподавательской и научной работы.

Судьба и карьера Павла Федоровича Унтербергера сложилась удачно. В 1870 – 1871 гг. капитан П.Ф. Унтербергер откомандировывается в Туркестан, для участия в единственной в его жизни военной кампании. Получив на южной окраине Российской империи практику самостоятельной и интересной работы, П.Ф. Унтербергер утратил интерес к академической карьере и выпросил вакансию для службы в Восточной Сибири.

С 1875 г. подполковник П.Ф. Унтербергер служит в Восточно-Сибирском военном округе, где до 1877 года занимает должность штаб-офицера для особых поручений при окружном инженерном управлении в Иркутске. Однако в столице Восточной Сибири ему приходилось бывать лишь наездами. Выполняя разного рода служебные задания, П.Ф. Унтербергер занимался строительными работами в самых глухих уголках Дальнего Востока, освоение которого тогда только начиналось. Он проводил также большую исследовательскую работу, изучая военную географию как территорий, входящих в Восточно-Сибирское губернаторство, так и сопредельных территорий

Монголии и Китая, фактически выполняя функции офицера Генерального штаба.

В апреле 1878 года П.Ф. Унтербергера производят в полковники и назначают заведующим инженерной частью Восточно-Сибирского военного округа.

В 1880 году в Дерпте Павел Фёдорович женился на дочери профессора Дерптского университета Эмилии Ивановне Эрдман и увёз молодую жену к месту службы. В семье родилось трое детей: Пётр (1881), Георгий (1885) и Мария (1886). В 1891 году его жена и дети были внесены в дворянскую родословную книгу Симбирской губернии.

В сентябре 1884 года после образования Приамурского военного округа полковник Унтербергер занимает должность заведующего инженерной частью Приамурского военного округа и переезжает в г. Хабаровку (Хабаровск).

1 октября 1888 года П.Ф. Унтербергера производят в генерал-майоры за отличие по службе и назначают военным губернатором Приморской области с местопребыванием во Владивостоке и наказным атаманом Уссурийского казачьего войска. Все это время Унтербергер подробно контролировал ход строительства владивостокских укреплений.

В мае 1891 года П.Ф. Унтербергер принимал во Владивостоке наследника Императорского престола цесаревича Николая Александровича, который во время пребывания на берегу останавливался в его служебной резиденции. 14 мая 1891 года наследник лично осмотрел новые береговые батареи в районе полуострова Назимова, а вечером того же дня присутствовал на официальном обеде, который П.Ф. Унтербергер дал в его честь. После отъезда наследника престола из Владивостока для дальнейшего следования сухим путем через Сибирь в Европейскую Россию Унтербергер встретился с ним еще раз 22 мая в селе Никольском (будущий город Никольск-Уссурийский). Здесь Унтербергер, как Наказной атаман, представил будущему царю Уссурийское казачье войско и преподнес Августейшему атаману войсковую хлеб-соль. Личное знакомство с будущим царем, безусловно, оказало влияние на дальнейшую административную карьеру генерала Унтербергера.

В 1894 – 1895 гг. во время японо-китайской войны резко обострилась политическая ситуация на Дальнем Востоке. В связи с этим во Владивосток была направлена мощная броненосная эскадра Бал-

тийского флота, сухопутные войска привели в полную боеготовность, а во Владивостокской крепости провели пробную мобилизацию. Генерал-майор П.Ф. Унтербергер принимал на себя обязанности командующего войсками Приморской области. Благодаря принятым мерам война в Китае не перекинулась на дальневосточные территории России и экспансия Японии в Маньчжурии была приостановлена. В 1896 году П.Ф. Унтербергер был произведен в генерал-лейтенанты также за отличие по службе, а не по выслуге лет.

Павел Фёдорович Унтербергер

Павел Фёдорович Унтербергер выступил инициатором выкупа Болдинского имения А.С. Пушкина с целью создания государственного мемориального музея. Он же инициировал создание Нижегородского общества любителей художеств. Павел Фёдорович состоял членом 29 благотворительных обществ, в которые регулярно платил немалые взносы.

Территория Приморской области включала в себя в то время все дальневосточные прибрежные территории, в том числе Камчатку, Сахалин и Чукотку. П.Ф. Унтербергер объехал все подведомственные территории, собирая там информацию по географии, этнографии, экономике, истории, проводя, таким образом, в одиночку огромную комплексную исследовательскую работу, которая в настоящем может быть под силу только большому коллективу ученых. На месте он решал и необходимые административные вопросы. Он был также одним из первых фотографов-любителей на Дальнем Востоке. Сохранились неплохие фотографии Владивостока, снятые им с балкона губернаторского дворца, с вершин окрестных сопков, фотографии представителей малочисленных коренных народов в национальных костюмах, оленьих упряжек и т. д. Уникальная коллекция этнографических материалов, собранная им во время этих поездок, составила основу этнографического отдела музея Общества изучения Амурского края. Результаты своей научной работы П.Ф. Унтербергер обобщил в прекрасной книге «Приморская область с 1859 по 1898 г.», изданной в 1900 г. В 1902 г. годовое собрание Русского географического общества за этот труд присудило П.Ф. Унтербергеру свою золотую медаль.

За годы пребывания П.Ф. Унтербергера на посту военного губернатора Приморская область совершила качественный скачок в своем развитии. Была построена Уссурийская железная дорога, торговый порт, доки, начата добыча угля в Сучане (ныне Партизанск), основано множество новых насе-

ленных пунктов, развивались лесные и рыбные промыслы, торговля, судоходство.

За годы его правления выросла обороноспособность Южно-Уссурийского края Приморской области, начата перестройка береговых батарей Владивостока в бетонные и строительство там же новых

Павел Фёдорович Унтербергер всячески поддерживал исследовательскую деятельность Владимира Клавдиевича Арсеньева (впоследствии путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока), давая молодому ученому ценные рекомендации и щедро делясь своим богатым опытом. Арсеньев считал П.Ф. Унтербергера одним из своих учителей, и их переписка продолжалась до самой смерти П.Ф. Унтербергера в 1921 году.

укреплений, возводились казарменные городки в Никольск-Уссурийске, Раздольном, Новокиевском и других важных пунктах размещения войск.

В 1897 году П.Ф. Унтербергер был назначен Нижегородским губернатором. Когда в мае 1897 года П.Ф. Унтербергер сдавал свои дела военного губернатора Приморской области генералу Д.И. Субботичу, городская дума, отмечая заслуги перед городом, избрала его почетным гражданином Владивостока.

*П.Ф. Унтербергер
в Нижнем Новгороде*

В Нижнем Новгороде П.Ф. Унтербергер производит впечатление на нижегородцев гражданским строительством и общественной деятельностью: строит каменные причалы, обустривает места швартовки судов. Он выступил инициатором выкупа Болдинского имения А.С. Пушкина с целью создания государственного мемориального музея. Он же инициировал создание Нижегородского общества любителей художеств.

Павел Фёдорович состоял членом 29 благотворительных обществ, в которые регулярно платил немалые взносы.

В его губернаторство в 1905 году произошла демонстрация в Сормове, описанная М. Горьким в романе «Мать», был арестован Пётр Заломов. Суровость мер против революционеров активизировала усилия эсеров, которые во главе с Борисом Савиновым готовили покушение на нижегородского губернатора. В должности нижегородского губернатора П.Ф. Унтербергер пробыл до начала ноября 1905 года. За несколько дней до окончания губернаторства он был произведен в сенаторы.

Унтербергеру предложили вернуться на Дальний Восток и стать генерал-губернатором уже всего Приамурского края и командующим войсками Приамурского военного округа, а также наказным атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск. В 1906 году за отличие по службе П.Ф. Унтербергер был произведен в инженер-генералы, получив таким образом высший воинский чин.

Приступить к исполнению обязанностей и прибыть в Хабаровск П.Ф. Унтербергер смог только в

1906 году после восстановления порядка на Транссибирской железной дороге, расстроеного революционными выступлениями солдат и рабочих.

П.Ф. Унтербергер провёл в должности военного губернатора Приморской области почти 9 лет. При нём успешно продолжалось экономическое развитие Приамурского края, работа по его заселению и освоению ресурсов. Сам П.Ф. Унтербергер, как и прежде, много времени проводил в поездках по краю, посетил Сахалин, Чукотку, Камчатку и Командорские острова. Он провёл важные административные преобразования, выделив Камчатку и Командоры в отдельную Камчатскую область, образовал Сахалинскую область в составе северного Сахалина и территорий нижнего Амура с центром в Николаевске-на-Амуре. Продолжил он и научную работу, написав книгу «Приамурский край. 1906 – 1910 гг.», изданную в 1912 году.

Он всячески поддерживал исследовательскую деятельность Владимира Клавдиевича Арсеньева (впоследствии путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока), давая молодому ученому ценные рекомендации и щедро делясь своим богатым опытом. Арсеньев считал П.Ф. Унтербергера одним из своих учителей, и их переписка продолжалась до самой смерти П.Ф. Унтербергера в 1921 году.

В.К. Арсеньев. До 1917 года

В декабре 1910 года в возрасте 68 лет и в чине инженер-генерала Павел Фёдорович оставил Дальний Восток уже навсегда и переехал в Петербург, где до 1917 года продолжал службу в качестве члена Государственного Совета. После революции, в 1918 году, Павлу Унтербергеру удалось переехать в Ригу, где жила семья его дочери Марии Генриетты Шолер. Ее муж Ганс Лотар Шолер был владельцем замка Ремплин в Мекленбурге (Германия), и семья попеременно жила то в Риге, то в Ремплине. В этом замке Павел Федорович Унтербергер и умер 12 февраля 1921 года.

75
ПОБЕДА!
1945–2020

О ВОЙНЕ НАПИСАНО НЕ ВСЁ...

Итоги поэтического конкурса

Девятого мая, в день 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, были подведены итоги областного поэтического конкурса «О войне написано не всё...». Этот конкурс был инициирован Дворцом книги – Ульяновской областной научной библиотекой им. В.И. Ленина совместно с Ульяновским региональным отделением общественной организации «Союз писателей России». Целью конкурса было развитие творческого потенциала ульяновских авторов, а также сохранение исторической памяти о подвигах нашего народа, его жертвенности и героизме.

Всего в конкурсе приняло участие 72 автора из самых разных уголков Ульяновской области.

«День Победы – это наша горькая память, гордость за отвагу и мужество наших отцов и дедов, матерей, за всех, кто сражался на фронте и трудился в тылу, чтобы разбить фашизм. Замечательно, что в конкурсе приняли участие люди старшего поколения, ветераны и дети войны. Отраднo, что в конкурс включились младшие школьники. Переключка поколений свидетельствует о том, что память о Великой Победе будет жива! Низкий поклон всем, кто организовал этот незабываемый конкурс!» – говорит член жюри Александр Дмитриевич Лайков.

**Лауреаты конкурса
в младшей возрастной категории (до 18 лет)**

*I место – Анастасия ЧУГУНИНА
(Новоспасский район, село Комаровка)*

ВОЙНА

Какое слово страшное – война!
Как много в этом слове горя!
И пусть давно закончилась она,
Нельзя об этом вспоминать без боли.
Ведь миллионы жизней унесла,
И тысячи детей осиротила,
И в каждый дом с бедой она пришла,
И никого об этом не спросила.
Какое слово страшное – война!
Людей одела в чёрные одежды,
Уничтожая на своём пути
Любовь и радость, веру и надежду.
Какое слово страшное – война!
Страшнее нет на свете слова!
И помнить мы о ней должны всегда,
Чтобы она не повторилась снова!

*II место – Екатерина ВОРОНОВА
(р.п. Вешкайма)*

С ВОЙНЫ ВЕРНЁТСЯ НАШ ОТЕЦ...

Прошла суровая зима,
Утихли вьюги и метели.
И гробовая тишина
Разбита звонкою капелью.

Нет больше взрывов и раскатов,
Всё поутихло наконец.
И мы надеемся, что скоро
С войны вернётся наш отец!

Зайдёт с улыбкой, на пороге
Обнимет нас, слезу пустив.
Он, родненький, прошёл так много...
Он нас спасал, он не погиб!

**Лауреаты конкурса
среди молодежи (от 18 до 35 лет)**

II место – Александр БУХАРИН (г. Ульяновск)

Спросите русские берёзы –
Стояли будто в страшном сне,
Спросите высохшие слёзы
На жёлтых письмах о войне.

Спросите тех, кто одиноко
Лежал в степи, живой едва,
С платком в руке, по воле рока
Глотая горькие слова.

Что спящий у блиндажной двери
Солдат просил во сне у звёзд,
Спросите, что бежали звери
Из разорённых нор и гнезд.

Спросите, перед подготовкой
Земля желала ли огня,
Спросите, что малыш с винтовкой
Шептал, взбираясь на коня.

Спросите, что молчит долина,
Врагом спалённая дотла.
Спросите мать, что сердце сына
За День Победы отдала.

III место – Екатерина БОГДАНОВА (г. Ульяновск)

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФОНТАН

Фонтан разрушенный танцующих детей
И крики ворона над плотью помертвевшей...
Не разорвать уже губительных сетей,
Не зацвести земле, навек осиротевшей,

Холодной, скрытой под обломками земле,
Кровавым ливнем и слезами напоённой.
Как бледный призрак, возвышается во мгле
Фонтан, детьми в предсмертном танце
окаймлённый.

Пустынный город адским пламенем объят,
Ничтожен в нём и человек, и зверь, и птица.
И только статуи безжизненно стоят,
Мрачны их грязные отчаянные лица.

Холодным ужасом сковал их близкий взрыв,
Незримо каменные руки сжались крепче.
Огонь взметнулся до небес, и, солнце скрыв,
Им дьявол сумрака о смерти скорой шепчет.

Обезображены следами ржавых ран,
Как страшный памятник потерянному детству,
Они стоят. Хотя разрушен их фонтан,
В их слёзы можно, точно в зеркало, смотреться.

**Лауреаты конкурса
в старшей возрастной категории
(старше 35 лет)**

I место – Олег ХРАМОВ (г. Ульяновск)

СТАРАЯ ВДОВА

Ветер в сенцах ветхих дует.
В доме старом над рекой
Уж который год кукует
Бабка вдовая с клюкой.

Всё богатство – на копейку:
Клин земли под огород,
Под берёзою скамейка
Да колодец у ворот.

В доме печка, лавка, кошка,
Богородица в углу.
Вдаль упёрлись три окошка,
Трёт рябина по стеклу.

Часто смотрит в окна бабка
На дорогу под закат.
Шалью кутается зябко:
Кто там? Может, сын-солдат?

Гладит сморщенной рукою
Снимок юного бойца.
Под пилоткой взгляд с тоскою,
А улыбка – в пол-лица.

И однажды услышала.
Будто въявь, а не во сне
Тень в окошко постучала:
«Не вернуться, мама, мне».

Горько всхлипнула вдовица:
«Ох, святые, где же вы?»
Не успела помолиться,
Сполз платочек с головы.

Стукнет в окна грустно ветка.
Пальцы сложатся в шепоть.
Перекрестится соседка:
«Вот и всё... Прибрал Господь».

II место – Ольга ВОЛЬНОВА (г. Ульяновск)

100 ЛЕТ ПРОЙДЁТ СО ДНЯ ПОБЕДЫ

Посвящается деду Коверзневу П.Г.

Сто лет пройдёт со Дня Победы
И спросят внуки у меня:
– О нашем предке нам поведай,
Что спас Россию от огня.

– Как в сорок первом с остальными
Ушёл на страшную войну...
– Прапрадед Пётр – запомни имя –
Стал воевать за тишину,

За белоствольную берёзу,
За клён резной, за отчий дом!
Не вытирайте, дети, слёзы,
Что льются в память о былом.

– Скажи, а много ли медалей
Принёс домой твой славный дед?
– А разве важно, сколько дали?
Важней, что мир уже сто лет!

– А сколько танков, самолётов
Он уничтожил в битве той?
– Где фронтовые письма с фото
И где пилотка со звездой?

– Не знаю, – внукам я отвечу. –
Всё без вести пропало с ним.
Лишь Родина и память вечны.
Давай, Россия, помолчим.

Специальный приз

*«Война вошла в мальчишество моё...» –
Евгений СОРОКИН (г. Барыш)*

ПОБЕДИТЕЛИ

Пришёл тот долгожданный день для нас,
День, славою Россию повенчавший.
Вновь наш солдат народ Европы спас
Ценою жизнью миллионов павших.

Гроза прошла. И весь народ вздохнул.
В улыбках светлых озарились лица.
И замер мир, когда катился гул
Парада победителей в столице.

Герои величавы и просты,
Без всякой тени напускной гордыни.
И Мать-Отчизна вещице персты
Простёрла вам с величием богини.

Полвека с лишним минуло с тех дней...
Поля сражений от боёв остыли...
Но только вы для Родины своей
Остались в памяти, какими были.

Как ни ломали бы судьбу страны,
Как бездари б её ни унижали,
Но чести предков были вы верны,
И вашу честь затмить кому едва ли!

Владимир ПЫРКОВ (1935 – 2010)

родился в 1935 году в Ульяновске. Окончил историко-филологический факультет Ульяновского педагогического института. Несколько лет отдал самоабвенной работе в газете «Ульяновский комсомолец», на страницах которой расцвела тогда свободная и неподцензурная молодая поэзия. Будучи блестящим редактором, Владимир Пыркoв олицетворял настоящую школу поэтического мастерства.

Автор книг «Озера», «Алый снег», «Колокола под снегом», «Свет берез», «Материнская речь», «Лилии с ближних озер», «Дом на Венце». Стихи, очерки и литературно-критические статьи писателя широко известны российскому читателю по книгам и публикациям в периодике. В.И. Пыркoв – признанный мастер короткого лирического рассказа, автор лирических поэм «Дом на Венце» и «Обыск», написанных на чистейшем русском языке. Поэтическое мастерство В. Пыркова – ювелирно. В его стихах и рассказах нет ничего случайного: каждый образ, каждое сравнение читается как музыкальная нота.

Поэма «Обыск», опубликованная в «Российском писателе» в 2015 году, стала началом серьёзной общественной дискуссии о ненарушаемом нравственном пре-

На Волге в Ульяновске. Владимир Пыркoв

деле, который обязательно должен оставаться в запасе у каждого человека – и особенно у человека молодого, растущего – как защитный барьер от пустоты, лицемерия, ханжества, равнодушия, жестокосердия.

Несколько лет Владимир Пыркoв возглавлял Ульяновскую писательскую организацию, с 1980 по 1990 год был заведующим отделом поэзии журнала «Волга» (Саратов) и долгие годы входил в его редакционную коллегию.

Через всю свою жизнь Владимир Пыркoв пронёс негасимую любовь к родному Ульяновску, Венцу, Подгорью, где прошло его военное детство, к навсегда утраченным заливным озерам, к истории и культуре Симбирска. Последние годы жизни писатель посвятил трепетному изучению наследия И.А. Гончарова.

ИЗ НАВСЕГДА ОТБУРАНИВШИХ ЗИМ

Военное детство в Ульяновске. Страницы воспоминаний

ЧЁРНЫЙ. РОЗОВЫЙ

Когда в костёр воспоминаний подбрасываешь осенний сухостойный бурьян, который многим в военные годы заменял вязанку сырого осокоря, видишь своё детство в городе, не задетом снарядом или бомбой, детство в глубоком тылу. Словно отрезки лент из кинофильмов, где нет артистов. Между этими отрезками спрессовано время. Если хотите – смотрите, слушайте.

Отрезок 1-й. Странно праздничная даль. Наш дом у подножия Венца. Бесконечье блистающих озёр в поймах. Их так хорошо видно с высоты. Во дворе на табуретке сапожник. Мы спрашиваем у него, что такое война. Её только что объявили. Он шурится на хрупкую туфельку. Должно быть – Золушка. Завтра он уйдёт на фронт. Накануне был такой закат, что стрижи казались золотыми.

Отрезок 2-й. Дом старый. Он потемнел от дождей и ветров. Мел в маленькой руке – тоже свидетель истории. Постепенно выцветают на дверях и подо-

конниках довоенные улыбчивые «челобречки». Появляются танки, самолёты, увенчанные звёздами. Здесь, в рисунках, мы, дети, давно уже победили.

Отрезок 3-й. Выше нашего дома – дом из красного кирпича. Мы так и зовём его – «красный». На нём установлен чёрный громкоговоритель. Каждое летнее утро из него торжественно и скорбно – об отступлении наших.

Отрезок 4-й. Эвакуированная. Новая жиличка в двухэтажном деревянном доме, который когда-то принадлежал царскому генералу. На террасе, обращённой к Волге, она читает нам, детям, «Правду». Читает очерк о Тане. Мы маленькие, даже не первоклашки. «Что это? – спрашивает мальчишка. И показывает себе на грудь: – Здесь что-то стучит».

Отрезок 5-й. Колонка далеко. Обледенелье ведра. Руки матери. Новый год. Ни одной веточки с колкой красавицы. Поставили венок в алюминиевую кружку и украсили цветными бумажками. Всего вкуснее вода из-под сварившейся картошки, не считая, конечно, хлеба.

Отрезок 6-й. Первая военная песня. Май. Но огромный сад, который начинается сразу же за «красным» домом и сбегает чуть ли не до самой Волги, не зацветает. Морозы, впад в иступление, добрались до корней. И когда вниз по Волге ушли и матёрые льдины, и крошевый камский лёд, напрасно всматривались в берег старые капитаны буксиров. Эхо от гудков печально.

Старухи с нашего спуска сговаривались по две, по три, брали с собой мешки, где, по правилу, должна была бы храниться картошка, захватывали заржавленные топоры и шли тайными тропами в осенний сад.

Стволы доставались самым предприимчивым и ловким. Остальные довольствовались корнями, выкорчёвывая их.

Сад не проронил в те минуты ни слова. Но что-то очень неломкими были ветви яблонь и груш, а в звуке топоров слышалась глухая, затаённая боль.

Однажды и мне всучили мешок. Я помню растерянный свист караульщика, его крик: «Люди добрые, да что ж вы делаете?» Побежала, бросив мешок и жалко спотыкаясь, старая соседка. Бесцельно метнулся я.

Потом сторож хмуро перевязывал тряпицей большую садину на моей ноге, приложив к ране листок жестковатого подорожника, а выпроваживая меня из сторожки, повторял одно и то же слово: «отойдёт».

Отрезок 7-й. Ленинградские дети. В доме Языкова, где когда-то останавливался Пушкин, для них детдом... Весной на «Голубковском порядке» грелся на солнышке ленинградский мальчик, сморщенный старичок. Тихо-тихо жевал яйцо. Ел совсем безразлично, обильно посыпанный пеплом горя.

Отрезок 8-й. У обелисков, где стоят освобоители Симбирска, летом яркие клумбы. Никто из нас не сорвал ни одного цветка. Зато терпят урон подгорные огороды. Хозяйки иногда ловят нас и... горестно отпускают, наградив лишним огурцом. Подымаются по крутой лестнице в гору, согнувшись от корзин. Несут на базар помидоры. Редко кто не откинёт белую тряпицу с корзины и не протянет нам – просто так – угощение.

Отрезок 9-й. Школа. Тетради, смастерённые из газет. Мы пишем: «Мама мыла Милу. У мамы – мыло». В букварях возле этих слов нарисован красивый жёлтый брусок. Дома нет такого. Дома – жидкое мыло, полученное по карточкам на месяц...

Школьные завтраки. Ломтик хлеба с несколькими сладкими кристалликами. Городские сговариваются и отдают хлеб детдомовцам. Иногда местное радио объявляет тревоги. До позднего вечера нас держат в школе.

Отрезок 10-й. Близ Венца на крутогорье, у садов, – зенитчики. Их землянки. Редко, но залетают вражеские разведчики. От залпов лопаются стёкла. Кухня артиллеристов во дворе нашего дома. Повар щедр к детям. Солдаты читают вслух весёлые, едкие стихи про близкий конец Гитлера и его своры, вместе с нами пьют у киоска на Венце неестественно яркий морс на сахарине.

Отрезок 11-й. Проснулся ночью. Смотрю с террасы. На Волге ни огонька. Земля, горячая после

июльского дня, похожа на сухое лицо с потрескавшимися губами. С кромки обрыва за домом невнятные обрывки разговора. Парочки облокотились на деревянную ограду Венца, построенную на днях. Девушки прощаются с курсантами, которым завтра на фронт. Где-то бой. Но какая тишина в ночном Ульяновске...

Отрезок 12-й. По склону расползлись вьюны – утренние цветы. Они пахнут конфетами, которых давно никто не видел. Они по форме похожи на тот самый репродуктор, установленный на «красном» доме. Только репродуктор чёрный, а вьюны розовые. Но громкоговоритель месяц за месяцем передаёт добрые вести. То, что предрешили детские рисунки мелом, растёт и крепнет. Два репродуктора – чёрный и розовый – обещают людям одно и то же – близкое счастье победы.

Отрезок последний. Раннее цветение садов. С утра туманный нерешительный дождь. Тёплый-тёплый. Это 9 мая. Никого не стыдясь, обнимает землю раненый с костылём. Плачет, и нам, повзрослевшим, всё понятно. Нам, не видевшим войну, не надо спрашивать, что это такое. Тот сапожник с Золушкиной туфелькой уже погиб.

Давно не было огней – и вот они, во всю свою распахнутость – салют на площади, у памятника Ленину.

На другой день мы подбираем несгоревшие кусочки ракет. Домашние всплёскивают руками, когда в печке вздрагивают кастрюли от синих и сиреневых вспышек.

Это уже наш личный салют. Салют детства.

СТЕКЛЯННЫЕ КАРТИНКИ

Не знаю, как это получилось, но на экзамене по русской литературе рассказал о своей матери...

* * *

Время от времени я заглядываю в магазины художественного фонда, чтобы купить несколько кистей и тюбиков масляных красок, чаще других – белила.

Мать сообщает в письме, что у них там неважный выбор кистей и красок, а сейчас зацветает черёмуха, а черёмуха облетает мигом и надо торопиться подарить черёмухе долгую жизнь.

Мама дорожит каждой, даже совсем изношенной, облысевшей кисточкой, каждым выжатым-перевыжатым тюбиком, так же, как я, перенёсший голод, всегда буду дорожить каждой крошкой хлеба. Цепким движением скупца поднимешь иной раз её с пола...

* * *

Дом стоял на спуске в Подгорье. Мы снимали в нём квартиру, но платить за квартиру было некому: дряхлая хозяйка дома умерла в самом начале войны, а её взрослые дочери были бог знает где. Деньги старушка припрятывала, и поэтому её часто видели в овраге, в зарослях заманчивой поздники – паслёна чёрного. Ягодка к яголке – и отравилась, да так, что и молоко уж не помогло...

* * *

Вспомнили мы, что на чердаке есть огромный ящик со стеклянными негативами, аккуратно рассортированными по коробочкам (на крышках фирменное – «Ирис» и на конце «ять»). Мы помогли матери перетащить их в нашу комнату, потом она показала нам, как надо смывать с негативов эмульсию. Это было легко: сначала посмотришь на свет (чинные позы, спокойные, уверенные лица, белые глаза и чёрные воротнички), а потом опускаешь в корыто с тёплой водой. Чьи-то жизни выплёскиваешь потом с тёмной скользкой водой...

* * *

Вечером, при свете мигушки (пузырёк с керосином, пара жестянок, да ватный фитилёк), размещалась мать у стола (редкий стол, старинный, отец ещё приобрёл в случайке) и принималась за дело. Совершалось дальнейшее превращение какого-нибудь господина... Стекло размером с открытку – уже не стекло.

Осень... где же ты видела, мама, такую осень? Что за счастливый день повторила ты своей кистью?.. Собака замерла в прекрасной стойке – мозабвенным охотником слыл твой отец – часовых дел мастер... В белилах нехватка, но берёзы твои... Какой свет они источали, ожидая, надеясь, веруя! Мороз наглухо занавешивал наши окна без занавесок, но смешливые голубые колокольчики рождала твоя рука, но ромашки небоязливо и мудро смотрели в небо... И кажется, зима переставала пугать нас, когда усаживала ты на заледенелую ветку бодрого красногрудого снегиря...

Мы засыпали – мать ниже склонялась над столом, мы просыпались – дома её уже не было...

* * *

Утром я доставал из комода хлебные карточки и бежал в магазин.

– Тётъ, мне за два дня...

Уступала мне продавщица, но, наверное, скрепя сердце уступала: понимала же, что тяжёлым будет для семьи конец месяца. Дома я отрезал от буханки два ломтика – жеребёчка: младшей сестрёнке да младшему братишке. Себя обделял – как-никак съел дорогой довесочек и обломал корку с уголков кирпичика. Затем хлеб отделяли от нас двери шкафа, и начиналось самое трудное – ожидание матери.

От старшего брата (он тогда в ремесленном учился) осталось много учебников. Меня магнитом тянул один из них – хрестоматия по русской литературе. Державин. «Приглашение к обеду». Жадно перебирал я глазами строки:

*Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят,
В крафинах вина, пуни, блистая,
То льдом, то искрами манят;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются...*

Вкус стерляди я смутно, но представлял – был у отца знакомый бакенщик. Я глотал слюни, вспоминая, что в стерляди, кажется, и костей-то нет, а есть вкусный хрящ – хорда.

На слово «каймак» имелась сноска: «каймак – сливки, снятые с топлёного молока». Я углублённо, чуть не плача, изучал эту проклятую сноску. Мысленно навёртывал горячий наваристый борщ, затем приступал к следующей строке.

Вина меня не интересовали, но пуни вызывал воспоминания о лете, когда в киоске можно было задаром купить полное ведро алого морса.

«То льдом!» я пропускал (мороз на улице), «то искрами» согревало на мгновение, печка-то наша остывала за ночь.

О последней строке – «плоды среди корзин смеются», – и говорить нечего: стиснув зубы, я захопывал хрестоматию...

* * *

В сумерках возвращалась мать с рынка. Мы бросались к её кошёлке. В ней вместо стопки стеклянных картинок мы находили в самый везучий день с десяток заоченелых картофелин, баночку с квашеной капустой, кусочек свиного сала, пару сморщенных морковинок, шелудивую луковицу, бидончик замёрзшего молока.

Жаль нам было упорхнувшую красногрудую птицу, но её отсутствие означало запаха щей, картошки, топлёного молока с пенкой (и у нас каймак!), упрямо горящих поленьев (вместе с санками вносила мама осокоревую вязанку)...

* * *

У рыночной ограды, прямо на асфальте, мама расстилала клеёнку и раскладывала в ней свои работы.

Однажды остановился перед ними, протирая очки в золочёной оправе, закутанный в шубу старик.

– Я художник, – представился он матери. – Эвакуированный. Из Киева... Вы – талант. Это же чистый фарфор... Итак, вы накладываете краски с одной стороны стекла, а изображение получается с обратной? Я пробовал тоже, но скажите, как можно совместить в данном случае эту, например, ювелирную ветку с воздушной естественной перспективой?.. Во что вы оцениваете ваши картины?.. Но это же баснословно дёшево!.. Хотя, впрочем, иначе нельзя... Да, да, вы правильно говорите. Война изменила людей. Но и сейчас нельзя нам без красоты. Черстветь душой – преступление.

Записал он имя и адрес нашей матери, подарила она художнику несколько своих работ, и он ушёл, бережно унося их под мышкой...

* * *

Приедешь домой – как тебе рады там!

– Пойдём-ка... посмотри, что я тут сделала... Но строго не суди, кисти у меня плохие.

Смотрю и говорю матери, что хорошо, очень хорошо, а у самого сердце кровью обливается. Здорово постарела мать, сдала. Растеряла её рука гибкость и твёрдость, притуманились и глаза. Необидчив был тот снегирь, да невозвратен он, и цветы те, что исторгало материнское сердце в самую голодную стын, тоже невозвратимы...

* * *

Вот всё, что рассказал я моему экзаменатору, знающему войну не понаслышке, и мы с ним, нарушив порядок, закурили, благо я сдавал последним.

В билете, который я вынул, был вопрос о творчестве Державина.

ХЛЕБ ИЗ ЛЕБЕДЫ

Как знак отхлынувшей беды –
 А я с бедой знаком –
 В музее хлеб из лебеды
 Чернеет за стеклом.
 Похож он чем-то на руду,
 Давно окаменел.
 В лихом году, в каком году
 И я подобный ел?..
 Привыкнуть к чуду?
 Нет, прости.
 И потому домой
 Люблю торжественно нести
 Пшеничный иль ржаной.
 И лишь в подъезд войду, как там,
 Не знаю почему,
 На миг прижму его к губам
 И дух его вдохну.
 Вот так вдыхал бы и вдыхал,
 И я, пожалуй, рад,
 Что лучше запаха не знал,
 Чем хлебный аромат.
 Бывает, выронишь кусок –
 Подхватишь на лету!
 ... А начал я про что, сынок?
 Ах, да, про лебеду.

АЛЫЙ СНЕГ

Петру Сергеевичу Бейсову

Ждать назавтра ветер,
 а пока –
 Алый вечер, алые снега.
 Громко восторгаться
 не веля,
 Пламенеют русские
 поля.
 ...Мой попутчик –
 стреляный
 солдат.
 Не белы снега,
 когда закат.
 Не всегда бывала так
 слышна
 На планете нашей
 тишина.

В.И. Пырков

* * *

Сорок шестой или сорок седьмой?..
 Годы зажгутся гирляндой неярко.
 Зимних каникул скупые подарки
 Поровну с другом поделены мной.

Если бы вдруг сохранилась вельветка,
 Та, что в случайке купила мне мать,
 Пару хвоинок с надломленной ветки
 Я бы в кармашках сумел отыскать.

Послевоенные школьные елки!
 Тихий, с оглядкой, смех детворы;
 Кажутся чудом цветные картонки,
 Чуть ли не сном – золотые шары.

Нынче подумаю: кто их сберег нам,
 Что за провидец с печальным лицом
 Там, где крест-накрест оклеены окна,
 В мире, исчерченном тусклым свинцом?

Да и каким состраданием к детям,
 Нежностью к нам было надобно жить,
 Чтоб с леденцами в желанный пакетик
 Южное яблоко молча вложить.

Всё им пропахло: нахохленный иней,
 Воздух студёный, сугроба намет,
 Росчерк снегурок, закат снегириный,
 Новый, теперь уж без карточек, год.

Вкус вот не помню. Как будто истаяв,
 Благодарением стал он моим.

...В школе натопленной елка густая
 Из навсегда отбуранивших зим.

Публикация Ивана Васильцова

*Людмила МОВЧАН, победитель Всероссийского конкурса
«Поэтическая летопись Победы».*

В СОЮЗЕ ЖИВОПИСИ И СЛОВА

Анализ стихотворения Н.Н. Благова «22 июня»

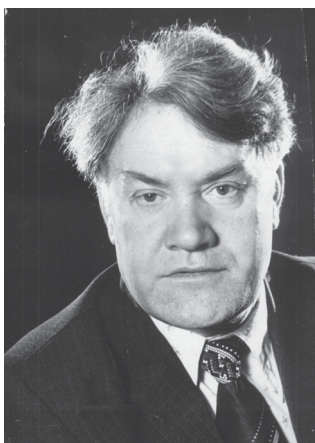
и его сопоставление с картиной А.А. Пластова «Фашист пролетел»

«...Безумие и ужас», хаос, смерть, бессмысленность, пронзительные вопли, лужи крови, стеклянные глаза, трясущиеся руки, потеря надежды, близких, жизни... Сколько кошмарных образов рисует в нашем воображении слово война! Мы, люди XXI века, знаем о чудовищном всаднике из рассказов близких, книг, картин и, к огромному счастью, никогда не встречались с ним лицом к лицу. И если у нас при одной мысли о событиях войны наворачиваются слезы на глаза и нам становится горько и жутко, то каково было людям, которые воочию видели ужасы военного времени? А каково было детям войны, маленьким, невинным существам, чье сердце полно добра и любви к ближнему и чей светлый разум не может понять, почему одни люди убивают других... Особенной тоской, скорбью и жалостью проникаешься к ним.

Десятилетним мальчиком встретил войну мой земляк, уроженец Ульяновской области, поэт Николай Николаевич Благов. События военных лет произвели на него сильное, неизгладимое впечатление, что можно заметить при прочтении его произведений. В 1983 году Благов получил Государственную премию РСФСР имени Горького за свою книгу стихов и поэм «Поклонная гора», которая включает в себя в том числе и военную лирику. Поэзия Николая Благова – это суровый и горький рассказ о поколении, которое испытало всю невероятную тяжесть военного лихолетья и помогло своей Родине одержать поистине Великую Победу...

Сильное, проникновенное, выразительное стихотворение «22 июня» является прекрасным примером военной лирики Николая Благова, поскольку оно во всей полноте отразило атмосферу надвигающегося кошмара, катастрофы и показало ярчайший контраст войны и мирной загородной жизни.

Рассвет томил затишьем,
Как гроза,
Из трав стреляли жаворонки в небо.
Одни чужие, жадные глаза
Обшаривали край,
Пропахший хлебом.
Всё ближе стекленели ожиданьем.

Николай Благов

В рассветных дымках разглядеть легко,
Как, разливая сизое мерцанье,
Играл весь запад гранями штыков.
Чугунное дыханье приглуша,
Темнели танки,
Притаясь на травах.
Они сейчас в испаринах кровавых
Рванутся,
По земле пылающей кружа.
И ниоткуда раскатился гром!
За раздорожье двух миров вгрызаясь,
Полями,
Как раскиданным костром,
Металась, обжигаясь, бронь борзая.
И мушкой чью-то жизнь подкараулив,
Солдаты на завянувшей траве,
Здесь, обменявшись пулями,
Уснули.
К Берлину головой
И головой – к Москве.

«Рассвет томил затишьем, как гроза» – так начинается стихотворение. С самого начала можно увидеть сочетание слов разной эмоциональной окраски. Рассвет, первое слово стихотворения, это всегда рождение, наступление чего-то нового (временного отрезка или события). Зачастую образы, ассоциирующиеся с ним, имеют светлую, положительную окраску. Но рассвет «томил» своим затишьем, и более того, томил «как гроза», что дает читателю понять: грядет что-то ужасное, мощное, разрушительное, началом которого является это томящее затишье рассвета. И при обращении к названию стихотворения становится понятно, что перед нами изображена картина начала войны, самого первого ее дня.

Новые образы возникают с третьей строки: образ жаворонка и трав. Образ травы в данном случае является символом Родины, родной стороны, а также вызывает ассоциацию с жизнью, прохладой, спокойствием. Жаворонок – утренняя птица. Её образ символизирует свет, жизнь, радость нового дня. Это символ весны, радостного предзнаменования. Но жаворонки «стреляют в небо» (в значении быстро взлетать). Почему они вдруг стремительно покинули прохладные травы? Что нарушило их покой? Война. Эту строку можно рассматривать не только как пейзажную зарисовку, но и как утрату радости, надежды, счастливой жизни на Родине, которую постигла война.

А в это время враг, чьи глаза «чужие» и «жадные», уже вторгся в милый «край, пропахший хлебом». И снова идет это противопоставление родного и чужого, милого и противного, войны и мирной

жизни, пронизывающее все произведение.

Атмосфера нагнетается. Зловещее предсказание читается в следующих строках: «В рассветных дымках разглядеть легко, как, разливая сизое мерцанье, играл весь запад гранями штыков». Уже сейчас, в самом начале катастрофы, есть представление о том, чем и как она кончится. Еще неизвестно, какое государство победит в этой войне, но ясно что будет много смертей: как солдат, так и мирных людей.

Грядущее вырисовывается все ярче и ярче: сейчас нашему взору открыты танки, которые, «чугунное дыханье приглуша, темнели», «притаясь на травах» (вновь возникает образ трав, однако на этот раз как символ тихого шепота, молитвы, не случайно его сопровождают деепричастия «притаясь», «приглуша»). Но уже совсем скоро они «в испаринах кровавых рванутся, по земле пылающей круша». Как мастерски написана эта строка: глаголы «рванутся» и «круша» создают подходящую эмоциональную окраску фразы, а использование приема аллитерации, повторение твердых согласных [р], [в], придают стиху особую звуковую выразительность.

«Из ниоткуда раскатился гром!» Свершилось, началась священная война!.. Гром, такой метафорой обозначает поэт зловещего всадника. Сравнение войны с грозой (громом) было выбрано отнюдь не случайно, а чтобы показать стихийность, разрушительность, ужасающую мощь войны. Здесь же стоит заметить, что гром раскатился «из ниоткуда», а это дает основание полагать, что война – бессмысленна, неконтролируема, непредсказуема. Она рождается из хаоса и порождает хаос.

Так поэт описывает сам ход войны:

За раздорожье двух миров вгрызаясь,
Полями,
Как раскиданным костром,
Металась, обжигаясь, бронь борзая.
А конец стихотворения поражает своей сильной заключительной сценой:
И, мушкой чью-то жизнь подкараулив,
Солдаты на завянувшей траве,
Здесь, обменявшись пулями,
Уснули.
К Берлину головой
И головой – к Москве.

В последний раз появляется в произведении образ травы в значении жизни и Родины: погиб солдат, но вместе с ним медленно умирает и его Родина, потерявшая одного из своих верных и самоотверженных защитников.

А последние две строки пробивают до мурашек. Ведь в них подчеркивается абсолютная бессмысленность войны: люди разные, но все они одинаково достойны права на мирную, спокойную, счастливую жизнь на Родине. Мы должны жить в мире по принципу «Свобода, равенство и братство», любить и уважать себе подобных. А главы государств, хладнокровно играющие в шахматы своим народом, поступают совершенно негуманно и бесчеловечно.

К этой же проблеме обратился художник Аркадий Александрович Пластов в своей картине «Фашист пролетел».

А.А. Пластов. Фашист пролетел. 1942. ГТГ

Осень. Косогор. Юные тонкие березки в золотом уборе. Глубокий покой погожего осеннего дня. Не шелохнется ни одна былинка. Резкий вой собаки прорезал тишину. Потерянно бродят овцы...

Припал щекой к сухой колкой траве пастушок. Алая кровь обогрела его русые кудри, далеко отлетели шапка и кнут. В неловкой позе, с вывернутой рукою долго еще будет лежать малыш, крепко прижавшись к родной земле. Не встать ему.

Далеко, далеко в ясном небе над умиротворенной пасторалью виднеется фашистский самолет. Мгновение назад свинцовый ливень остановил жизнь ничего не подозревающего ребенка. На фоне мирной родной природы особенно чудовищным и жестоким выглядит совершенное фашистами преступление. Пластов не случайно изобразил осенний пейзаж, который своей печальной красотой образно оттеняет трагическую гибель пастушка. Склон косогора художник написал переливающимися теплыми тонами. Золото молодых березок, тут и там мерцающие багряные пятна осенней листвы, зеленый бархат озими – все это воспринимается как красивое музыкальное сопровождение к печальной, нежной, лирической песне, полной глубокого внутреннего трагизма.

Несколько приглушенный колорит, построенный на светло-коричневатых и желтоватых красках, гаснущий свет дня вторят драматизму сюжета, помогают передать настроение. Эта картина надолго врезается в память и заставляет смотрящего задуматься: стоят ли прихоти государей, их грошова, мелочная воля к власти жизни ребенка? Имеет ли смысл победа в войне, если из-за нее погибают дети? Нет. И неоспоримо прав был Ф.М. Достоевский, сказав, что счастье всего мира не стоит одной слезы на щеке невинного ребенка.

Страшно! Не хочется даже думать о тех ужасных событиях, но слишком высокой ценой досталась нашему народу победа в той чудовищной войне, которая не щадила никого: ни детей, ни стариков. И у любого русского человека на генетическом уровне заложено неприятие черной чумы. Нельзя забывать тех, благодаря кому мы свободная нация. Поэтическое слово и образы живописи хранят в себе отголоски военного времени и помогают чувствовать и любовь к своей стране, ее природе, и боль потерь.

ЧЕРЕМИШАН

Евгений ЛАРИН – ветеран Великой Отечественной войны, почетный гражданин Димитровграда, поэт, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России, член димитровградской писательской организации «Слово».

Продолжение.

Начало в журнале «Симбирскъ» №5, 2020

ТОСЯ

Документальная повесть

На чердаке

Погода снова резко переменилась. Лёгкий морозец, продолжавшийся несколько часов, сменился вдруг оттепелью. Подул пронизывающий порывистый ветер с мелким холодным дождём.

Фёдор шёл вслепую, бесцельно, из желания согреться. Он коченел на ходу, дул на скрюченные пальцы, всё ещё не решив, как быть. Пробираться к своим? А где они, свои? По какую сторону? Идти наугад? А куда? Куда кривая выведет?..

Сколько он ни гадал, сколько ни прикидывал, а оставалось одно – идти в село, в ту самую Ново-Ивановку, где ещё сегодня утром он вместе с Тосей выпил кружку горячего чаю. Но и туда идти было далеко не безопасно. Фёдор считал, что бронетранспортёр с немцами направился в село и, видимо, там остался. Значит, фашисты разошлись по хатам и опрометчивый визит в тепло сейчас может стоить очень дорого.

И всё-таки выхода не было. У Фёдора не попадал зуб на зуб, рана к непогоде заняла ещё сильнее,

и сознание твердило только одно слово: «В село, в село, в село».

И Фёдор пошёл. Пошёл осторожно, в сторону, где были огороды. В хаты он решил не стучаться, хотя в показавшейся хатёнке заманчиво мигал тусклый огонёк коптилки.

«Сейчас мне не до тепла, – утешал себя Фёдор, – мне нужна просто крыша, просто укрытие, чтобы избавиться от этого пронизывающего ветра. Может, на счастье, удастся зарыться в сено или солому... Хорошо бы попасть в хлев, в тёплый коровий хлев...»

Фёдор вспомнил, как, бывало, по утрам он заходил в конюшню дать корове корму, а там так было тепло, что воздух шёл в распахнутую дверь, как дым из трубы.

Где-то, похоже в другом селе, несколько раз негромко протявкала собака, и совсем-совсем рядом запахло дымком и печёной картошкой.

Фёдор остановился. Прямо перед ним темноло что-то похожее не то на омет, не то на сарай. Дым стелился по низу, и было ясно, что перед ним хата

с дымящейся печкой. И так веяло жильём, что никак не хотелось верить ни в немцев, ни в то, что совсем недалеко лежат его убитые друзья. Нестерпимо хотелось метнуться со всех ног в двери этого жилища, сбросить с плеч промокшую одежду и блаженно протянуть руки к огню.

Снег хрустел, издавая громкие звуки. Фёдор осторожно ставил ногу, слегка надавливал на корку и так пробирался шаг за шагом к хате.

Вот перед ним показалась лестница, и, осмотревшись, Фёдор заметил, что она представлена к дверце, ведущей наверх.

«На чердак», – решил Фёдор и тихо стал забираться, на всякий случай приготовив оружие.

Дверца слегка пискнула петлями, словно проговорила: «Да потише ты», – и Фёдор обшарил темноту руками, зная, что обычно на чердаках хозяева сваливают всякую рухлядь, которая в любую минуту может предательски загреметь. Рука его ткнулась во что-то мокрое, похожее на бельё. Так и есть – бельё. Во весь чердак была протянута верёвка, на которой оно было развешано, видимо, после стирки.

Фёдор прикрыл дверцу и пополз на четвереньках, выбирая место, где бы примоститься, но задел щекой за что-то тёплое. Труба! Фёдор обхватил трубу обеими руками и прижался щекой к её дышащей теплом шершавой поверхности.

На короточках Фёдор сидел до тех пор, пока у него не онемела поясница. Он вытянул ногу и вздрогнул. Она упёрлась во что-то мягкое. Пощупал рукой и ощутил то ли тулуп, то ли овчину. Потянул на себя – шуба! Потянул ещё – опять шуба. «Что за чертовщина? – пронеслось в голове. – Откуда их столько? И почему они здесь? А-а, наверное, от немцев спрятали. Моя мать, бывало, тоже нередко тулупы на чердаке держала».

Фёдор сбросил с плеч промокший насквозь бушлат и пристроил его к трубе для просушки, затем одну из шуб натянул на себя, другую положил под голову, а третьей укрылся, прижавшись спиной к тёплой трубе...

Сон

И чудится ему чей-то голос:

– Старший лейтенант Вегеря, тебя вызывает Верховный Главнокомандующий...

Фёдор замер: не ослышался ли?

Но голос опять, на этот раз более чёткий:

– Да как ты смеешь медлить, когда вызывает сам товарищ...

И Фёдор ясно видит плотного человека в пенсне, вроде знакомого и незнакомого. Он распахивает тяжёлую дверь, делает знак Фёдору, чтобы заходил, и щёлкает большим, словно церковным, ключом.

Фёдор нерешительно остановился на пороге, за-

Тося Потапова

видев перед собой угрюмого человека с трубкой. Кабинет был огромный и вытянулся, как длинный прямоугольник. Человек стоял около карты, в полумраке, но Фёдор узнал его сразу. Узнал и испугался, когда тот повернулся и уставился на него, раскуривая угасшую трубку.

– Кто? – устало спросил он.

– Старший лейтенант Вегеря. Я уже вам про него докладывал, – вытянулся человек в пенсне.

– А-а, это тот самый, кто трусливо спрятался в лесопосадке. Девчонки и то бой приняли, а он предал их, спасая шкуру...

– Я был ранен и уполз в кусты, – прошептал Фёдор, не решаясь назвать этого чело-

века по имени.

– Вот именно – в кусты, – съязвил человек с трубкой. – Где твои товарищи?

– Все погибли.

– А почему ты жив?

– Наверное, пуля пощадила...

– И труса пощадила?

– Я не трус... Я трижды ранен и ни разу не покидал поле боя... Я с первых дней войны...

– Это ещё не доказательство, – перебил Фёдора человек в пенсне. – Документы?

Сунул Фёдор руку в карман и вспомнил: ещё утром вместе с документами Тоси он оставил их у одной женщины на хранение.

– Значит, нет? Бросил? Напугался, что немцы первого расстреляют?

Сверкая стёклами пенсне, человек смотрел на Фёдора страшным взглядом. В эту минуту он напоминал очковую змею, которая воинственно подняла голову, вот-вот сделает выпад и нанесёт смертельный удар.

Фёдор угрюмо молчал. Слова почти не противоречили истине, только документы спрятали они не из-за трусости. Просто не надеялись вырваться из кольца.

– А откуда мы знаем, что ты – это ты? – сверлил Фёдора взглядом человек в пенсне, словно выбирал самое уязвимое место. – Ты, может, выполняешь задание врага. А коли так, то ты враг, и с тобой следует поступать соответственно...

Фёдор растерялся, не зная, что ответить на эту страшную версию. «Враг? Я – враг?» И сердце ёкнуло от нестерпимой боли. Да, вот оно самое уязвимое место. Ну чем доказать, если сейчас нет ему никакой веры, если те, кто знал его боевые дела, полегли в балке и никогда не поднимутся...

Проснулся Фёдор в холодном поту и не поймёт, где он. И когда опомнился, то долго раздумывал над этим странным и, как ему показалось, вещим сном.

«Эх, и вправду не следовало бы оставлять документы, – сокрушался он, поддавшись сильно-

му воздействию сна. – Надо утром обязательно попасть к той хозяйке...». Но этой мысли тут же возразила другая: «Не спеши, брат, не загадывай. Не знаешь ещё, что будет. Доживи до утра – утро вечера мудренее...»

Труба уже почти остыла, но всё равно в кирпичах ощущались остатки тепла, в котором так нуждался Фёдор. Ему уже не спалось, и он опять серьёзно задумался над своей судьбой. «Так что же всё-таки делать? Куда держать путь? С кем посоветоваться? Кругом один как перст. Хоть бы пристать к кому-нибудь из другой части, легче было бы...»

К утру его опять одолел сон.

– Фе-е-а-а! – услышал он знакомый голос и замер от радости, увидев Тося. Она торопилась к нему навстречу, сияющая, счастливая, а подбежав, повисла на шее, неловко поцеловав его в колючий подбородок.

– Поздравляю, Федя, всё в порядке. Ты оправдан...

– Да в чём, Тося, дело? Я ведь совершенно ничего не знаю. Ни-че-го.

– Как не знаешь? – переспросила Тося и, как всегда, устала на него красивые чёрные глаза. Она задумалась и несколько раз провела мизинцем по родинке. – Ах да, ты и вправду не знаешь. Ну так вот, слушай. В наш трибунал поступило на тебя дело, что ты якобы перешёл к немцам, что у тебя и фамилия-то немецкая и что ты вообще тёмная личность, которую никто не знает...

И Фёдор видит себя на скамье подсудимых.

– Да, этого человека у нас никто не знает, – говорит прокурор.

– Как никто? Я знаю Фёдора Вегерю, – бросила писать протокол Тося.

Все переглянулись, а Тося продолжает говорить более откровенно:

– Он смелый человек. Очень смелый. К тому же мы любим друг друга...

– Доказательства, – стрельнул взглядом прокурор.

– Доказательств нет... А впрочем...

Тося достаёт из кармана гимнастерки фотографию Фёдора и подает её судьям. Фотокарточка пошла из рук в руки, и Тося загорелась от смущения, когда от тёплой надписи на фотографии просветлели глаза и судей, и военного прокурора.

– Где ты взяла карточку? – спрашивает после суда Фёдор. – Ведь мы всё оставили в Ново-Ивановке.

– А твою карточку я всё-таки оставила себе...

– Спасибо, Тосенька, – сиял Фёдор, – ты была отличным моим адвокатом. Я даю тебе слово, что тоже...

– Ку-ка-ре-ку! – затынул около них чёрный, с двумя белыми перьями, петух, и Тося, взглянув на него, засмеялась.

– Смотри, смотри, Федя. Как эсэсовец.

А петух как ни в чём ни бывало задрал голову, тряхнул пунцовым гребешком и опять:

– Ку-ка-ре-ку-уу!..

Плен

Проснулся Фёдор и чувствует, что где-то совсем рядом горланит петух, видимо чудом уцелевший от немецких мародёров.

Светало. Сквозь щели дверцы и старенькой камышовой крыши пробивался тихий рассвет, не предвещавший никакой тревоги. Взгляд Фёдора упал на верёвки, на которых он, к своему удивлению, увидел немецкий френч, брюки и две гимнастёрки зелёного цвета.

«Чёрт возьми! – вскочил Фёдор и насторожился. – Куда я попал? Уж не живёт ли у хозяйки этого дома какой-нибудь обер?» Фёдор опять присмотрелся к белью и задержал взгляд на платье. Форменное платье, какие носят девушки в нашей армии. Вот и кармашек... А на кармашке дырочка... А чуть выше ещё одна... «Следы от пуль» – догадался Фёдор, не зная, что и подумать о хозяевах этой хаты. Но кто бы они ни были, Фёдор твёрдо решил, что надо отсюда скорей сматывать удочки, хотя не решил ещё – куда именно.

Скрипнула дверь, загремел засов и послышался болезненный женский кашель. «Уж не сюда ли? – забеспокоился Фёдор, – чего доброго приспичит снимать бельё».

Фёдор бесшумно снял с трубы свой бушлат, он был ещё сырой и тяжёлый, сунул его в самый тёмный угол и перебрался туда сам. А хозяйка направилась в сарай, не переставая кашлять и плевать. Было слышно, как она гремит поленьями, видимо, собираясь топить печку.

Пока хозяйка набирала дров, около двора раздались немецкие голоса, а потом кто-то сильно за барабанил в сенную дверь.

Фёдор насторожился, сел в своём укрытии удобнее и приготовил пистолет.

– Матка, курка, матка, яйка! – кричал немец, барабаня сапогами в дверь.

– Та ничо немае, – слезливо пропела женщина, отодвинув задвижку и впуская солдат в сени. – Ей-богу ничего немае, – крестилась она, – усэ красноармейцы позабрали...

И в эту самую минуту предательски запел петух. Немцы оживились. Один из них резко оттолкнул женщину и бросился во двор. Грянули два выстрела и немец вышел из курятника сияющий, держа за шею огненно-рыжего петуха.

Второй немец сердито закричал на хозяйку, показывая на петуха пальцем. Он выражал своё недовольство попыткой хозяйки обмануть немца, снова резко толкнул женщину и наставил на неё автомат.

Но немец, в руках которого был петух, видимо, не намеревался терять время и портить настроение. Он потянул приятеля за рукав и оба фашиста удалились, довольные своей вкусной добычей.

А через несколько минут хозяйка, как и предполагал Фёдор, залезла на чердак и медленно стала снимать бельё. Она то и дело шмыгала носом, и в это самое время Фёдор неожиданно для себя икнул.

– Господи Иисусе Христе, хто? – напугалась хозяйка, озираясь по сторонам. Она знала, что за эти дни много красноармейцев, не успевших пробраться к своим, спрятались по погребам и сараям. Немцы же строго предупреждали, что за обнаружение русского дом будет сожжён, а хозяева расстреляны как укрыватели. Это-то обстоятельство до смерти напугало женщину, и она решительно распахнула дверцу чердака.

– Хто тут, выходь!..

– Свои, мамаша, – поднялся Фёдор.
– Яки таки свои? – повысила голос женщина. – А ну давай тикай!

– Да ты что ж, мамаша, делаешь? Куда я пойду, когда кругом немцы?

– Тикай, тикай! – не отступала хозяйка. – Ты що, хочешь щоб мою хату пидпальлы?

Она подозрительно бросила взгляд на полушубок Фёдора, и от её глаз не ускользнуло, что рукава слишком коротки, да и вообще было очень заметно, что одежда эта – с чужого плеча.

– Я, мамаша, уйду, только прошу мне не мешать, – угрюмо сказал Фёдор. – Вас как зовут-то?

– Устя, а що?

– Я, тётка Устя, уйду, но не сейчас, а как только стемнеет.

– О-о! – простонала хозяйка. – А як що нимци? И тебе, и мене расстреляють? Уходи, сынку, уходи, – уже взмолилась она, – дочка дюже больна. Нимци хату пидпалять, куда мы? Слушай, идём до погребу, идём, – и направилась к лестнице.

Тошно было Фёдору от того, как скрупулёзно заботилась эта баба о себе и своей хате. Всяких ему приходилось встречать женщин, а такую – впервые. Те сперва спросят, не ранен ли, покормят, переоденут и спрячут, а потом проводят в безопасное место. А эта... Впрочем, Фёдор даже не осуждал её. Он хорошо знал, как лютуют немцы. Всех запугали, всех держат в страхе и не на словах, а на деле показывают, на что способны. Во время недавнего наступления он досыта насмотрелся на зверства фашистов. Да и последнее их злодейство произошло на его глазах только вчера.

Фёдор спустился с чердака прямо во двор и услышал приближающийся грохот мотора. Похоже было, что где-то ревет немецкий танк.

Хозяйка повела Фёдора к погребнице, сказала, что с правой стороны есть отверстие, в которое Фёдор проворно юркнул, как в нору.

Оказавшись под низеньким шалашиком, Фёдор осмотрелся. В два ряда стояли ящики из-под снарядов, рядом с ними лежала пара хомутов, вожжи и прочая сбруя. «А эта тётка, оказывается, запаслива», – подумал Фёдор. Он раза два двинул ногой кучу верёвок, собираясь присесть, но вздрогнул, увидев окровавленную полу шинели английского сукна. Теперь у него не было никакого сомнения, – что хозяйка этой хаты занимается нечистым делом. «Уж не она ли была около убитых ночью? – подумал Фёдор, – если она, так очень жаль, что я промазал...»

Звук мотора становился всё ближе и ближе, и уже чётко различался ляг гусениц. Этот шум привлекал всё внимание Фёдора. Он прорыл в крыше маленькое отверстие и стал наблюдать за дорогой. Показался танк, на котором сидело четверо немцев с собакой, затем раздались окрики, выстрелы, и в село вторгнулась колонна наших пленных. Дорога была узкой, а их выстроили в четыре ряда. Те, кто шёл к краю, увязали в снегу, выбиваясь из последних сил. Некоторые спотыкались, падали, но тут же раздавалась очередь из автомата, и упавшие так и не поднимались.

Колонна шла и шла, и не было ей ни конца, ни края. Вместе с военными шло немало гражданских, женщин и детей. Пожалуй, их было больше, чем во-

енных. А по обеим сторонам дороги, на небольшом расстоянии друг от друга, сопровождали пленных верховые.

Опять кто-то упал. Его попытались поднять, но выстрел фашиста пригвоздил несчастного к снегу.

Вдруг два конвоира повернули головы на чей-то тревожный окрик и направили лошадей к хате, на чердаке которой только что был Фёдор.

– Что такое? – Фёдор прильнул к щёлке и увидел хозяйку. Она хладнокровно показала пальцем на погребницу.

– Продала, гадина, – вслух выругался Фёдор. Он выхватил пистолет, вынул обойму, но тут же со злостью бросил пистолет в угол. В обойме не осталось ни одного патрона.

К погребнице направились двое немцев.

– Рус, выходи!

И Фёдор вышел. – О, дохтр! – воскликнул фриц. И только тут Фёдор заметил на воротнике полушубка маленькую эмблему с головкой змеи. «Не с Оксаны ли эта стерва полушубок сняла?» – подумал Фёдор, и по телу его прокатился озноб, словно он сам был причастен к этому позорному делу.

Фёдора быстро обшарили, прикрикнули и затолкали в середину колонны.

А из хат выбегали женщины с картошкой и кусками хлеба. Они пытались передать пленным еду, но безуспешно. Конвойные разгоняли их. Одних они сминали под копыта, а тех, кому удалось добежать до колонны, не выпускали и гнали вместе со всеми дальше.

Откуда-то выбежали два любопытных подростка, конвоиры затолкали в колонну и их.

Из одной хаты немцы выволокли двух женщин и молодого мужчину. Он мычал что-то непонятное и показывал знаками на язык.

– Да это же Николай Гончаров, глухонемой! – визжали бабы. – Куда вы его!

Но что фашистам до этого! Они сгоняли всех без разбору. Для головы колонны Ново-Ивановка осталась уже позади. Люди оглядывались назад и вздыхали, видя нескончаемую чёрную ленту людей. Она вытянулась километра на три и походила на огромный знак вопроса, который задавал сейчас каждый: «За что?!»

Там и тут раздавались возгласы удивления:

– Господи! Та куды ж воны нас гонють?

– В Германию, говорят.

– Так на що ж им стількы люду? В Германии не то щэ хлиба, места не хватит.

– В земли затэ простору богато...

А сзади один за другим раздаются выстрелы и каждому ясно: пристрелили ещё кого-то, кто выбился из сил и падал на обочину дороги.

Разговаривали шёпотом, и больше всего гражданские. А военные оглядывались на эту бесконечную колонну и от бессилия и досады зло скрипели зубами. «Сколько людей, а! Да если бы сейчас вооружить хоть третью часть из них, они показали бы фрицам. И показывали. В ротах оставалось до десяти человек и лупили немцев. Да как ещё лупили!»

В глазах у людей было отчаяние. Радостное чувство, которое каждый испытал после разгрома немцев под Сталинградом, было подавлено неразберихой событий последних дней. Казалось, что

гитлеровцы, как и в первые дни войны, перешли в наступление на всех фронтах.

Вряд ли кто думал тогда, что это был предсмертный бросок Гитлера, что скоро наступление врага будет остановлено, что планы Гитлера окружить под Харьковом и разгромить под Курском крупные силы нашей армии, лопнут, как мыльный пузырь.

Пытаясь взять реванш за Сталинград, немцы играли ва-банк. Гитлер засыпал на мельницу войны всё новые, но последние силы. И хотя контрнаступление принесло ему некоторый успех, но успех этот достался слишком высокой ценой.

Торжественно и шумно отмечал Гитлер эту победу, но даже самым гитлеровским генералам было ясно, что празднуют они пиррову победу. Люди они военные и понимали, что шумят-то, по сути дела, на собственных своих похоронах.

Побег

Колонну пленных пригнали на станцию Краснопавловска. Уже темнело, и немцы торопливо старались разместить всех по сараям и подвалам, боясь, чтобы люди не разбежались.

Большую группу, человек в триста, торопливо загнали в пакгауз и заперли. В эту группу угодил и Фёдор. На улице лепил мокрый снег, и все радовались, что, наконец, попали под крышу.

И сразу начались разговоры.

– Разбередили немца. Теперь он и жмёт.

– За Сталинград мстит.

– А за нас кто мстить буде? Ведь всех в Германию угонять, – всхлипнула женщина.

– Не каркай. Всех не угонят. Кто не захочет, не поедет.

– Не в Германию, так на тот свет отправляют...

– Вон вчера около нашего села человек сорок расстреляли...

Упоминание об этом разбередило душу Фёдора. Он сидел и грустно перебирал в памяти события последних дней.

«Удивительное дело, – раздумывал Фёдор, – сколько я могу вынести? Какое испытание будет последним? Смерть? Но она испытывала меня не однажды. Она свистела надо мной бесцётное множество раз. Жалила пулями и осколками. Но, к счастью, пуля моя, может, ещё не отлита. А может, уже в пути. Может, её перебрасывают со склада на склад, и она томится в ящике в ожидании своей жертвы...»

А пока – плен – самое страшное испытание человека, плен, полный неизвестности и самых непредвиденных обстоятельств. Никто не знал, что с ним будет завтра, через час, через минуту.

Плен, плен, плен. Это острое, как боль, слово сверлило сознание ежеминутно. В этой боли перемешалось всё – и злоба на врага, и осознание вины перед народом, перед этими вот перепуганными женщинами и детьми, которых пригнали в одной колонне с военными.

* * *

Фёдор вздрогнул от окрика часового и почувствовал, что рядом кто-то вроде мычит и настойчиво толкает в бок. Он подвинулся, подумав, что просят потесниться. Но незнакомец схватил его за руку и потянул в сторону. Фёдор повиновался и пошёл

следом за незнакомцем, пробираясь вдоль стены, чтобы не наступить на спящих.

Незнакомец издавал какие-то звуки, и Фёдор, наконец, догадался, что это глухонемой. Он схватил Фёдора за штанину и, не выпуская её из рук, спустился через небольшое отверстие в полу, увлекая за собой и Фёдора. Хорошо ориентируясь в темноте, глухонемой повёл Фёдора к небольшому пролому в каменном фундаменте. Фёдор просунул голову. Да, отверстие не так велико, но человек вполне может выбраться.

Они снова поднялись в помещение пакгауза, и Фёдор сразу шепнул первому же бойцу, что есть возможность совершить побег. Тот обрадовался, тут же вскочил на ноги, и Фёдор посвятил его в свой замысел...

Фёдор и Борис (так звали бойца) дождались смены караула и через несколько минут выбрались через пролом наружу.

Фёдор подобрал обломок бутового камня, прополз вдоль стены и осторожно выглянул из-за угла. Часовой был около двери на середине площадки. Он нерешительно потоптался на месте и медленно направился в сторону Фёдора... Пять шагов... четыре... три...

Чувствуя, что немец приближается к самому краю, Фёдор напрягся и приготовился к прыжку.

Немец постучал каблуком о каблук, высморкался и застыл на месте. Но вдруг вздрогнул, услышав шорох и громкий стук. Это Борис бросил на площадку небольшой камень.

Часовой резко повернулся и сделал шаг, метнувшись в ту сторону, но не успел. Фёдор схватил его за ногу и резко дернул на себя...

Немец негромко вскрикнул, шлёпнулся назад и ударился головой о рельс.

Фёдор навалился на фашиста и остервенело сдавил ему горло. На помощь подоспел и Борис...

Прихватив автомат часового, Борис и Фёдор распахнули дверь пакгауза.

– Товарищи, внимание, – негромко произнёс Фёдор. – Просьба разбудить спящих и соблюдать тишину. Сейчас мы можем совершить побег и просим всех без шума и паники следовать за нами...

Более двухсот человек совершили в ту ночь дерзкий побег.

За станицей все разделились на небольшие группы, разошлись в разных направлениях и исчезли в темноте.

Мелекесс, горком ВЛКСМ

Около двух месяцев Фёдор Вегеря пробирался к своим. Десятки раз он подвергался смертельной опасности, и десятки раз смерть проносилась мимо.

На всяких людей наглядился за это время Фёдор. Видел и храбрецов, и трусов. Даже два товарища, с которыми он убежал из пакгауза, на третий день пути вдруг заявили:

– Мы не пойдём дальше...

– Почему? – опешил Фёдор.

– Затаскают. Кто нам поверит, что мы не предатели?

Фёдор уговаривать не стал, бросил на них презрительный взгляд, небрежно повесил на плечо автомат, и пошёл один, даже не оглянувшись.

С автоматом, взятым у немецкого часового, Фёдор не расставался ни днём, ни ночью и в любую минуту был готов пустить оружие в ход.

Тревожные дни, тревожные ночи... Сколько в них было страшных часов и минут, пока в середине апреля Фёдор, наконец, не наткнулся на нашу разведку и не попал к своим... Только в конце июня он получил возможность взяться за оружие и мстить за погибших товарищей, за замученную фашистами Тосю. Фёдор всё собирался написать о гибели девушки родным, её матери, но, как назло, позабыл адрес. Хорошо помнил Ульяновскую область, Мелекес, но ни улица, ни номер дома в памяти не сохранились. Фёдор вспомнил, что Тося работала в Осоавиахиме, к тому же она комсомолка. И он решил написать в Мелекесский горсоавиахим и горком комсомола. Однако сделать это удалось не скоро. В июле 1943 года Фёдор был контужен. Он попал в госпиталь, где пролежал в тяжёлом состоянии до Нового года. Когда ему стало немного лучше, он, не откладывая больше, написал в Мелекесский горком комсомола письмо.

«УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛ., МЕЛЕКЕСС, ГОРКОМ ВЛКСМ.

Ввиду того, что я забыл адрес из-за длительного периода, прошу вас, дорогие товарищи, сообщить родным героически погибшей члена ВЛКСМ вашей организации гор. Мелекесса тов. Потаповой Тоси, что она считается без вести пропавшей.

28 февраля 1943 года нашу часть немцы отрезали. Нам необходимо было идти на соединение со своими частями, но с тыла прорвались немецкие танки, и фашисты захватили в плен тов. Потапову, которая отстреливалась до последнего патрона... Что же сделали эти мерзавцы с нашей патриоткой? Фашисты замучили её: отрезали груди, уши, выкололи глаза, распорол живот, потом прокололи штыком. Тося похоронена гражданами села Н-Ивановка Петровского района Харьковской области.

Я истинно прошу передать мамаше Потаповой о гибели её дочери.

*Ст. лейтенант Вегеря Ф.П.
25-14-44 г. n/n № 22131-Е»*

Так Прасковья Николаевна и многие мелекесцы узнали ещё об одной жертве лютого фашизма... Двадцать лет пролежало это письмо на дне сундука Прасковьи Николаевны. Двадцать лет она жила со своим горем один на один, отчего ей было ещё тяжелее. И лишь в канун 20-летия Победы над Германией Прасковья Николаевна достала из сундука пожелтевший листок и принесла его в горком комсомола. Пришла и не ошиблась. Ровесники Тоси – поколение, не знавшее войны, – отнесли к матери внимательно и сердечно.

В горкоме заинтересовались судьбой комсомолки Тоси Потаповой и приняли участие в выяснении обстоятельств её гибели. По их инициативе и состоялась поездка на Украину, куда вместе со мной поехала и мать Тоси.

Украина, здравствуй!

УКРАИНА. Этот богатый край привлекал меня с детского возраста. Об этой чудесной земле, где «воткни оглоблю – и вырастет тарантас», ещё в

школьные годы было «проглочено» немало замечательных произведений Пушкина, Гоголя, Франко, Яновского и, конечно, Тараса Шевченко.

Украина. Стоит только произнести это слово, как в памяти сразу возникает Запорожская Сечь, Тарас Бульба, Богдан Хмельницкий... Да разве перечислишь всё памятное и знаменитое, что неразрывно связано с бессмертной землёй великого Кобзаря.

И вот, наконец, Харьков. Я выхожу из вагона и трепетно ступаю на один из главных перронов Украины.

Было раннее майское утро. На востоке всходило большое багровое солнце, обещая ясный погожий день и хорошее настроение.

Но настроение было всё-таки грустноватое. Мы прощались с очаровательными попутчиками Валеи, Надеи и Василием. Валя и Надя взяли наши адреса и сказали, что обязательно напишут с юга. А Василий, прощаясь, задержал мою ладонь и напутственно сказал:

– Ну, Женька, ни пуха, ни пера. Я прошу тебя об одном: будь правдив. Знаешь, сейчас, когда прошло столько лет, есть соблазн преувеличить, приукрасить, вложить в уста героя слова, каких он не говорил...

С Прасковьей Николаевной нам осталось доехать до станции Краснопавловка, поезд на которую, как я выяснил, прибудет где-то около полудня. Усадив Прасковью Николаевну на скамейку, я иду через тоннель на вокзал и выхожу в город, который ещё спит.

Я иду наугад. Мне ничего не надо ни в магазинах, ни в столовой, ни в парикмахерской. Мелькают вывески, и я пробегаю их глазами. Я читаю город, который знал оккупацию и был свидетелем многих жертв.

И мысли мои опять об Украине. Да, вот она земля, знавшая польских и турецких поработителей, захватчиков Наполеона Бонапарта, земля, которая только в этом столетии дважды была растерзана головорезами германского империализма.

Украина. И на твою долю выпали две страшные мировые войны. И ты была главной ареной великих битв и сражений, центром внимания фашистских захватчиков, первой жертвой гитлеровских полчищ.

Я останавливаюсь у памятника погибшим воинам, надпись на котором сделана по-украински, и думаю: «А сколько русских солдат погибло за освобождение твое, Украина! Их тысячи, десятки тысяч. И в их числе моя замечательная землячка комсомолка Тося Потапова».

И в эти минуты я чувствую себя не просто земляком Тоси, а её близким родственником, который кровно породнился с этим славным и легендарным краем.

Мне хотелось встать на самое высокое место и во весь голос крикнуть: «Здравствуй, Украина! Мы приехали взглянуть на твою яркую красоту, вдохнуть пряный настой твоих садов, послушать твои звучные песни...»

А на вокзале кто-то включил транзистор, и до меня донеслась красивая, широко известная песня:

...Верховино, мати моя,
Вся краса чудова твоя
У ме-ене на виду...

Ново-Ивановка

От Краснопавловки до Ново-Ивановки мы ехали на автобусе, где я и познакомился с первыми жителями этого села. Сначала я просто слушал, как они говорят, не вникая в суть разговора (мне очень нравится украинская речь), затем, вспомнив о наказе директора музея, я стал расспрашивать рядом сидящих, не осталось ли в селе каких-нибудь следов войны?

– Ой, сыно-ок, – певуче произнесла одна из женщин, – как не быть, когда здесь была сама гуща фронта.

– А не уцелело ли каких-нибудь снарядов, патронов или оружия? Мне наказывали, чтобы я привёз что-нибудь для музея.

– О, этого добра хватае. Копни в любом месте, не патрон, так осколок буде...

– Наша ведь земля, сынок, с костями да железом перемешана.

– А у нас в саду два миномётных ствола вкопано.

– Для чего? – спрашиваю.

– А щоб яблоня не поломалася...

Всё это меня чрезвычайно обрадовало. Особенно деталь: ствол миномета, из которого вчера вылетала смерть, выполняет сегодня мирную роль: служит безобидной подпоркой для нежной и хрупкой яблоньки.

И вот с высокого склона, в огромной низине показалось село. Это Ново-Ивановка. Волнуется Прасковья Николаевна, волнуюсь и я, словно нам предстояла встреча с живой Тосей.

Спустившись под гору, автобус свернул влево, оставив село немного в стороне, и поднялся на небольшой бугор, где напротив каменного дома возвышался памятник воина с венком. Нетрудно было догадаться, что это и есть тот самый памятник, о котором писал директор школы.

Прасковья Николаевна сходу направилась за низенькую ограду памятника и, запричитав, склонилась у его подножья. Я не захотел мешать её слезам и пошёл к ступенькам дома с вывеской: «Сельскогосподарьска артель «Рассвет».

В кабинете сидел приятный, средних лет мужчина. Это был председатель Владимир Павлович Нечипоренко. Он о чём-то беседовал с двумя очень милыми девушками, и, когда я представился, Владимир Павлович познакомил меня с девочками.

– Держите связь с ними: Катя – библиотекарь, Валя – завклубом. Чувствую, что вам понадобится говорить со многими людьми, так вы обращайтесь к ним, и они покажут вам кого надо...

По тому, как разговаривал председатель, сразу чувствовалось, что он рад нашему приезду. Он вышел встретить Прасковью Николаевну и расцеловался с ней по русскому обычаю.

– Как, мамаша, совсем приехали?

– Вы что, – смутилась Прасковья Николаевна.

– Нет, я серьёзно говорю. Переезжайте к нам, построим вам дом, назначим пенсию. Смотрите какой памятник мы поставили Тосе.

– Спасибо, – всплакнула Прасковья Николаевна. К правлению подкатил газик.

– Ну извините, – поглядел на нас Владимир Павлович, – я еду в Лозовую. Валя, проводи гостей

отдыхать с дороги. Торжественное заседание у нас послезавтра. Об остальном поговорим. Надеюсь, увидите не скоро.

Председатель отозвал Валю и Катю в сторонку, и я догадался, что он советуется, кого где разместить. А потом Валя проводила меня в конец села, на квартиру директора школы.

– Отдыхайте, – сказала Валя, собираясь уйти. Но мне отдыхать не хотелось. Я оставил на квартире чемоданчик и решил сразу же взяться за работу.

– Где, Валя, найти Федота Демьяновича Зубенко?

По письму из Харьковского обкома комсомола я уже знал, что после освобождения Ново-Ивановки он был председателем сельсовета.

– А он работает в правлении.

Пока мы шли до правления колхоза, я не переставал любоваться красивым, даже очень красивым, лицом Вали. Такая она была стеснительная, эта семнадцатилетняя украинка, что загоралась от смущения при каждой фразе, и это делало её ещё привлекательней.

В эти минуты я ещё не знал, что сельская красавица Валя Гончарова – дочь того самого Николая Гончарова, с помощью которого пленные совершили побег из пакгауза Краснопавловки.

Федот Демьянович, низенький, худощавый человек был в правлении и, уткнувшись в папки, что-то подсчитывал на счётах. Он отложил в сторону все свои дела и по нашей с Валей просьбе стал рассказывать.

Из рассказа Ф.Д. Зубенко

– В первые годы после войны на наш сельсовет приходило немало писем. В них спрашивали о судьбе погибших под Ново-Ивановкой, кто при каких обстоятельствах погиб, где похоронен.

А события здесь происходили страшные. Очень страшные. Много пережили наши семьи без нас, много видели жестокости и смертей, но о том, что произошло здесь в феврале 43-го, говорят до сих пор.

Пытаясь вырваться из окружения, одна из наших частей шла через Ново-Ивановку, невдалеке от которой и была встречена немецкими танками.

Говорят, что в плен не брали никого, расстреливали, давили танками. Здесь, брат, считай, на каждом метре могила.

Но я отвлёкся. Так вот, когда я работал председателем, получил письмо от одного лейтенанта, вырвавшегося тогда из окружения. Он писал о том самом случае, когда немцы уничтожили их отряд, называл имена Тоси, кажется, Зои и ещё одной девушки.

Я ответил лейтенанту, но фамилии его не помню. Да и подобной переписки у нас накопилась объёмистая папка. Когда укрупняли сельсоветы и районы, мы архив сдали. Где он сейчас – неизвестно. Если сохранился, то он либо в одном из новых районов, либо в Харьковском архиве.

Вы видите памятник на братской могиле? Здесь похоронены останки 343 бойцов. В их числе и Тося Потапова. Ну, да вы лучше поговорите с Клуной Марией Семёновной. Она хорошо помнит многое.

Из рассказа М.С. Клуной

– Тогда мы день и ночь находились в окопах. Кто укрывался от страха, кто потому, что другого места нема – немцы хаты попалили.

И вот как-то на восходе слышим за селом выстрелы. Думаем: не наши ли наступают? Я выглянула из хаты и вижу: мимо села проехали машина и несколько подвод. Они направились по шляху, но только поднялись на бугор, как их встретили немецкие танки. Ну и началась расправа. Я видела, как танки наезжали на людей. Кто-то поднял руки, но тут же был смят танком. Две женщины побежали в разные стороны, но были скошены пулями.

Мне было видно, как немцы начали обходить машину, из-за которой кто-то стрелял. Вот я вижу, подымается женщина и стреляет из пистолета, но сзади подбегает немец и бьёт её прикладом.

Через полчаса наступила тишина. Танки ушли, а на поле не поднялся ни один человек.

Ко мне в это время прибежала соседка и говорит, что надо бы сходить на шлях, может, продукты остались. Пойдём, говорит, заберём, пока немцы не вернулись.

Мне было страшно, но еды никакой нет, а у меня дети. И мы пошли.

Идём по дороге и сразу направляемся к машине, откуда стреляла женщина. Она лежала, раскинув руки, пистолет был рядом. Гимнастерка изрезана. Да и сама вся истерзана, живого места нет.

Позже я узнала, что измученную девушку звали Тосей. Тогда, правда, я никакой родинки не заметила. Видно потому, что всё лицо было окровавлено.

Хоронили их на другой день. Я не была там, а вот Елизавета Благочестива была. Спросите у неё.

Из рассказа Е.С. Благочестивой

– Ой, сынок, что я могу сказать! Столько лет прошло, память уже ничего не держит.

Тогда у нас здесь был страх великий. Люду погибло богато, и военных, и гражданских. Приходит немец и лютует, делает что хочет.

Я вместе со всеми принимала участие в похоронах. Могилу вырыли страшенну. Одни носили убитых, другие подавали их в яму. Я стояла в яме, куда мы привезли соломы, на солому настелили шинели и стали класть бойцов.

А девушки были хорошие. И у каждой на лбу рана. У третьей девушки с русыми волосами не было очей, гимнастерка изрезана, тело тоже. А кругом такой рёв, что жутко. Верно я говорю, Григорий Сафронич?

Старичок, к которому она обращалась, ответил не сразу, почесал затылок и снял картуз, будто он мешал думать.

Из рассказа Г.С. Гончарова

– Помню, помню. Как же. Тогда в одну могилу мы похоронили 105 человек. Свозили убитых из других мест. Были тут три девушки. Одна с большими чёрными волосами, другая рыжеволосая, у третьей волосы русые.

А подбирали мы не только трупы, а всё, что уцелело. Я мужик, и то готов был кричать на всю Украину.

Подошла Гончарова Лидия Ивановна. Валя сказала, что это её мама. Она слышала рассказ Григория

Сафроновича и тяжело вздохнула.

– Эх, дядя Гриша, кричать, говоришь, был готов? А вот я кричала. Весной 44-го я была трактористкой. Пахали мы в селе Лозовеньки. Еду по полю, а кругом кости, снаряды да бурьян. Заглянешь в бурьян, а оттуда – то ботинок, то каска, то шинель выглядывает. Остановлю я трактор, да как зареву-зареву на всё поле, что и самой жутко делается. Сначала объезжала всё это, а потом пошла в сельсовет и говорю: «Не могу больше. Сперва надо поле привести в порядок...»

Записывая эти рассказы, я не переставал сокрушаться, что нет со мной магнитофона, который сумел бы записать живой голос рассказчика. До того каждый из них говорил взволнованно, что невольно переживал те события заново.

Очевидцы

Солнце ещё не взошло, а мы с Валею уже были на ногах и опять направились по селу, заходя из хаты в хату.

Вот я говорю о хатах и чувствую какую-то неловкость, считая, что к новым каменным домам типичное для Украины слово «хата» вроде уж и не подходит. Правда, у многих, ещё строящихся, домов, прижались сбоку маленькие хатёнки с камышовыми крышами, доживая свои последние дни. А кругом зеленели сады, и по всему селу сильно пахло сиренью. Она была разная, всяких оттенков и росла у каждого двора, в каждом палисаднике. И было её столько, что село буквально утонуло в этом буйном сиреневом омуте.

Первой, кого мы встретили на улице, была колхозница Ефросинья Ивановна Кагадей. Её не было в моём списке очевидцев, но я всё-таки решил спросить: не помнит ли она каких подробностей гибели Тоси?

– Вот чего нема, того нема, – ответила Ефросинья Ивановна, – як убивалы не бачила, а вот хоронили их вместе со всеми.

Я обрадовался.

– Ну так и расскажите, что помните.

– Первое, что помню, – кричала, как все, криком. Всем дюже жалко было дивчатков, таки молоденьки да хороши. Я всё долго разглядывала их, вопила, про матерей их думала. А сейчас вот гляжу на Прасковью Николаевну и вижу, что она похожа на одну из дивчаток.

Пока мы разговаривали, подошла ещё одна женщина, и Валя шепнула мне, что это Егорова. Я глянул в блокнотик и прочитал: «Егорова Екатерина Ивановна, зав. дет. яслями, в войну была медсестрой».

Рассказ Екатерины Ивановны был, как и первый, очень краток.

– Тогда мне шестнадцать было. В селе я оставалась медсестрой, и у меня в разных местах находилось семь тяжелораненых бойцов. У всех у них сильно были перебиты ноги, и я мучилась, не имея никаких медикаментов.

В первый же день после гибели окружённых бойцов, я пошла на шлях, в надежде найти хотя бы бинты. Я обшарила все повозки и нашла санитарную сумку, а потом посмотрела на убитых, и мне стало как-то неловко. Там, где была я, лежало во-

семнадцать бойцов и три девушки. Все девушки были одеты, а не раздеты, как говорят. Одна из них была чернявая, со шпалой. У другой девушки я увидела: что-то выглядывает из кармана. Я чуть-чуть потянула – это был комсомольский билет, и я его сунула обратно...

А когда хоронили их, был дождь, грязь. Кругом рёв, крик. Да и мы все почернели, как земля...

Поблагодарив Екатерину Ивановну, мы с Валею зашли к колхознице Любове Рябовой. Её фамилия в моём списке стояла первой, и я хотел видеть Любовь Ананьевну ещё вчера.

Было душно, жарко, хотелось пить, и непременно – холодного кваса. Но этот популярный напиток был здесь почему-то не в почёте. Любая хозяйка с удовольствием угостит вас холодненьким, только что из погреба, компотом. Он-то, видимо, и заменял квас. Но меня такая замена не устраивала, и я предпочитал компоту воду. Попросил я воды, как только вошёл в дом, и тем самым удивил хозяйку.

– Это почему ж воды? Я сейчас квасу принесу.

И вот я с удовольствием пью из большой кружки эту диковинную здесь редкость – настоящий хлебный русский квас.

– У меня ведь муж-то кацап, тамбовский, – шутит Любовь Ананьевна. – Сама я квас не люблю, а вот для него специально делаю.

А вскоре я записываю неторопливый рассказ гостеприимной хозяйки.

– Нет, неправду говорят, что над девушками ничего не делали. Я ховала убитых и сама видела, в каком виде они были. Это видели и Петька, мой брат, и многие ребятишки. Они бегали к месту расправы. Была с ними и одна девочка – Надя Деревянко. Сейчас она живёт в селе Тарановка Змиевского района. А лучше бы об этом рассказал сам Пётр.

Прошлый год к нам приехал корреспондент, и я говорила брату, что некоторые жители рассказали о гибели Тоси неточно. Брат очень сожалел об этом. Живет Пётр в Лозовском районе, в селе Панютино.

Надя тоже сожалела, что корреспондент получил не совсем точные факты. Она просила, что если ещё кто будет интересоваться этим, то пусть ей сообщат и она немедленно приедет.

Валя сказала мне, что в селе живёт Надина тётка. Мы пошли к ней и узнали, что с первым же автобусом она собирается нынче ехать к Наде.

Я наспех написал Наде записку, задал ряд вопросов и просил приехать в Ново-Ивановку. И если уж она не сможет, то пусть ответит на вопросы письмом.

К сожалению, Надя не приехала и ничего мне не написала.

Оставался из главных очевидцев только Пётр Гончаров, с которым я решил встретиться во что бы то ни стало.

Эхо войны

До обеда в моём блокноте было записано около десятка рассказов жителей села. Мы с Валею решили сделать перерыв, пообедать, а потом сходить к председателю и договориться о поездке в Панютино.

Но побывать в правлении пришлось только вечером.

Когда я возвращался с обеда, откуда-то выбежали ребятишки с дружным криком «ура». И я прямо ахнул. Нет, не оттого, что меня удивила извечная игра детей в войну. Я просто затрепетал, увидев их «воинское снаряжение». У одного через плечо висела проржавевшая пулемётная лента, у другого в руках был штык, настоящий гранёный русский штык, у третьего и четвёртого на веревочках висели стволы от наших самозарядных винтовок.

Я остановил ребят, подозвал к себе, и они окружили меня, не понимая в чём дело. Их было шестеро: Андрияша Кагадей, Саша Щетинин, Вова Гарканько, Никола Клуный, Толя Поляков и пятилетний Лёня Курочкин. Все они были очень удивлены, когда я записал их фамилии.

– А зачем вы нас записали?

– Хочу написать про вас в газету.

– А чего напишете?

– Как мы учимся?

– Наверно, сколько мы сусликов поймали?

– Нет, ребята. Напишу, что вы сдали мне своё «оружие». И винтовки, и штыки, и ленты.

– А зачем?

– Для музея, ребята, – сказал я, радуясь, что приеду к Николаю Ивановичу не с пустыми руками.

Все они «разоружились» с большим удовольствием и сложили оружие к моим ногам, как к ногам победителя.

– А у меня дома есть каска.

– А у меня патроны есть...

Я попросил, чтобы они сдали и «боеприпасы».

Через несколько минут к трофеям прибавилось несколько касок, остов мины, коробка для пулемётной ленты и даже ствол противотанкового ружья.

Я попросил ребят помочь доставить всё это до дома учителя, где я квартировал.

Николай Васильевич стоял около двора, и я ещё издали увидел, как помрачнело его лицо. Я подумал, что его расстроили останки оружия – ведь он был участником войны, вернулся домой без ноги и сейчас стоял перед нами на костылях, сурово сдвинув брови.

– Вот, Николай Васильевич, разоружил ваших ребятишек, – пошутил я, но лицо учителя по-прежнему оставалось каменным.

– Это-то мне и не нравится, – угрюмо произнёс он. – А ну, хлопцы, марш домой, – прикрикнул он на притихшую трофейную команду. Ребятишки торопливо разошлись и мне сделалось как-то неловко за учителя, который, как я думал, ни за что обидел моих юных друзей.

– Вот вы говорите, «разоружили», а мы этих сорванцов не перестаём разоружать целых двадцать лет. А сколько за эти годы у нас было несчастных случаев!

Я понимал тревогу учителя, который хотел уберечь детей от всякой драматической ситуации. Из его рассказа было видно, что все эти годы война для новоивановцев не прекращалась. Война законсервировала смерть во многих местах, и жертвами её чаще всего были дети. Зловещее эхо войны больно отзывалось в сердцах многих матерей, чьи дети погибли такой нелепой смертью.

– Конечно, для музея всё это имеет большое значение, – продолжал Николай Васильевич, указы-

вая на мои трофеи, – мы и сами думали создать в школе нечто вроде краеведческого уголка. Но боимся: детям только скажи – они начнут таскать экспонаты, лазить по местам, где были немецкие склады. Вот мы всячески отговариваем их от этого. Запрещаем, даже наказываем.

Прихрамывая, к нам подошёл паренёк лет шестнадцати.

– Вот, пожалуйста, наглядный пример. Это мой ученик Миша Поляков. Когда он учился во втором классе, нашёл противотанковую мину. Их собралось несколько человек, сели в кружок и начали её разглядывать. А мина как рванёт... Троиш насмерть убило, двоих легко ранило, а вот Миша без ноги остался.

Я понял всё и дал Николаю Васильевичу слово, что больше ни с кем из ребят даже не заговорю об этом.

В правление мы пошли вместе с Мишей Поляковым, приятным и милым пареньком. Он равнодушно рассказывал о случае с миной, словно это произошло не с ним, а с кем-то другим.

– Нам интересно было, что там внутри. Вот мы иковыряли её.

Глупые дети. Знали ли они, что внутри была смерть, которую запрятали туда гитлеровские душегубы.

– А Николай Васильевич зря сердится, – добавил Миша. – Надо же вам что-то увезти для музея. Вот в панском саду был немецкий склад оружия. Я схожу туда и что-нибудь пошукаю...

– Миша, ни в коем случае, – посмотрел я на протез его ноги. – С тебя уже хватит.

Председатель колхоза только что вернулся из бригады, и я рассказал ему о своих поисках.

Владимир Павлович, как всегда, был в хорошем настроении.

– Может, куда съездить надо? – неожиданно для меня предложил он.

– Вы угадали. Мне обязательно надо съездить в Панютино. Там живёт Пётр Гончаров – самый главный очевидец гибели Тоси.

– До Панютино километров шестьдесят. Так. Ну, ничего. Такую поездку организуем, только после праздника. А сейчас я предлагаю «поездку» по нашему хозяйству...

Об этом председателе стоило бы написать хороший очерк. Сколько раз я убеждался в его исключительно своеобразных методах руководства, в его талантливом подходе к людям. И во всех случаях он поражал меня каким-то особым педагогическим мастерством. Агроном по профессии, Владимир Павлович был в своей большой должности настоящим педагогом – педагогом взрослых людей, которых он воспитывал каждым словом, каждым поступком, на каждом своем шагу.

Соловьиная ночь

Я только вышел со двора, собравшись идти в правление, но в это время к дому подкатил газик председателя. Владимир Павлович заехал к директору школы уточнить, кто вечером будет делать доклад о Дне Победы. Председатель подбросил меня до правления, где уже были Валя и Катя. Владимир Павлович подошёл к девушкам и спросил:

– Концерт вечером будет?

– Та ничего ж нема, – протянула Катя.

– Нема? А вы тогда на що? А? Так вот вам наряд: вечером концерт должен быть.

Председатель стал перечислять имена сельских певцов, плясунов, музыкантов и с неудовольствием посмотрел на растерявшихся девушек.

– Но они же все на работе, – заметила Валя.

– Подменить, освободить. Так и передай...

Машина председателя ещё не успела скрыться за селом, а на фермах и в мастерских раздавалась одна и та же фраза:

– На репетицию.

На всю эту подготовку, признаться, я смотрел с улыбкой и решил не мешать Вале с Катей, зная, что у них сейчас хлопот невпроворот.

– Может, чем помочь вам? – предложил я.

– Вот если бы вы спели или сплясали...

– На это, девчата, я не мастак, а вот стихи прочитаю. Не возражаете?

– Ну что вы. Только побольше...

Я вышел из правления и направился в панский лес. Так называли здесь крохотную рощицу недалеко от села. Она возвышалась на бугре, и мне захотелось посмотреть на село с этого высокого места.

– Здравствуйте, – встретил меня старейший колхозник Ананий Демьянович Гончаров. Он поинтересовался моими успехами, а потом пригласил к себе домой «побалакать, отвести душу».

Часа полтора-два мы говорили с ним о жизни-бытье, о минувшей войне, но мне больше всего хотелось разузнать, что ему известно об обстоятельствах гибели Тоси, какие он слышал об этом разговоры.

И он рассказал.

«В нашем селе было всяко. И народ у нас всякий. Большинство людей остались честными и верными Родине, но были такие, кто якшался с немцами, выдавал наших, стягивал с убитых одежду. Ведь никому не секрет, что в день гибели Тоси Потаповой и её подруг все их видели в армейской форме. А когда на другой день хоронили, то девушки оказались раздетыми. Вот отсюда и противоречивые сведения очевидцев. Каждый из них видел убитых в разное время суток...»

Пока я беседовал с Ананием Гончаровым, солнце приближалось к середине дня. Поэтому в панский лес я не пошёл, а решил заглянуть, что делается в клубе. Мне никак не верилось, что концерт «по наряду» может получиться.

Когда я вошёл в клуб, то был поражён. Там и тут, во всех уголках шли репетиции. Певцы, плясуны, музыканты – молодёжь и пожилые готовились к праздничному концерту. А песни, украинские песни! Так великолепно пели на сцене несколько пожилых женщин, что их исполнение никак не хотелось называть репетицией. «Да и стоит ли удивляться, – думал я, – украинцы ведь испокон веков песенники».

Нет, теперь-то уж в концерте я не сомневался.

И вот вечер. Торжественное заседание. В президиуме вместе с ветеранами войны – мать Тоси Потаповой Прасковья Николаевна. У стенда с фотографиями погибших односельчан то и дело сменяется

почётный караул. К стенду торжественно возлагается огромный венок...

А когда в зале появились юные пионеры, то по телу у меня пробежала дрожь.

– Дорогая Прасковья Николаевна, – заговорили пионеры, – мы, отряд имени Тоси Потаповой, сердечно приветствуем вас на земле, где погибла ваша дочь. Мы очень рады вашему приезду и докладываем...

Как Прасковья Николаевна ни пыталась не волноваться, но ничего не вышло. Она не знала, куда отвести глаза, полные слёз.

Концерт закончился поздно. Но мы – Валя, Катя, Миша Поляков – долго ещё бродили по улицам и ушли далеко за село, по тому самому шляху, где погибла Тося и её товарищи. Было немножко грустно и в то же время радостно от того, что мы идём по мирному шляху, что вокруг нас мирная тишина и чудесная мирная ночь. Всё небо было сплошь усыпано яркими россыпями звёзд и невольно напоминало пушкинские строки:

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо. Звёзды блещут...

– А вы напишите стихи об Украине, – предложил Миша.

Я не успел ответить, как вдруг полились красивые мелодичные трели какой-то птицы. Соловей? Неужели соловей?

Мы долго слушали этого чудесного солиста, который, так и казалось, читал нам свою сердечную и вдохновенную лирику.

– Вот это, Миша, и есть самые звонкие, самые лучшие стихи об Украине, – ответил я на вопрос Миши. – И лучше вряд ли можно написать...

Возвращался я в село, взбудораженный этой майской соловьиной ночью, а в душе уже проклёвывались строки:

Увезу я на Волгу
И сумею сберечь
В своем сердце надолго
Украинскую речь,
Золотые закаты,
Вечера на лугу,
Белоснежные хаты
И сирени пургу.

Сиреневое утро

Это праздничное майское утро выдалось как по заказу. Было тихо-тихо, как в широкой степи. Только изредка по верхушкам садов пробежит лёгкий ветерок, взъерошит в палисадниках кусты и разнесёт окрест крепкий настой сирени.

Сиреневое утро. Его и в самом деле хотелось назвать сиреневым. В этот час со всех сторон села к памятнику погибшим воинам шла Ново-Ивановка с большими букетами сирени. А у памятника в почётном карауле стоят пионеры и комсомольцы, коммунисты и ветераны войны. А люди всё идут и идут. Смотришь на них, и на душе делается как-то радостно и трогательно от этого всеобщего праздничного паломничества.

Митинг открыт. И вот все расступаются, дав дорогу возлагающим венки и букеты – сердечную дань уважения к памяти и бессмертной солдатской славе.

Пожалуй, нигде я не слышал таких взволно-

ванных слов о войне и мире, как здесь. Кто бы ни выступал – каждый говорил не вообще о войне, а о войне, которая топала здесь в немецких сапогах, выжгла всё село, унесла десятки односельчан, оставила немало калек и сирот, о войне, знакомой новоивановцам не по книжкам.

Слушали люди, и память листала огненные страницы суровых лет.

Слушали вчерашние воины, и в ушах гремела канонада да взрывы, а в глазах вставали пепелища и развалины.

Слушали женщины мужей и сыновей, слушали и те, кто не дождался ни отца, ни сына, слушали все и плакали.

Слушали матери, глядя на памятник воинам, и, казалось, возлагали свои сердца к его подножью. Слушали и всё смотрели на Прасковью Николаевну, вчитываясь в морщины её обыкновенного скорбного лица.

И всё-таки лицо её было необыкновенным. Оно словно впитало в себя всю боль и гнев, все страдания и муки русских матерей. Из глаз её текли скупые, возможно, последние слёзы, которые привезла она на могилу дочери, приехав сюда за сотни километров, с далёкой ульяновской земли, с берегов Волги-матушки.

С почтением глядела Ново-Ивановка на мать Тоси, на её дрожащие губы, и мне казалось, что это сама Россия оплакивает и безутешно скорбит о всех тридцати миллионах жизней, растоптанных коварным каблуком войны.

Война, война... Сколько ты, война, оставила холмов, известных и неизвестных могил! Но есть к ним одна дорожка, одна тропинка, что всегда останется торной. Это тропка от материнского сердца, во веки веков не зарастающая тропинка. По ней-то Прасковья Николаевна и ходила все эти долгие годы на далёкую украинскую землю, к самому дорогому для неё холму...

А сейчас на этом холме возвышается памятник воина с венком. А у подножия его вырос новый холм. Сиреневый холм. Холм из венков и букетов. И среди них – с чёрным крепом венок с мелекесской земли, от комсомольцев города – молодых земляков нашей Тоси.

Вечная слава вам, богатыри России! Вечная память!

После митинга дети получают праздничные кулёчки, а взрослых председатель приглашает в рощицу, к праздничному столу.

И вот он, этот праздничный украинский стол. Вернее, столы. Они построены для такого торжества специально и вытянулись в два ряда метров по пятьдесят каждый. Сало, сыр, вина, жареное, пареное и прочая снедь – всё это уже красиво расставлено и ожидает гостей.

А потом тосты, тосты, тосты... О них тоже хочется сказать особо. Тосты провозглашали многие, и все они были своеобразными и неповторимыми.

– Товарищи, – поднимается пожилая женщина. – Вот он наш украинский стол, наше радяньское вино и сало. Гитлер хотел сидеть за этим столом всю жизнь. А где он сейчас, зараза?

– Подох, – раздался голоса.

– Ну, туда ему, гаду, и дорога. А мы давайте вы-

пьем за то, чтобы за наш стол никак свинья никогда не села. Ни немецка, ни американска...

– А я прошу поднять стаканы только женщин, – вышла из-за стола румяная, лет сорока украинка с орденом «Знак почёта».

– Ну, подняли?

– Ой, да не тяни только.

– Так вот, бабы, давайте выпьем за чоловика. Ох, як дже погано, когда рядом чоловика нема...

К этому весёлому тосту, конечно, присоединились и мужчины. Кто-то из них запел:

Посияла огирочки

Блызько над рекою...

И полилась, и поплыла, и зазвенела украинская песня, без которой здесь не обходятся не только праздники, но и будни.

– Вы из Ульяновской области? – подседа ко мне маленькая, средних лет женщина.

– Да, из Ульяновской.

– Ой, а я столько лет хочу написать туда. Вы знаете, когда ворвались немцы, то в селе Ялты вся школа была переполнена нашими ранеными. Их было около двухсот человек, и среди них – младший сержант фельдшер Таисия Ларионова из Ульяновской области. Она была тяжело ранена в позвоночник.

В то время я была медсестрой, ухаживала за ранеными, а Тасю Ларионову взяла к себе на квартиру. Я вставила фотографию Тоси в рамку и, когда пришли немцы, выдала её за сестру.

Захватив школу, немцы отобрали тяжелораненых, увезли куда-то и расстреляли. А я упростила немецкого врача помочь моей сестре. Он долго отказывался, но всё же пришёл на дом, сделал ей операцию. Тасе становилось лучше и лучше, а когда немцы отступили, Таисия Ларионова уехала здоровой. Ей я сохранила комсомольский и военный билеты. А было это в марте 1943 года.

Где она сейчас? Жива ли? Напишите об этом, может, откликнется. Может не забыла она медсестру из Ялты Марию Седову. Вслед за ней, может, откликнутся и остальные бойцы. Их спасти мне стоило больших трудов...

Новый человек, а для меня – новый рассказ, новая страничка истории.

О, сколько интересного и нужного можно почерпнуть, если полистать память хотя бы у половины сидящих за столами. Ведь все они свидетели зверств врага, очевидцы подвигов наших воинов, живая летопись Отечественной войны – войны, решившей судьбу планеты.

Братья

В Панютино я приехал на попутной колхозной машине. Шофёр сказал, что обратно вернётся часа через четыре, и просил к этому времени не отлучаться.

Отыскав нужную улицу, я вскоре постучался в маленький аккуратный домик, где жил Пётр Гончаров. Но Петра дома не оказалась. Жена его ответила, что вернётся со смены, как только придёт первая электричка.

*Пётр Гончаров,
главный очевидец гибели
Тоси Потановой*

А часа через полтора, набродившись по многочисленным улицам села, я уже разговаривал с человеком в форме железнодорожника – Петром Ананьевичем Гончаровым. Он уже знал о цели моего приезда, ему написала об этом Валя.

В год гибели Тоси и её однополчан Петру было пятнадцать лет. Многие события произошли на его глазах, и он рассказывал обо всём, как никто, подробно.

– В то утро, примерно в одиннадцатом часу, – переходит Пётр к рассказу о Тосе, – мы с Надей Деревянко собрались было пошукать по повозкам и разбитым машинам. Жрать было нечего, голодно. Вот и шли за куском чуть ли не под пули.

Вдруг в хату заходят двое – мужчина и женщина. (Я показываю фотографию Тоси). Нет, лица не помню, а вот родинка на подбородке была. Точно. И на этом же самом месте. Девушка ещё сахаром меня угостила.

Когда они ушли, вышли и мы. Видим, что из села Ялты скачут пятьдесят или больше всадников. А за всадниками двигается обоз – одна машина-полторка и семь подвод. И вот только отряд поднялся на пригорок, как появились три немецких танка и две машины с солдатами.

Конники пришпорили коней и тут же прорвались. А те бойцы, что ехали в обозе, начали бой. Немцев почти целая рота, они шпарят из автоматов, танки палят из пушек. Ну и через 15-20 минут бой почти закончился.

Нам было видно, как из-за машины отстреливались двое – мужчина и женщина. Их окружили и взяли в плен. В плен забрали и других бойцов, поставили на бугре и тут же расстреляли. А командира с двумя шпалами и девушку зверски казнили. Командиру выкололи глаза и на груди вырезали звезды.

А девушке с родинкой (я это хорошо помню) досталось больше всех. Мы с Надей были недалеко и видели все. А после мы с братом Николаем побежали на место происшествия и видели их обезображенные трупы... Николай возле них подобрал несколько патронов...

После уже известных подробностей я спрашиваю Петра, говорила ли что Тося перед смертью?

– Этого никто слышать не мог. Всё-таки это было на расстоянии. По-моему, вряд ли. Девушка говорила с врагами автоматом и пистолетом. И это, пожалуй, были самые красноречивые её слова.

И опять я с одобрением вспомнил Василия, мысль которого Пётр выразил чуть ли не дословно.

Вернулся я из Панютина во второй половине дня и сходу зашёл к Вале. Её отец, Николай Гончаров, был дома, и я объяснил ему знаками: Пётр, мол, говорил, что ты подобрал около Тоси несколько пистолетных патронов. Валя «перевела» отцу пояснее, и Николай понимающе заулыбался. Он принёс ящик и из какой-то баночки достал четыре патрона, которые я привёз для нашего музея.

Я спросил, для чего он их подобрал, и Николай

стал объяснять знаками, показывая на своё сердце и глаза.

– Мне, говорит, жалко стало девушку, у которой выкололи глаза, – «переводит» Валя, – и я взял патроны на память.

У меня с собой было несколько девичьих фотографий, и я показал ему их. Ах, как оживился он, выхватив из моих рук фотографию Тоси. Он показывал её то Вале, то своей жене и непрерывно указывал на подбородок, на родинку Тоси.

Я попросил Валу, чтобы она пригласила отца сходить на место и показать, где лежала Тося.

И вот мы идём по пшеничному полю, бывшему вчера полем боя.

Николай показывает место гибели Тоси, первую братскую могилу. Она находилась в 145 шагах от места гибели. Я набрал в пакетики землю для музея, а Валя тем временем подобрала на поле несколько патронов и неразорвавшийся остов мины. Всё это мы принесли в правление колхоза, где хранились остальные трофеи.

Кстати, трофеев набралось изрядное количество, и я задумался: как их довести?

– А что, если всё это добро ваш колхоз подарит нашему музею? – предложил я Владимиру Павловичу. – С собой везти мне хлопотно, а вот получить от вас такой подарок музею будет приятно.

– Согласен. Это дело! Давай редактируй дарственную надпись, – улыбнулся председатель.

И вскоре такой документ был отстукан на машинке.

МЕЛЕКЕССКОМУ КРАЕВЕДЧЕСКОМУ МУЗЕЮ

Правление и партийная организация колхоза «Рассвет» Лозовского района Харьковской области посылает в дар Мелекесскому краеведческому музею останки оружия и другого боевого снаряжения, собранного в окрестностях села Ново-Ивановка, где погибла ваша землячка Тося Потапова.

Председатель колхоза – В. Нечипоренко.

Секретарь парторганизации – П. Никитин.

Затем с Мишей Поляковым мы укладываем трофеи в ящик, перекладываем бумагой и засыпаем опилками. Отныне эти десятки килограммов металла, когда-то начинённые смертью, будут лежать в музее как экспонаты, как страшные осколки мивших сражений.

До свиданья, друзья

Я возвращался из школы, где только что вручил пионерам альбом о Мелекессе, рассказал ребятам о подвиге Тоси и городе, в котором она жила.

В школе мне понравился большой стенд под стеклом: «Тося Потапова. Погибла в 1943 году при освобождении села Ново-Ивановка». И ниже несколько фотографий Тоси с аккуратно написанными текстами.

Приятно, очень приятно было видеть и чувствовать, как берегут здесь память о нашей землячке.

У двора меня ожидал Миша Поляков.

– Дело есть, – загадочно сказал он. – Пойдём всё-таки в сад.

– Какой?! – удивился я.

– Ну да панский, где у немцев склад был.

Я упорно отказывался, но Миша всё же настоял, и мы пошли.

Сад был заброшен и уже одичал без ухода. То, что его забросили, – это-то как раз пугало и настораживало. Я осторожно ступал по заросшим тропкам, и только Миша, припадая на ногу, шёл смело, как проводник.

В саду ещё заметны заросшие окопы, ходы сообщений, и вот Миша прыгает в яму и тянет к себе какую-то проволоку.

– Осторожно! – кричу, – дёрнешь ещё за мину, дьявол.

А Миша выбрасывает стреляные гильзы, головки и осколки мин, каски, прогнившие противогазы.

Беглый осмотр сада больше ни к чему не привлёк внимания, и я тороплю Мишу, стыдясь, что всё-таки нарушил данное Николаю Васильевичу слово. А Миша своё:

– Вот если бы покопать, то наверняка можно найти пистолет или ещё чего-нибудь...

Ох, Мишка, Мишка, отчаянная ты голова. И неймётся же тебе, непутёвому. Ну долго ли до греха...

В эту последнюю ночь мы опять ходили вчетвером, и, когда Валя и Катя ушли спать, мы с Михаилом ещё долго бродили по селу, зная, что завтра нам расставаться.

– Привык я к вам за эту неделю, – говорит Миша.

И я, признаться, привязался к этому светловолосому пареньку с большими ясными глазами. Душевный, ласковый, он как-то непроизвольно приковывал к себе моё душевное расположение, и без него я чувствовал себя одиноким...

Уезжал я из Ново-Ивановки с радостным чувством удовлетворения. Я ехал в далёкое незнакомое село, а уезжаю, оставляя здесь чудесных друзей, таких замечательных ребят, как Миша Поляков, и солнечных девушек, как Валя и Катя.

До свиданья, Ново-Ивановка! До свиданья, друзья! Я увожу с собой драгоценный сувенир – две горстки украинской земли. Это для музея. А вас самих я увожу в душе, в памяти, в своём сердце. Это для меня. И надолго.

Не забыть мне вовек ни вашей теплоты, ни соловьиных ночей, ни сиреневого хмеля, ни чудесного села, где спит вечным сном моя славная землячка.

Письма, письма...

А дома меня уже ожидало письмо из Сочи от Нади Мусиной и Вали Маркеловой.

«...Пишут вам ваши попутчицы по купе, с которыми вы ехали до Харькова. Это «дикарки» Валя и Надя...

Как вы добрались? Как вас встретили? Как прошла встреча на могиле Тоси?

Большая к вам просьба: напишите нам об этом. Если будет материал в газете, то вышлите. Нам так интересно узнать о Тосе поподробнее.

Передайте привет и самые наилучшие пожелания Прасковье Николаевне.

Ваши «дикарки».

* * *

Вскоре почтальон стал приносить письма в художественных конвертах, и от них так и веяло ароматом Украины... Я приведу несколько выдержек,

из которых видно, что судьба Тоси, её подвиг и мужество глубоко заинтересовали моих украинских друзей.

«...Я часто вспоминаю те вечера, те дни, которые мы провели вместе, когда вы рассказывали нам о Тосе... До сих пор я мало что знала про Тосю, а вот теперь жду не дождусь материала о ней, который вы обещали выслать...

Валентина».

«...Вы, наверное, уже забыли поездку на Украину, но мы с Валеёй часто вспоминаем, как бродили вместе (ещё Миша был с нами), как вели разговор о музее при клубе, о Тосе... Кстати, а когда мы получим о Тосе очерк?

Катя».

Интересное письмо принесла Прасковья Николаевна, полученное из Москвы, от сестры М.Н. Пискаловой.

«...Я заметила, что после поездки на Украину ты захандрила. Это зря, хотя я понимаю: нелегко матери переживать такое горе. Но ты должна взять себя в руки и помнить, что не одна ты такая мать. Таких матерей в нашей стране сотни тысяч. Вот хотя бы взять мать Зои Космодемьянской. В годы войны мы с ней встречались часто в ЦК МОПР. А когда она выступала с трибуны, весь зал плакал навзрыд.

Ей тоже нелегко было потерять двоих детей, и мы все понимаем её горе. Но она не раскисла, а сумела выработать в себе такую силу воли, которая помогла ей работать вместе с нами в МОПР по сбору средств для фронта. А на эти деньги строились «катюши», которые насмерть били фашистов.

Так что, Пана, крепись, береги своё здоровье.

С приветом, Мария».

* * *

Несколько любопытных писем, присланных в адрес горкома комсомола, передали мне из военкомата. Возвращался я с Украины с твёрдым намерением продолжить розыски старшего лейтенанта Фёдора Вегери, а вот первое же письмо из главного управления кадров Министерства обороны ставило на моём замысле точку.

Мелекесский ГК ВЛКСМ

Копия: начальнику архива министерства обороны СССР

На Ваше письмо, поступившее из архива Министерства Обороны СССР, сообщаю, что старший лейтенант Вегерь Фёдор Петрович 23 июня 1944 г. погиб на фронте Отечественной войны.

Начальника архива Министерства обороны СССР

прошу проверить по архивным документам 58-й гвардейской стрелковой дивизии и сообщить Мелекесскому горкому ВЛКСМ имеющиеся у вас данные на Потапову А.М. А если удастся установить фамилии 8-10 сослуживцев Потаповой, сообщите эти сведения в наш адрес.

Начальник группы Соловьёв.

* * *

А вот два других документа.

«...В ознаменование 20-летия Победы над фашистской Германией, а также, учитывая предложения трудящихся, высказанные на страницах газеты «Знамя коммунизма», исполком городского Совета постановляет:

В честь нашей землячки Тоси Потаповой, зверски замученной гитлеровцами, улицу Лесную переименовать в улицу имени Тоси Потаповой...»

«...С большим вниманием участники слёта слушали секретаря ГК ВЛКСМ Валерия Довгала, зачитавшего постановление бюро горкома о занесении имени Тоси Потаповой навечно в состав Мелекесской городской организации ВЛКСМ. Он передаёт билет отважной патриотки на хранение комсомольской организации школы №9...»

«Знамя коммунизма» от 20.05.1966 г.

Я хорошо помню эти волнующие минуты передачи комсомольского билета представителю школы, где прошли детство и юность Тоси. Это была очень трогательная церемония, во время которой к горлу так и подкатывал комок, а глаза застилало пеленой тумана.

Площадь Советов, где проходил этот слёт, цвела от праздничных нарядов и пионерских галстуков. К микрофону то и дело подходили юные ораторы, но я от волнения плохо слышал их. Сердце моё колотилось и, казалось, выстукивало слова: «Здравствуй, Тося! Вот и вернулась ты в свой город. Вернулась молодой, юной, всё с тем же боевым огоньком и задором. Посмотри, сколько у тебя друзей, сколько пионеров и комсомольцев пришли на главную площадь города. Это твои земляки, твои ровесники. Они приветствуют тебя и празднуют твоё возвращение».

А над городом весело улыбается с высоты большое румяное солнце. Город бурлит, город цветёт, город трудится. Город пульсирует, продолжая жизнь. И вместе с ними живут земляки-герои, те, кто ушёл навсегда в бессмертие. Живут как частицы истории, как легенда и песня, как нетленные страницы древнейшей летописи.

Публикацию подготовила Раиса Кашкирова

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Валентин КУРБАТОВ, Псков. Прозаик, литературный критик, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. П. Бажова, Новой Пушкинской премии, Патриаршей литературной премии и др.

ОПЯТЬ ЗА СТАРОЕ. ОПЯТЬ ПО-НОВОМУ

Как скучно, как закономерно и как неизбежно – приходит новое поколение и начинает мир с себя, считая прошедшее только поводом к иронии или молодому снисхождению: что возьмешь со стариков?

Вот не угодно ли из блога одного «продвинутого» самодельного мыслителя, возвещающего торжество нынешних молодых.

«Они очень крутые. Они умнее, быстрее и сильнее, чем мы. Зачем учить, если можно загулить... мир-то развивается, всё движется. Больше нет субкультур плюс апгрейд русского языка. Помните раньше были эмо, панки, готы, рэперы, тусовщики и прочие? (так и хочется переспросить: помните? – В.К.) Теперь их нет. Смартфон в руке кратко повысил скорость распространения информации, разрушил коммуникационные барьеры, сломал рамки. Они открыты к новому. У них нет страха быть чужим в своей группе, потому что нет никакой группы. То же самое происходит с языком. Он быстро вобрал в себя жаргонизмы от самых разных групп: сленг, эковские словечки, анимешные аригатусенсей, наркосленг, эмоджи впол-

не себе уживается с литературным русским языком. Это потрясающе. Сейчас русский язык получил второе дыхание. Он обрёл потрясающий пласт для иносказательности, у него появился мощный нарратив в среде. Сегодня я могу зашить в текст больше, чем 5 лет назад.

...Мы получили толпу индивидуалистов, которые насквозь видят фальшь, умеют быстро находить ответы, держат мозги открытыми, обогащают русский язык и развивают. Они потихоньку убивают продюсерский контент, заменяя его на самиздат плюс органическая природа хайпа – хайп имеет органическую природу. Вы не заставите их отправлять друг другу какой-либо трек. Вы не сможете купить их внимание больше чем на один вечер. И они посмеются, когда посмотрят на вас и ваш продукт. Они очень быстро меняют правила игры... Старая школа до сих пор не может поверить, что они на задворках, а залы качают Pharaoh и Скриптонит. Они приходят в среду и обустривают её под себя. Скоро они столкнутся с государственными институтами. Ох, я бы не хотел оказаться на месте этих самых институтов».

Пришлось сократить. Там еще восторженные слова о легализации мата и такое владение им, что не всякий русский забор выдержит (разве что интернет – этот «парень» может дать мастер-класс, **матер-класс** любому тюремному бараку). Блогера называть не буду, чтобы не соблазнять читателя и не «рекламировать» новые способы «обогащения» русского языка.

Какова энергия?! Ведь это «Декларация прав народов»! За этим якобы отчужденным «они» почти не прячется «мы». Раз «мы» «их» так хорошо понимаем, и раз «я могу зашить в текст больше чем 5 лет назад», то какие же «они»? Я! Мы! Но отчего же на ум тотчас приходят болезненные сны Родиона Романовича Раскольникова о «трихинах», вселяющихся в тела людей? Сравните-ка побуждения-то героев сна Родиона Романовича и «очень крутых» мастеров «загуллить» мир: «...никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих нравственных убеждений и верований... всякий думал, что в нём одном и заключается истина...». И эти предупреждения «государственным институтам» – смотрите, де, мало не покажется.. Ведь тут рядом еще и «наши» из «Бесов» Федора Михайловича. Они, как те, «приходят в среду и обустроивают ее под себя»...

Но я не о «разрушении коммуникационных барьеров», хотя и это болезненно и тревожно. Я о «втором дыхании» русского языка и о «потрясающем пласте иносказательности». Всё подтверждения этого «богатства» ищут. Читаю вроде много и всё лучшее из публикующегося сегодня, что представляется издательствами на соискание премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», как гордость и упование на заинтересованность читателя и чаяние тиражей и внимания. А вот что-то не вижу, чтобы в текст «было зашито в пять раз больше». Или молодые гении не ищут премий, чтобы нечаянно не попасть «на задворки старой школы» и нарушить «органическую природу хайпа»?

Разве увидеть это новое богатство в предложении Владимира Сорокина из его «Мангары» готовить шашлык из осетрины на первом издании «Идиота» (как они чувствуют опасность Достоевского, видевшего их насквозь!) или гриль на «Швейке» и «Старике и море», которые не займут воображение «больше чем на один вечер». Или обрадоваться легализации мата, побуждающей всё большее число книг предупреждать с обложки, что это для читателя +18 и что «содержит нецензурную брань». Читаю вон Анну Тугареву («Иншалла»), где мат как быт, и без него ни шагу, когда уже не человек говорит, а анатомия, животный закон и вывернутая наизнанку мораль. И не знаю, как загородить текст от зашедшей и заглянувшей через плечо внучки. Никакой спины не хватает. Остается захлопнуть и покраснеть. А автор возразит: да вы что не видите, что это не мое щегольство лексикой, а это мир сегодня такой, от него не загородишься? Тут голову под крыло не спрячешь – это улица, её обход. Для пользы же и защиты вашей внучки и пишу, чтобы мир видел. А я вот, грешный, отчего-то не верю, что текст рождается из страдания от несовершенства мира, и всё прячусь и хочу остаться «на задворках».

Как и при чтении книги Галины Шевченко «Шахтерская Глубокая», где вроде про Донбасс, но где Эрос побеждает Танатос по всем фронтам, как в некогда шумном романе Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса». Вот и тут «полевые исследования». А прискучат свои – разогни Джонатана Коу («Номер 11») или Алессандро Барикко («Юная невеста») и только хмыкнешь – оказывается и ТАМ говорят одним русским матом (интересно бы заглянуть в оригинал – как это звучит там).

Нет, рано молодые машут рукой на «старую школу». Она еще подождет уступать «Pharaoh у и Скриптониту». И хоть внешне как будто «эпоха Гутенберга» действительно кончилась, о чем наперегонки твердят и западные, и наши романисты и уже пора переезжать на виртуальные пространства, а все-таки хочется пожить на старых книжных пространствах, и «продюсерский контент» всё сопротивляется отпеванию молодых.

Только горечь никуда не денешь, и проза сетует на тупики истории и исчерпанность человечества, как в книгах Павла Крусанова («Железный пар»), где мы уже тормоз и гибель, а не «человек разумный», или Александра Мелихова («Свидание с Квазимодо»), где всякое движение под микроскопом и уже будто и не сюжет, а всеобщая «судебка» – судебно-медицинская экспертиза. Где «открытое общество» так закрыто и цинично управляется с нами, что «угираться» не успеваешь: это твои избранники, благодетели, депутаты, спонсоры (Анатолий Кириллин «Семена для попугаев») и где при торжестве церкви стремительно падает вера (Герман Садулаев «Иван Ауслендер»).

С чего бы, с чего бы это торжество обступающей тьмы? Дописать строку не успел, взглянул на календарь на столе – давно забыл перелистывать, (чего дразнить-то себя скоростью улетающих дней). А остановился-то, оказывается, на 12-е апреля. Со зла, видно, и оставил число-то, потому что включил тогда раза три за день телевизор и увидел, что мы, еще и от коронавируса не освободившись, только и делаем, что продолжаем соревноваться в формах предательства родной истории, и не захотелось больше говорить о литературе и о диалоге молодости и старости. Все мы тут уравнились и очень «помолодели» и разнились только оттенками слов, а по существу одинаково стыдимся прошлого и «подсвистываем» молодым, чтобы не показаться старомодными, то есть просто здоровыми, потому что здоровые «скучны», а «усталые» тонки и эффективны.

Но вот отличие старости от юности. Всё на минуту покажется темно и безутешно, а выглянешь в живое, а не телевизионное окно – весна загорается, молодые матери (совсем девочки) катят коляски и счастливо смеются своей молодости, и опять, как тысячу лет до тебя после таких же сомнений и агрессии «крутых мастеров загуллить все смыслы», спокойно и твердо поверишь, что мир образумится, и дети (если они действительно умнее, быстрее и сильнее, чем мы) в свой час вспомнят, что они родились не в чистом поле и не сами от себя, а от «заблуждающихся» отцов и дедов. И живы, и сильны только памятью и любовью друг к другу и миру. И они завтра станут тем, что зовется Родина, память и жизнь. И литература! И бессмертие!

А не «толпа индивидуалистов»...

О ПИСАТЕЛЕ НИКОЛАЕ СТАРЧЕНКО

«Василий Песков ласково называл его Муравейник...»

Ровно год назад, 7 июля 2019 года, ушел из жизни уникальный писатель Николай Николаевич Старченко, секретарь Союза писателей России. Уроженец Брянщины, он хорошо знал жизнь провинции, любил лес, зверье и птиц и животворил природу словом. Его талант соизмерим с талантом Михаила Пришвина, которого Старченко боготворил.

В 1993 году Николай Николаевич создал журнал «Муравейник». Пришел к Василию Пескову и предложил сотрудничество. Как вспоминал Старченко, он не надеялся на положительный ответ, но Песков, познакомившись с журналом, очень лестно отозвался об издании и согласился. Вскоре писатели стали близкими, неразлучными друзьями. Они совершили более пятидесяти творческих поездок по литературным местам, побывали в Спасском-Лутовинове, Михайловском, ст. Вешенской, Болдине, Ясной Поляне и других культовых местах, вместе охотились и рыбачили, выступали как активные защитники природы. Песков ласково называл Николая Муравейником. Старченко печатал в своем журнале очерки своего старшего товарища под рубрикой «Дядя Вася рассказывает». Николай Николаевич был последним, кто разговаривал с Василием Михайловичем перед его скоропостижным уходом в августе 2013 года.

Сам Николай Старченко пережил друга всего на

шесть лет и тоже скоропостижно скончался летом.

Это был светлый, лучезарный человек, любивший природу и болевший за экологию. Еще в 1990 году он с тревогой писал: «Сегодня уже не только уничтожение природы преступно, но и бездействие перед надвигающейся катастрофой. Еще вчера общество всерьез не задумывалось: а хватит ли будущим поколениям чистой воды и свежего воздуха? И как же жить с постоянным ощущением возможной биологической гибели? Детство, отрочество, юность – прекраснейшая пора, когда не только весь мир, но и сам себе кажешься вечным, бессмертным. И вдруг это благое, великое чувство вечности зеленого мира вот-вот будет утрачено... Мы не должны этого допустить. Не в смысле утаивания уже очевидных и грозных предвестников всеобщей беды, а в смысле непрямого создания совершенного механизма взаимодействия сложнейшей системы человек – природа. И определить этот механизм должно сознание человека. По сути, оно сегодня – последнее убежище природы». Имя и литературные труды Николая Старченко не должны быть забыты. Писатель дорог нам еще и потому, что является лауреатом Всероссийской литературной премии имени Н.М. Карамзина «За Отчествоведение».

Ольга ШЕЙПАК

Николай СТАРЧЕНКО (1952 – 2019), член Союза журналистов и Союза писателей России, кандидат филологических наук. Работал главным редактором журналов «Юный натуралист» и «Муравейник». Лауреат премий им. А.К. Толстого, им. С.Т. Аксакова, им. М.М. Пришвина и др.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Главы из книги

Вернувшись в Москву с моей родины, я недели через две стал готовить следующую поездку, постоянно держа телефонную связь со своим товарищем по охоте из Вышнего Волочка Владимиром Самуйловым, заранее сообщил Василию Михайловичу.

– Ваша давняя мечта посидеть в засидке на медведя близка к исполнению...

Самуйлов вскоре подтвердил: «Медведь на овёс ходит. Два лабаза готовы».

В дороге до Вышнего Волочка Песков азартно, почти не умолкая, рассказывал о своих давних встречах с медведями, в особо острых моментах хватая меня, ведшего машину, за правый локоть. Особенно захватывающей была история с медведицей в Кавказских горах. В одном месте он отделился от своих спутников, полез повыше от тропы... и вдруг увидел крупную медведицу с медвежатами. Конечно, захотелось сфотографировать. Первый щелчок затвора фотоаппарата она ему простила, а когда Песков щёлкнул во второй раз, поднялась на дыбы и бросилась на него. «Ну, всё...» – подумал тогда любознательный фотограф. Спасло его то, что он в ответ тоже рывкнул и вскинул высоко вверх руки с тяжёлым фотоаппаратом. Медведица затормозила, а потом развернулась и, шлёпнув под зад медвежат, скрылась с ними в зарослях.

И когда в Вышнем Волочке встретились с егерем, Василий Михайлович продолжал с энтузиазмом и ему рассказывать медвежьи истории. Я-то думал, что мой старший друг начнёт дотошно расспрашивать, как он это обычно делал при встрече с новым человеком, тем более со знатоком своего дела. Но Песков продолжал солировать до самой глухой деревеньки, поблизости от которой и были два небольших поля, специально засеянные овсом местными охотниками.

Высокий, обходительный и знающий егерь едва успел вставить несколько слов-рекомендаций, как нам вести себя на лабазе. Главное – терпение, и ни малейшего шевеления и шума. На первом поле оставили меня, как стрелка, а на следующем, особо перспективном, егерь угнездил на более комфортной вышке знаменитого журналиста для фотосъёмки. Тут Василий Михайлович опомнился, стал настойчиво расспрашивать егеря о деталях момента – ведь он впервые будет снимать медведей на кормёжке в овсах! Егерь вежливо, но твёрдо показал на часы, шепнув: «Уже разговаривать нельзя, медведь близ-

В.М. Песков и Н.Н. Старченко

ко». На часах было полпятого, а по-хорошему нам надо было быть здесь ещё в четыре. Задержал нас, конечно, не по своей вине, как раз Песков. Километра два мы шли по бездорожью, по заросшим лугам и полям и Василий Михайлович заметно отставал, часто спотыкался, а то и падал в старые, обтравеневшие борозды. Я попытался взять его за руку, чтобы поддержать в колдобистых местах, но он помощи не принимал, отмахивался. Потом, когда на обратной дороге в темноте ещё больше спотыкался и чаще падал, перед сном мне скажет: «Да, что-то я ослаб на ноги. Так непривычно это почувствовать...». И у меня защемило сердце.

Мой простецкий, но прочный лабаз был устроен на опушке леса на раскидистой берёзе метрах в семи-восьми от земли, у самого края поля с жиденьким овсом. Я поудобнее устроился, приготовил ружьё, прикидывая сектор стрельбы. Мне всё тут понравилось, особенно то, что ноги в сапогах имели прочную опору из толстой, грубой доски. А то мне в прошлом году пришлось сидеть в другом месте свесив ноги... – так долго не выдержишь. А сидеть неподвижно предстояло не менее четырёх часов, до полной темноты.

Первой появилась лиса. Не спеша бежала крайком овса. И внезапно остановилась. Как раз на том месте, где остались наши следы. Осторожненько пошла по следу прямо к моему лабазу. Я замер. Тут след кончился, и она забеспокоилась: куда же делся пришелец? Подняла голову, усердно принохиваясь. Но достаточная высота лабазы не давала ей возможности причурять человека. Тем более что меня скрывала и маскировочная одежда. Покрутившись, лисица снова ушла в поле – ловить мышей.

Вторым был глухарь – прилетел бесшумно, уселся в середине овса. Непривычно мне его видеть на осеннем поле, он для меня прежде всего птица весенняя, будоражащая своей таинственной, страстной песнью. Как же трудно и волнующе подкрадываться под его «точение» к заветной сосне, на которой он токует!

Третьим незаметно вывернулся из-за ближнего куста молодой лось. Постоял, послушал и спокойно пошёл к другому полю, где сидел Василий Михайлович. А меж тем солнце садилось. Такая умиротворённая тишина! И вдруг справа в лесу начали стрекотать сойки. Ага, это уже серьёзно. Медленно-медленно повернул я голову в ту сторону леса. И явственно услышал чёткую, тяжёлую поступь, как будто грузный человек шагнул: твёрдый шаг – и молчок. После паузы минуты в две снова шаг – и снова кто-то замер там, в чаще, метрах в сорока от вышки. Я уже понимаю, что хотя вечер и тихий, но всё-таки тянет лёгкий сквознячок от меня в сторону медведя. И он очень насторожен, видно, по привычке уже обошёл незаметно вокруг поля, нигде не хрустнув сучком, скорее всего, не пропустил на опушке наши невыветрившиеся следы (вот что значит опоздать на полчаса!), и теперь матёрый зверь колеблется, тщательно вынюхивая воздух. Шагнул третий раз... И вдруг с треском, гулко ломанулось там – я как-то всем своим напрягшимся телом почувствовал, до чего же обозлился медведь, яростно грохнув о землю какую-то попавшуюся под мощную лапу сушину!

На этом моя охота закончилась.

А как там Василий Михайлович? И тут вдруг вижу крупную фигуру, в наступившей темноте похожую на медведя. Фигура медленно двигалась по краю поля к моей вышке. До меня донёсся лёгкий свист. Я ответил. Слез с лабаза, укоряюще говоря подосшедшему Пескову:

– Так нельзя делать!

Он стал пояснять:

– Да терпезу уже не было! Выпил, дурак, бутылку «Боржоми» за обедом...

– Всё равно надо было оставаться на месте, а не бродить по полю. Кто-то мог принять Вас за медведя! Снимать нас «с номеров» может только егеря.

Василий Михайлович виновато развёл руками. И тут же радостно сказал:

– Ну до чего счастливые часы ожидания! Медведь ко мне не вышел, но сфотографировал молодого лося, наверное, хорошо получилось... Потом прошла лиса, кабаны рядом колготились. И вообще, всю природу с таким наслаждением наблюдаю! Видел, како-о-ой закат был?

Он потом очень живо, мастерски описал всё это в очерке «Ожиданье медведя». Правда, с ошибкой – молодого лося назвал сеголетком. Это и по фото видно, и сеголеток ещё от мамы-лосихи отдельно не ходит. Любопытно, что он его подманил поближе, чтобы сделать удачный кадр. Ведь у лосей в сентябре гон. «Складываю ладони лодочкой, закрываю ноздри указательными пальцами и исторгаю несколько стонущих звуков. Ещё раз... Ещё... Получилось!».

Потом как-то, в весёлую минуту, Песков мне расскажет об одном случае. Ещё молодым с подругой оказался в сентябрьском лесу Подмосковья.

Идут опушкой и вдруг увидели на той стороне небольшого поля огромного лося. Василий решил продемонстрировать своё умение: «Хочешь, подманю лося?» – «Давай!». После первого же призыва зверь сразу помчался к ним. Что делать? Песков подтолкнул даму к первой же невысокой сучковатой сосне: «Лезь!» – «Вася, я не умею!» – «Лезь! Затопчет!». Подруга кое-как полезла, он старательно подталкивал её вверх. Потом забрался сам. И вовремя! Лось, тяжело, возбуждённо дыша, гневно бил копытом под сосной. Отошёл он не сразу, около получаса перепуганная пара просидела на сосне. Когда слезли с онемевшими руками и ногами, дама решительно сказала: «Вася, я с тобой в лес больше не пойду!».

Ожидая егеря, мы всё обменивались впечатлениями о четырёхчасовом сидении на вышках.

– Представляешь, слез с лабаза и с удивлением вижу в космах травы зеленоватые огоньки. Светлячки! Насчитал два десятка. Столько лет их не видел!

А наутро нас повезли на большой лесной пруд, богатый карпами и кряквами. Я выбрал уток, а Василию Михайловичу был обещан необыкновенный клёв.

Мы с моим товарищем-охотником на небольшой лодке прочесали прибрежные камыши и вернулись через полтора часа с добычей, а у рыбаков были растерянные лица. Один из них подошёл ко мне, озадаченно оглянувшись на мрачно стоявшего в сторонке у воды Пескова, негромко говоря:

– Не пойму, что такое? Позавчера всю клевало, а сегодня ни одной поклёвки! Уже и подкормку сыпало... То ли погода меняется?

Василий Михайлович, быстро глянув на меня, увешанного трофеями, сунул мне в руки удилище:

– Подержи-ка минутку. А то мне и в кусты сбегать было некогда, всё надеялся...

Я достаточно равнодушно взял удочку, бросил взгляд вбок, на лиричную заводь. И тут за моей спиной раздалось:

– Смотрите-смотрите, поплавок дёрнулся.

И в самом деле, поплавок не только дёрнулся, но его уже и повело в сторону, погружая в воду.

– Подсекайте-подсекайте!

Я подсёк, и на берегу оказался прекрасный килограммовый карп. Василий Михайлович, услышав наши восторженные возгласы, миглом примчался, отнял у меня удочку, говоря:

– Ну, теперь пойдёт!

Но как отрезало. Снова ни одной поклёвки.

Песков воззрился на меня с возмущением:

– Ну, этот Муравей! Поглядите на него! Уток настрелял, и ещё моей же удочкой моего карпа поймал!

К счастью, наши хозяева оказались предусмотрительными людьми. Уже вскоре мы приехали на местную охотничье-рыболовную базу, где была приготовлена чудесная уха и поджарена на двух сковородах плотва и окуньки. Василий Михайлович сразу успокоился, нахваливая:

– До чего ж я люблю жареную мелкую рыбёшку! Как это напоминает детство...

И снова он был на коне, снова полились в дружеском застолье его захватывающие истории и крепкие анекдоты. Все были счастливы от общения с таким знаменитым и одновременно простым, душевным человеком.

* * *

Журнал «Муравейник» с каждым годом пополнялся новыми, свежими авторами. Настоящим открытием стал сотрудник Нижне-Свирского заповедника Анатолий Смирнов. Просто потрясающие у него снимки о животном и растительном мире! А у нас уже вошли в практику ежемесячные лесные дневники из заповедников и национальных парков. И я решил на месте познакомиться с новым талантливым фотомастером и заодно подобрать там пишущего автора, который бы своим текстом дополнял уникальные фото Смирнова. И предложил Пескову поехать туда вместе.

Оказалось, что он давно знает тамошнего директора. И тут же рассказал смешную историю:

– Он раньше работал в заповеднике в Башкирии. Приезжаю как-то и застаю там ещё гостя, его родного брата. Причём брата-близнеца. И не просто близнеца, а как говорят акушеры, однойцевого близнеца. Глянул – и растерялся: как две капли воды, не отличишь! Но ещё больше был удивлён конюх. Говорит мне утром: «Василий Михайлович, я, конечно, вчера выпил, но почему у нас сегодня два директора?». Вообще, этот конюх был человек занятный. Лет через пять снова приезжаю, а там при входе всякие рекламные новшества, говорю об этом конюху. А он в ответ: «Да-а... Теперь у нас тут сплошные суневирь и ашланги!».

В конце апреля поездом мы доехали до Лодейного Поля – здесь размещается администрация заповедника. Нас встретили на вокзале директор Владимир Николаевич Белянин и его заместитель Василий Георгиевич Вичкунин. А сам автор с нетерпением ждал нас в деревне Ковтеницы, где он и жил в обычной деревенской избе.

Мурманский поезд приходит в Лодейное Поле очень рано, в полшестого утра. Василий Михайлович в поезде почти не спит, и я у него по дружбе уже «научился» этому, так что вышли мы на платформу совсем невыспавшиеся. А в районной библиотеке на полдень была назначена встреча с нами, о которой мы узнали только сейчас. Это была, конечно, маленькая хитрость Белянина, знавшего о нелюбви Пескова к разного рода публичным мероприятиям. Василий Михайлович поворчал немного, но куда деваться: не обижать же людей?

В квартире директора заповедника после завтрака мы успели поспать пару часов – и в библиотеку, уже полную читателей, вошли бодро, оживлённо. Как я понял, для работников библиотек главный редактор любимого ими журнала, который они выпускают, – есть главное лицо. Мне и предложили первому слово, что было неожиданностью и, как я успел заметить, несколько озадачило моего старшего друга. Но если бы он знал, что его ждёт через день в окрестностях древнего Олонца!..

К вечеру мы забрались в самую глубь заповедника, на северный берег Ладожского озера, к орнитологической станции в урочище Бумбарицы. Здесь отлавливают огромной сетью перелётных птиц для научных целей. Полюбовались мы в бинокль и на красавиц нерп, что уютно полёживали на ещё не растаявших льдинах. Как хорошо, что они ещё тут сохранились, что взяты под охрану закона и государства!

Устроили нас на проживание в визит-центре заповедника, в середине леса. Василий Песков, видевший в журнале «Муравейник» запоминающиеся фото Анатолия Смирнова, тут же начал его тормозить: «А такое мы сможем снять? А туда доберёмся? А похожий кадр сделаем?». Наш скромный пятидесятирёхлетний автор, как школьник, смущался вниманием мэтра, робко и с задержкой отвечал на его многочисленные вопросы.

– А к токующему глухарю подойдём?

– Два тут рядом поют...

Решено было прямо завтра ещё на зорьке «брат» их на фотомушку. Спросил и я:

– А белых куропаток где-нибудь встретим?

Дело в том, что когда-то, лет сорок назад, я встретил в зимнюю пору, зайдя на самодельных берёзовых лыжах в лесное урочище Мохнаты, маленькую стайку белых куропаток. И больше потом – ни разу! – не довелось увидеть их возле родной брянской деревеньки Осинки... И вообще нигде больше не видел.

– Может, и встретим... – односложно ответил Анатолий Петрович.

Песков восторженно:

– Ух, у меня есть одна очень смешная история про белых куропаток!

И вот что мы услышали, а потом и прочитали в одной из его книг:

«Есть у самого края земли в устье реки Колымы село с названием Походск. Старинное село – основано Дежнёвым. Колоритное село. На привязях – ездовые собаки. На треногах – котлы для варки корма собакам. У каждого дома – лодка. Живо село охотой и рыболовством. И я нисколько не удивился, увидев за околицей парня, нёсшего пойманных петлями куропаток.

– Далеко ли топать пришлось? – говорю я, чтобы задержать парня и разглядеть как следует кипенно-белых на морозе окоченевших тундряных птиц.

– Да вон на бугре за околицей, – говорит парень, и вдруг глаза его с удивлением расширяются.

– Э-э... Да «В мире животных» это же вы?

Привычная сцена, привычный вопрос. Есть у меня наготове к подобным случаям шуточки. Но в этот раз знакомство озябшей телезвезды и от мороза красного телезрителя происходит очень уж далеко от Останкина.

– У вас тут что же, и телевизоры есть?

– А как же! – кивает парень на крышу с антенной. – Всё, как везде. И балет из Большого театра, и ваши африканские крокодилы. Да вы-то как оказались в Походске?

Объясняю, что идут, мол, на лыжах до полюса наши ребята. Ну вот по этому случаю...

Завязка занятной истории с куропатками начинается здесь. Благодарному телезрителю из Походска пришла вдруг идея одарить московского гостя щедротами тундры. Не успел я моргнуть, как связка из дюжины куропаток очутилась возле моих унтов. Сопротивление, уговоры, довод: «Мне же ещё на полюс лететь!» – не могли побороть радушия щедрого, неподдельного. Я сдался.

Пока, вызывая безмерное любопытство скукавших ездовых собак, я обходил русское северное селцо, мой новый знакомый забежал в из

брёвен рубленый магазинчик и вышел из него с аккуратной, перетянутой бечевой коробкой от шампанского.

– Держите на морозе. В Москве они будут как вчера пойманные...

Неделю картонка с дичью стояла на балконе гостиницы в Черском. Мы слетали на полюс... Вместе со счастливыми его покорителями вернулись в посёлок на Колыму. И потом полетели в Москву.

В Домодедове, получая багаж, я вдруг впервые подумал: а что же делать мне с куропатками? У меня дома на Верхней Масловке некому обрадоваться экзотическому гостинцу... В машине по дороге в Москву я мысленно перебрал друзей своих, прикидывая, чья жена способна довести до дела неожиданный дар Колымы.

И такое семейство нашлось. Сделав немаленький крюк по Москве, я постучался в знакомую дверь. Хозяев дома не было. Картонный короб мы открывали с их дочерью-десятиклассницей. Великолепной белизны птицы походили на комья морозного снега. У одной в клюве темнела застывшая синяя ягодка. Опростав в холодильнике место, мы с Мариной сложили туда куропаток. Я рассказал, как пойманы были птицы, как занятно попали они в Москву. С тем и уехал.

За делами и суетою о куропатках я позабыл, как вдруг дней через десять вечером позвонил один мой давний приятель и после обычного «как живёшь?» сказал голосом щедрого мецената:

– Вась, тут с Севера нам подарок. Но мы с женою решили: только ты можешь его оценить.

– Что же такое?

– Куропатки! Белые...

Я насторожился.

– И много?

– Целая дюжина! Вон в холодильнике...

– Тебе привезли их в картонном ящике от шампанского?

– Да...

Я затрясся от смеха. И почему – всем понятно. Но приятель спросил озабоченно: «Что с тобой?». Когда я сказал, «что со мной», пришла очередь хохотать моему собеседнику. Потом мы стали вздыхать. И любопытства ради по телефону раскрутили «куропаточный детектив». Выяснилось: за десять дней колымские птицы побывали в четырёх московских домах! Прояснилась и вся картина столь необычного злключения экзотического подарка.

«Боже мой, как хороши! Да я притронуться-то к ним боюсь», – сказала одна молодая хозяйка. В другом доме тоже ничего, кроме уже ошипанной курицы, на кухню не приносили. В третьем доме были поопытней, но занятость, привычка к яичнице и сосискам – какие там куропатки!

Одна из хозяек решила было на кухонный подвиг, но, заглянув в новейшую кулинарную книгу, рецепта, как поступить с куропатками, в ней не нашла. Побоявшись «опошлить простецким приговлением благородную дичь», тоже, как в старину говорили, запросила прощенья. И круг замкнулся!

Нет, мы не дали, конечно, погибнуть бесславно дару далёкой безлесной тундры. Нашлась в нашем круге знакомых молодая хозяйка (да будет под Новый год всесоюзно прославлено её имя – Татьяна!),

которая не побоялась пуха и перьев, которая заглянула в старые книги, отыскала нужный рецепт, добыла неведомо где мочёной брусники и приобщила к секрету приготовления редкого блюда трёх своих маленьких дочерей. А всем виновникам «куропаточного детектива» осталось только явиться к столу.

Не спрашивайте: вкусно ли было? Все вполне искренне говорили, что ничего подобного никогда не едали. И кто-то пошутил даже: «Жалко, что дюжина, а не более куропаток попала в петли колымского парня».

Имя парня того не единожды с благодарностью вспоминали мы за столом. И этот рассказ о его куропатках, надеюсь, дойдёт до Походска. Местным охотникам следует знать: в «Красной книге» белые куропатки пока не значатся, но уже нет их в «Книге о вкусной и здоровой пище». И городскому заезжему гостю, дорогие походские старожилы, пожалуй, не стоит делать подарков. Одна морока с этими куропатками!».

Мы дружно посмеялись, а я подумал при этом: «Жалко, что мы тогда ещё не познакомились с Песковым, а то бы он знал с первого раза, кому везти куропаток. Много раз за нашим домашним столом он нахваливал дичь, приговоренную моей женой Татьяной. А та Татьяна из его рассказа – жена моего давнего товарища, литературного критика и издателя Николая Машовца, однажды тоже была с мужем у нас в гостях по случаю добытого мною в Тверской области дикого гуся-белолобика.

В сосновом бору ещё только чуть-чуть забрело, как мы услышали песню глухаря. Как и заранее договорились, к нему Смирнов стал подводить Пескова, а я отправился в другую сторону, слушая лес, с волнением ожидая и пугающий вопль куропатки. Но не дождался... И друзья мои не смогли близко подойти к осторожному глухарю, подшумели. Но как неудачу мы это не расценивали. Ведь какая это радость – после городской жизни встретить восход солнца в заповедном бору!

А ранний подъём пригодился нам для своевременного выезда в соседний карельский городок Олонец, где нас ждал недавно учреждённый Гусиный праздник, а также дикие гуси в его окрестностях. Вот как написал потом Василий Песков об этом необычном празднике:

«Он, конечно, придуман, но, кажется, прививается. Основа его – ярмарка, на которой пришедшие и приезжие могут купить что им приглянется, а олонецкие покупают кое-что из привозного товара. Но изюминка ярмарки – гуси. Тут можно обзавестись большими важными птицами или купить поджаренные туши гусей, купить набитую прекрасным гусиным пухом подушку. В этом году мы видели на городском торжище соленья, ягодные варенья, клюкву, саженцы для фруктового сада, берестяные тески, поделки из древесины, рыбу.

Атмосферу весёлого праздника создаёт ожидание гусиных бегов. Им предшествуют хоровое пение в старинных костюмах, потешные гонки на лыжах по расстеленному суну, и наконец на старт в «просеке» ярмарочной толпы выходят люди с гусями в корзинах. Исполненные достоинства птицы, правда, не понимают, чего от них тут хотят, и лишь озабоченно вертят головами. Но понукаемые хозяевами и

шумом зрителей гуси начинают бежать, потом бегут, помогая себе крыльями. Замечают того, кто приблизился к финишу первым, а потом выясняют, кто при забегах показал наилучшее время. Хозяевам гусей, завоевавших три первых места, – призы. Первый вполне приличный – телевизор!».

Молодой хозяин гуся-победителя почёл за большую честь сфотографироваться с нами. Получился замечательный кадр: счастливый олончанин, двумя руками поднявший высоко над головой крупного горделивого гуся, и мы по бокам с Василием Михайловичем, не менее радостные, счастливо улыбающиеся...

А дальше мы проехали в поля за Олонцом, где надеялись поснимать уже диких гусей. На огромной площади гуси, летевшие в тундру с зимовок в тёплой Европе, делают здесь длительную (целый месяц) остановку на отдых и кормёжку. На весьма и весьма обширной равнине есть «зона покоя», много лет назад учреждённая местными властями. Гуси – очень сторожкие птицы, и нам всё никак не удавалось приблизиться на нужную для фото дистанцию. Василий Песков ещё вчера вспомнил рассказ охотника из Казахстана, как тот на открытом пространстве подбирался к гусям на выстрел, вывернув полушубок и двигаясь на четвереньках – гуси принимали его за овцу. «На олонецких полях этот маскарад не удался, – признается потом в своём очерке Песков. – Вывернув припасённый в заповеднике полушубок, я, не шадя штанов и коленок, стал с фотокамерой подбираться к кормившейся стае. Гуси «овцу» заметили сразу, как по команде подняли головы и, вида, как я, хотя и медленно, приближаюсь, дружно взлетели».

И вообще, Василий Михайлович очень хотел до тошно поговорить о диких гусях с кем-то из местных знающих людей. Тут сопровождавший нас орнитолог посоветовал: «А давайте-ка заедем к охотникам». Охота разрешена за пределами периметра «зоны покоя».

Подъезжаем на машине поближе к одному из охотничьих станов, потом идём пешком. Нас четверо, развернулись фронтально, негромко переговариваемся. Когда до длинного стола под маскировочным тентом, где обедало несколько охотников, оставалась сотня шагов, вдруг оттуда донёсся громкий, удивлённый и радостно-протяжный крик:

– Да это же Николай Никола-аевич!!!

И человек бежит навстречу. Оказывается, это Олег Елагин, наш постоянный автор из Санкт-Петербурга, большой мастер в съёмке диких птиц и зверей. Но фотография кормит слабо, приходится быть устроителем таких вот охот. Я знакомлю его с Василием Михайловичем, которого, к слову, никто из сидевших и закусывавших не узнал. Что делать: уже полтора десятка лет не было знаменитого журналиста на телеэкране, и уже выросло новое поколение без некогда популярной передачи «В мире животных»... И Василий Михайлович не сдержался, буркнул мне негромко:

– Когда-то все кидались навстречу: «Ах, Василий Михайлович, это Вы, глазам не верю!», а теперь вот на всю долину: «Да это же Николай Николаевич!».

Я смутился, и он, заметив это, приобнял:

– Это я так, без укора.

Олонецкий гусь-победитель

Сели за стол, закусили с удовольствием. Песков с большим интересом стал рассматривать ружья, особенно старинные. Приглянулась ему «утятница» с очень длинным гранёным стволом, взял подержать в руках. Его на всякий случай предостерегли: «Если захотите выстрелить, надо вот эту особую, толстую накладку приложить на плечо. А то отдача такая, что ключицу может сломать». И тут, как на то, вздумал пролететь метрах в пятидесяти над нами гусь-гумённый. Хозяин «утятницы» тут же приложился, ахнул выстрел, и гусь стал падать. Но победный возглас стрелка оказался преждевременным. Он не дошёл десятка метров до лежащего на земле гумёника, как тот вдруг (наверное, был только контужен) взлетел и потянул за кусты мелиоративной канавы.

Василию Михайловичу явно было жалко птицу, и появились такие строки в его очерке «Олонецкие гуси»: «Он, возможно, отыщет свою компанию (гуси знают друг друга «в лицо» и по крику), но может, ослабленный, в тундру не полететь и загнеститься тут, вблизи Ладоги». Нам рассказали случай, когда раненый гусь прибил к домашним и даже нашёл себе пару на каком-то подворье близ Олонца.

А дальше наш путь лежал в Кологрив. Василий Михайлович еще в Москве подбил меня на продолжение путешествия: «Давай доедем и до Кологрива. Само название, а? Это, конечно, далеко вато, там и дорога-то вообще кончается, но зато... – И тут последовал железный для меня довод: – Отлично поохотишься, глухарей там, слышал, как в курятнике. А я диких гусей снимаю...».

В самом деле оказалось, что далее Кологрива дороги нет, если не считать проселков и лесных троп. Этот милый уютный городок (название его толкуется так: создан около грив, не затопляется половодьями) покоряет с первого взгляда, чему способствует и полноводная лесная река Унжа, в пойме которой, прямо на глазах горожан, каждую весну останавливаются на отдых дикие гуси. Их здесь никто не трогает, не беспокоит, люди только любуются ими. Местный егерь Александр Александрович Васичкин сделал загодя специально для Пескова хорошо замаскированный скрадок, но фотографировать гусей можно было и прямо с моста через реку.

В краеведческом музее городка, основанного как крепость еще по указу московского князя Василия III, нам подробно всё показали и рассказали, при этом заметив с укоризной, что «ваши москвичи, умники с телепередачи «Что? Где? Когда?» однажды ввели всю Россию в заблуждение, сказав, что вот-де имеется такой смешной город Кологрив, где есть железнодорожный вокзал, а самой железной дороги нет». Песков, слава богу, у себя в квартире «ящик» не держит принципиально, а я сразу вспомнил этот уже давний случай. Тут, действительно, получилось как в известной поговорке: слышали звон... Дело в том, что в конце XIX века решался вопрос о подводе сюда железной дороги – и богатый житель Кологрива заявил, что если это произойдет, то он отдаст свой лучший в городе дом под железнодорожный вокзал. Но ничего такого от него не потребовалось, так как победила другая партия кологривцев, занимающаяся доходным сплавом леса на реке. Железную дорогу провели южнее этих мест, а в некогда обещанном под железнодорожный вокзал красивом доме сейчас и располагается краеведческий музей. Вот так-то!

Кстати, в этом музее довольно богатый природный отдел. Я заметил это вслух и услышал от пожилой служительницы: «Мы природу любим. Без природы нам сейчас нельзя». Думаю, не надо особо расшифровывать ее прямодушные слова. Сам городок и весь Кологривский район живут в наше нелегкое время лесом, рыбой, ягодами, грибами, огородами. Ближние сосновые боры, как и везде, в последние годы сильно вырублены, но есть здесь и по-настоящему заповедное место, больше того – бесценный памятник природы всемирного значения: в сорока верстах от Кологрива сохранился уникальный еловый лес, вообще не знавший топора. Уцелел он (подчеркнём, при активном участии Василия Михайловича Пескова, вскоре открылся здесь заповедник под названием «Кологривский лес») до наших дней в нетронутом виде – двухсотлетние огромные ели стоят! И еще, конечно, спасло бездорожье – надо сказать, редкостное. Пробивались мы туда с приключениями не на чем-нибудь, а на гусеничной боевой машине пехоты... И она в особенно гиблом месте сломалась! Двое асов-мастеров долго возились, налаживая её.

«Вот уж над нами зайцы вволю насмеялись! – вспоминал потом Песков. – Помнишь, как они неожиданно появились из леса и стали нахально жевать друг с другом прямо вокруг нас?».

Долго играли в догонялки, кругами огибая и нас, и нашу грозную машину... Нисколько не боялись, наверное, и людей никогда не видели. А когда

мы повернули назад к Кологриву на слегка подправленном бронетранспортёре (пришлось ехать только на первой передаче), то шесть зайцев устремились за нами, сопровождая некоторое время.

Вечером мы стояли на вальдшнепиной тяге. Тянули лесные кулики отлично, а вот стрелял я неважно. И понимал почему: Василий Михайлович был рядом, увлеченно фотографировал вальдшнепов в полете, да и меня вниманием не обходил, пришлось мне выступать в роли фотомодели, а это всегда смущает даже бывалого стрелка. Вот отошел он на другой край поляны к егерю, и я тут же четко сбил налетевшего в «шттык» долгоносика, а егерь, наоборот, отдуплетился впустую...

Но главное – завтрашнее утро, глухариный ток!

Разбудил нас егерь в полвторого ночи, в самый сон, тем более что легли после вальдшнепиной тяги в полдвенадцатого. Так что точнее будет сказать: не разбудил, а усердно растолкал нас неизменно вежливый, корректный Александр Александрович Васичкин, бывший десантник. Но больше растолкала, привела в чувство ухабистая лесная дорога. Да еще полная, сияющая всю луна.

Место, куда мы приехали на «уазике» через час, не показалось мне особо глухариным – ельничек, осинничек, редкие сосны, заметны следы недавних вырубок. Егерь уверенно повел нас от дороги в лес. Минут через пять упреждающе поднял руку... Точно, поёт глухарь! Пошептавшись, решили, что к этому певцу Васичкин постарается подвести Василия Михайловича (ишь, какое у них подходящее сочетание фамилии одного и имени другого!). Пескову давно хочется сделать редкий фотоснимок, а я вернусь немного назад, возьму еще левее и по параллельной просеке буду двигаться в глубь тока, где тоже постараюсь «снять» своего глухаря.

Подход оказался неожиданно трудным. Сначала, подскакивая под точение, я стронул несколько молчунов и они громким грохотом крыльев раз за разом остерегали и так почему-то вяло, сторожко токующих глухарей. Потом залез в такое навороченное колодье старой вырубки, что чуть выбрался. При этом глухарь, разумеется, замолчал. Наметил другого, поющего в осиннике, перемежаемого молодыми елками, и уже остервенело, как в атаку, при стремительно набирающем силу рассвете, пошел на него. Рискуя, делал три быстрых шага-прыжка. И вдруг явно услышал, что слева от меня тоже кто-то идет. Может, это Васичкин с Песковым? Но как они оказались слева от меня, когда должны быть справа?..

Однако раздумывать долго сейчас нет никакой возможности – пока глухарь беспрерывно стрекочет, надо успеть проскочить почти открытую полянку. Ну вот, удалось, теперь, заслонившись елкой, можно немного отдышаться. Петух весь на виду, поет на голой осине. А шагов-то чужих больше не слышно... Пропускаю две песни, выгадывая, чтобы глухарь повернулся ко мне боком. Ахает раскатисто в утренней тишине выстрел. Вслед за ним – гулкий, плотный удар тяжелой птицы о влажную лесную землю.

Пока остывал от пережитого, то поднимая, рассматривая и взвешивая глухаря на руке, то снова бережно опуская на мох, подошли Васичкин с Песковым. К двум поющим петухам им не удалось подобраться близко, на верный фотовыстрел, потом наладились к этому, но тут уже я их опередил. Егерь

всё же не терял надежды и, не мешкая, потянул за рукав Василия Михайловича – как раз в ту сторону, где слышались мне чьи-то шаги. Я сказал негромко об этом Васичкину. У того на лице что-то мелькнуло, вроде как вспомнилась недалеко припрятанная мысль:

– Что ж, гляну, кто там ходит.

Деловито распорядился возвращаться мне по просеке к машине, а они тут с Василием Михайловичем еще раз удачи поищут... И поправил на плече карабин.

Забегая вперед, скажу, что через тридцать шагов от того места, где мы разошлись, Александр Александрович обнаружил следы только что прошедшего здесь медведя. Не грех хотя бы запоздало испугаться, но меня прежде всего взволновало другое: за последний год-полтора я получил из разных мест северной лесной России несколько сообщений, что охотники всё чаще сталкиваются с медведями на глухариных токах. Что же там делают медведи? Егеря из Кировской области Леонид Бажин в своем письме вполне обоснованно предполагает, что охотятся на токующих на земле глухарей: не правда ли, медведь, этот умелый и осторожный хищник, мастерски маскируясь, значительно проще подберется к опьяненной страстью птице, чем тот же человек? Хотя самого момента поимки глухаря косолапым Бажину пока не довелось увидеть. Разумеется, я спросил у Васичкина его мнение на сей счет. Александр Александрович кивнул:

– Всё может быть. Медведь вышел из берлоги голодный, а в лесу жрать нечего, копытных браконьеры и волки подобрали, почему же ему не попробовать поймать того же глухаря? То, что на току медведей стало попадаться больше, это верно. Я вот и карабин теперь с собой беру. Мало ли что...

Вернулись к машине друзья мои заметно расстроенные – так и не поддалась госпожа удача... Всё-таки фотоохотнику в несколько раз сложнее добыть на глухарином току свой трофей, чем нам, грешным, которые с ружьями. Хотя и тут, конечно, случаются нечаянные подарки – мы уже ехали обратно, как за поворотом неожиданно увидели глухаря, токующего прямо на лесной дороге! Некоторое замешательство в машине, бегут неостановимо драгоценные секунды, но всё же признанный мастер успел сделать несколько кадров. Правда, как позже выразился, «не самого первого разбора».

Другое дело – на мосту через реку Унжу, куда мы заглянули при въезде в Кологрив. Дикие гуси позволяли себя снимать совсем близко. У перил моста, кроме нас, расположилась стайка ребятишек с учительницей – шел натуральный урок природоведения для 2-го «А» класса. Обратил на себя внимание мальчик в очках, с гусиным пером в руке. Еще прошлой весной, когда гуси улетели дальше, в тундру, он нашел его в пойме реки. По здешним поверьям, это добрая примета. «Я хочу стать путешественником, как и вы», – радостно признался нам. Мы от всей души пожелали, чтобы его мечта исполнилась.

А когда отъехали от моста, Василий Михайлович задумчиво сказал:

– Будут у этого милого очкарика путешествия или не будут, но детство, проведенное в Кологриве, в этих местах, у этих гусей у реки, он будет помнить всю жизнь.

В начале зимы, в декабре 2007 года, оказались мы с Василием Михайловичем в подмосковной деревне Дунино, в музее-усадьбе М.М. Пришвина.

Усадьба Пришвина

Радужная хозяйка, директор музея Лилия Александровна Рязанова, когда речь зашла и о журнале «Муравейник», неожиданно сказала:

– А ведь тут у нас когда-то был муравейник. У писателя в дневниках об этом есть интересные записи...

Присутствовавшая при разговоре научный сотрудник музея Яна Гришина тут же вызвалась сделать нам выписки из пришвинских дневников касательно муравейника. Поблагодарив, мы с Песковым заинтересовались: а когда же исчез муравейник?

– Да лет двадцать уже. Еловая аллея, где он жил, разрослась, стала очень тенистой, почти тёмной, вот муравьи и подались куда-то...

– Нет, это так оставлять нельзя! – воодушевленно воскликнул я. – Журнал «Муравейник» обязательно поможет.

«Чем же можно тут помочь?» – спросит кто-то из наших новых читателей. Но давние наши друзья-подписчики наверняка помнят, что лесные муравейники можно переселять – и они приживаются на новом месте, если всё сделать бережно и экологически грамотно.

Выяснив, что поблизости от Дунино находится Хлюпинское лесничество Звенигородского лесхоза, позвонил туда уже на следующий день. Лесничий Лариса Ивановна Ластовская, внимательно выслушав, согласилась помочь, обрадовав при этом, что у них как раз есть отличный специалист по муравьям, лесник Владимир Иванович Кабак. Ведь в Подмосковье то и дело надо спасать целые массивы леса от короедов и древоточцев – и тогда туда переселяют муравьёв, которые, как известно, являются лучшими лекарями леса, изводя беспощадно разного рода вредителей.

Лариса Ивановна отметила, что у их лесника большой практический опыт переселения муравьёв и что из двух основных видов переселения – ранневесеннего и переселения с куколками – в нашем случае лучше выбрать последний, как наиболее надёжный. С тем и расстались до лета.

А июнь 2008 года оказался на редкость дождли-

вым и прохладным. Переселять муравьёв в такую погоду было рискованно. И собрались мы в Дунино только 8 июля, в солнечный день. К тому же в возрождающийся нынче на Руси День Петра и Февроньи – праздник счастливой семейной жизни. Это мы тоже расценили, как добрый знак...

Владимир Иванович Кабак внимательно обследовал всю уютную пришвинскую усадьбу, определил «прописку» будущего муравейника в полусотне шагов от прежнего места, на светлом краю еловой аллеи. Сноровисто выкосил высокую траву, подрубил кустарничек, при этом обнаружив широкий, полустлевающий пенёк – это в самый раз для лучшего вживания сюда муравьиного дома!

А затем мы отправились на машине в ближайший хвойный лес, где обнаружили несколько муравейников. На наш взгляд, они все были хороши, но Владимира Ивановича что-то не устраивало... И вот, наконец, остановился у лесной просеки, показывая на двух красавцев, расположившихся всего метрах в пяти друг от друга.

– Они из одной семьи, не так давно разделились...

Обычно при переселении забирается только часть муравейника, а тут нам повезло.

– Можно взять целиком... – решает лесник. – Ведь на месте остаётся брат-близнец.

Владимир Иванович готовит два больших мешка и бережно (руками, а не лопатой!) начинает перегружать частями муравейник сначала в ведро, а потом в мешок. В один мешок (на нём приметная цветная завязка) укладывается верхняя часть муравейника, в другой – нижняя. А в Дунино содержимое мешков высыпается на подготовленное место в обратной последовательности – с ещё большей осторожностью и бережностью. В нос бьёт бодрящий запах муравьиной кислоты – «враз насморк прошёл!» – шутит лесник, а мы с большим волнением наблюдаем, как муравьи суматошно, но и деловито тут же наводят порядок на новом месте. Первыми упрятали в глубину гнезда муравьиные яйца, стали округлять купол, ровнять стенки...

Нескрываемая радость директора музея-усадьбы:
«Как славно, что у нас снова поселились муравьи!»

После хорошо выполненной работы мы сели попить чаю. Яна Гришина принесла обещанный листок с дневниковыми записями Михаила Михайловича Пришвина.

20 октября 1947. Как быстро мчится время. Давно ли я сделал эту калитку в заборе, и вот уже паук связал верхние концы решётки паутиной во много рядов, и мороз паутинное сито переделал в белое кружево. Везде в лесу эта новость: каждая сетка паутины стала кружевной. Муравьи уснули, муравейник обмёрз, и его засыпало жёлтыми листьями.

3 ноября 1950. Громадный муравейник пристроился когда-то к громадному пню, и через много лет закрыл его, и совершенно поглотил. И ещё через много лет муравьиное государство умерло и стало снизу покрываться травой, и грибами, и мохом. Теперь пришло время, и частые ёлочки покрыли весь муравейник сверху и донизу.

1950 (без даты). Мы можем войти так в природу, что возле муравейника скажем имя знакомого муравья, и тот муравей отложит на минуточку дела и выбежит поздороваться.

Через час после чаепития мы решили сходить к муравейнику. «Не сходить, а совершить паломничество», – поправил нас Василий Михайлович Песков. Все присутствующие охотно согласились с таким уточнением. А мне-то, основателю и главному редактору любимого многими журнала «Муравейник», и вовсе показалось, что навстречу – совсем по Пришвину! – выбежал ко мне поздороваться знакомый муравей. Тот самый, которого я не стяхнул с рукава рубашки по дороге из леса...

А в августе Василий Михайлович предложил съездить денька на три в Кимры – тверской городок на Волге:

– Это с Савёловского вокзала. Очень удобно на электричке. Посоветовали без машины обойтись, чтоб не стоять в пробках. А там нас встретят.

Оказывается, ему пришло письмо от председателя Кимрского районного общества охотников и рыболовов Валентина Николаевича Шуваева – постоянного читателя рубрики «Окно в природу». Приглашает посмотреть их красивые места, а заодно можно и поохотиться.

– Ну, охотиться будешь ты, а я снимаю. И вспоминаю, как сам подростком таскался с ружьём...

Да, было у него такое время, и об этом хорошо написал сам Песков:

«Вернувшегося с войны отца я одолел просьбами купить ружьё. Отец, зная мою страсть ловить рыбу и стрелять воробьёв из рогатки, уступил просьбам и за семнадцать рублей купил одноствольную «тулку». Порох в моих патронах был самодельным, но уток и горлинок я добывал.

Мои успехи заинтересовали приезжавшего охотника из Воронежа. Однажды мы встретились в укрытии от дождя. Он потряс в руке моё гремевшее ружьё, и я поведал ему, каким порохом заряжаю патроны. «Всё понятно...» – загадочно сказал мой новый знакомый и вдруг кинул «тулку» в колдобину возле речки. Я остолбенел – что скажу дома? Но охотник, угадав мои мысли, сказал, что с отцом поговорит он сам, а мне стал внушать: ружьё могло бы меня покалечить, и нельзя стрелять чибисов, да и горлинок тоже не дичь. «Я вижу, ты любишь природу, но ведёшь себя как дикарь. Из Германии я привёз три ружья. Одно лёгкое, как раз для тебя, – приезжай и бери, когда хочешь, вместе с патронами».

На охоте в Кимрах

Степан Спиридонович (стыдно признаться, забыл фамилию) показал мне ружьё, снаряженье к нему, кое-что рассказал в назидание об охоте и потом достал из шкафа несколько книг. Среди них были три тома Брема. «Полистай. А это – подарок». Две другие книжки имели названия: «Животные-герои» и «Записки» о ружейной охоте и рыбной ловле. Авторами были Сетон-Томпсон и Аксаков. О них было рассказано кое-что, и на прощание получил я наказ: «Прочсть их надо тебе обязательно».

Сейчас, оглядываясь назад, я вижу: эти вовремя прочитанные книги, возможно, определили мою судьбу. Я понял: оказывается, можно удивительно интересно написать о том, что лет с шести я видел в наших лугах, на речке, на болотах и в поле. Обо всём написано было просто, понятно и интересно».

Ещё в юности, оставив в сторону ружьё, заменив его на фотоаппарат, Василий Песков никогда не чурался правильных, настоящих охотников, понимая, что они-то как раз – истинные знатоки природы.

Приехали, разместились на охотбазе, потом, когда ослабла полдневная жара, отправились в угодыя. Валентин Николаевич обещал нам сегодня выставить со своей «ирландкой» Феей пару тетеревиных выводков, а завтра – пойдём по дупелям! У меня от таких перспектив всё внутри затрепетало, задрожало страстно... Смотрю, Василий Михайлович заволновался:

– Ох, снять бы выводок на подъёме... Вот кадр бы получился!

Я негромко сказал на это, что не стану сразу палить, пусть он «щёлкает», отпущу тетеревов на предельный выстрел. Мы шли по высокой траве, по заросшему частыми кустами лугу, старательная Фея усердно нарезала круги, но...

Наш хозяин предложил свернуть вбок и дойти до овсяного поля, куда, возможно, сместились тетерева.

– Это далеко? – тяжело дыша, спросил Песков.

– Километра полтора будет...

– Тогда я останусь тут. Вот под этой берёзкой...

На обратной дороге меня заберёте.

Василию Михайловичу уже, как-никак, исполнилось семьдесят восемь лет, ходок он теперь слабый... Да и Шуваеву семьдесят один, повёл он меня неспешно. Поле оказалось на вид весьма «аппетитным»: должна быть около него дичь! И Валентин Николаевич подал ободряющую справку:

– Тут и куропатки посещают...

Подвижная Фея прошуровала и поле, и ближние окрестности, но пусто, совсем пусто! Шуваев выглядел смущённо, даже озадаченно. Делать нечего, надо возвращаться, уже солнце село.

Конечно же, Василий Михайлович не выдержал одиночества, сместился от приметной берёзы, как он потом выразился, «вам навстречу», а на самом деле совершенно в другую сторону. Над лугом поднялся вечерний туман, и мы долго его аукали в этом плотном, белёсом тумане.

Уже в темноте вышли на просторное скошенное поле, тут туман пропал, над головой одна за другой потихоньку зажигались звёздочки. И вдруг слышим слева от нас метрах в трёхстах какую-то глухую трескотню – что-то медленно движется, причём с включёнными фарами. Потом ахнули два ружейных дуплета, за ними – какие-то возгласы, крики. Из-под фар браконьерничают! И снова движется параллельно нам какая-то неведомая, низкая, шумная таратайка-молотилка. Шуваев громко кричит, потом поднимает под сорок пять градусов ружьё, стреляет – с таким расчётом, чтобы таратайку осыпало сверху дробью. Но там из-за шума мотора ничего не слышат. Я уже понимаю, что это самодеятельно сконструированный лёгкий мотоблок с непомерно надутыми, выглядящими прямо-таки карикатурно, как в цирке, объёмными колёсами.

Сделав полукруг, браконьерская таратайка медленно приближается к нам. Тут председатель районного общества охотников берётся за мобильник, вызывает подмогу с ближнего егерского участка. Слышатся снова выстрелы, теперь уже два дуплета. Этак они в темноте могут и нас задеть. Тут как раз таратайка застревает среди кустов в небольшой низинке, и Валентин Николаевич включает фонарик, говорит нам:

– Оставайтесь на месте, а я подойду к ним.

– Почему же это нам оставаться? – тут же возражает Василий Михайлович. – Мы с вами!

И наш фонарик, и нас самих из низинки замечают. Двое с ружьями, один за рулём, косясь, газуют.

2019

*Фото Валерия Новикова, Василия Пескова
и из архива автора*

Ирина ПУРЛО, заслуженный работник культуры РФ.

ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Очерк о художнике Владимире Ульянове

Счастливым быть – это наука. Постигать ее приходится постоянно. Пока в людях бьется творческая жилка и есть стремление что-то привнести в огромный мир, человек будет мостить свой уникальный, единственный и неповторимый путь.

14 января 2020 года исполнилось бы 70 лет Владимиру Николаевичу Ульянову, который не дождался до этого юбилея всего год и два месяца. Но как художник, влюбленный в свою Родину, свой родной край, Владимир подарил людям свое ощущение счастья, своё отношение к родной земле, заключенное в его картинах. Андрей Тарковский писал: «Каждый художник во время своего пребывания на земле находит и оставляет после себя какую-то частичку правды о цивилизации, о человечестве...».

Есть люди, скромные труженики, таящие в душе огромное богатство, которое они очень щедро, правдиво и ненавязчиво, но с большой любовью передают людям.

Правда о красоте окружающего мира в живописных работах Владимира Ульянова действительно есть, особенно для тех близких ему людей, которые были с ним знакомы, понимали его душевную организацию и творческие стремления.

Только человек, истинно влюбленный в природу, способен впитать в себя её красоту, понять её состояние и, возможно, передать своё ощущение другим. Для творческого человека возможность передачи своего душевного состояния часто открывается во время прогулок и, навеянное состоянием природы, передается с помощью слов, или звуков, или красок.

Владимир часто говорил о том, что всю жизнь общение с природой было для него всегда праздником! «Я вспоминал с тихой радостью, как бродил с этюдником по Сengiлеевским горам и лесам. Время для меня тогда не существовало. Я любил встречать рассветы, наблюдать закаты, восхищаться вселенской красотой наших равнинных речушек, скалистых и быстрых уральских рек с их богатейшей растительностью, живописностью волжских заливов».

Владимир Ульянов подарил большое количество своих картин родным и друзьям. Эти картины завораживают, передают положительную энергетику и просто радуют глаз.

В мельканье дней проходят годы.

И каждый день – событий черед...

Художник Владимир Ульянов:

«Я не могу назвать занятие живописью своим хобби, это для меня гораздо серьезнее. Оно помогает справляться с жизненными невзгодами, вносит в мою жизнь спокойствие, уравновешенность и ощущение счастья. Да, я часто бываю счастлив, когда занимаюсь любимым делом».

Из высказываний художника Владимира Ульянова:

«В жизни человека ничего не происходит случайно. Во всех событиях присутствует закономерность.

Я не получил специального художественного образования, но огромное желание работать с красками и возможность самостоятельно изучать учебно-методическую литературу позволили воплотить мечту стать художником. Я не могу назвать занятие живописью своим хобби, это для меня гораздо серьезнее. Оно помогает справляться с жизненными невзгодами, вносит в мою жизнь спокойствие, уравновешенность и ощущение счастья. Да, я часто бываю счастлив, когда занимаюсь любимым делом».

Красота окружающего мира, любовь и забота родных людей, которых даровал нам Господь, общение с друзьями – вот тот животворящий источник, вот те точки опоры, без которой человеческая жизнь не могла бы состояться.

В одной из бесед Владимир Ульянов рассказывает о себе:

«Человек я увлекающийся. С юных лет занимался спортом, вокальной музыкой, а позднее – живописью.

Родители мои трудились «на земле» в народном хозяйстве, да и я поработал в строительстве по специальности «гидротехника», но это были не самые счастливые моменты в моей жизни. Художественное творчество – вот моя величайшая радость. С каждой новой работой приходят и смелость, и уверенность, и огромное желание самосовершенствования. Хочется работать и работать и радоваться, если что-то получается.

Моим настроениям очень близки высказывания Э. Мане: «Развивайте свою память. Ибо природа никогда нам не дает ничего, кроме справки. Она словно преграда, препятствующая впасть в

пустоту банальности. Нужно оставаться господином и делать то, что нравится. Не надо заданных уроков, нет, не надо уроков! Цвет – это дело вкуса и чувствительности, но нужно уметь это сказать. А не то – до свиданья! Не станешь живописцем, если не любишь живописи превыше всего. Вот они учителя великие!».

На всех живописных полотнах Владимира запечатлены не просто удивительно прекрасные уголки нашего родного края, они все пройдены художником. Каждая работа имеет свою историю для автора, а нам, зрителям, подарена возможность если не побывать там, то ощутить всю прелесть этой красоты и «вдохнуть аромат» любимой Земли.

Вспоминаются строки **Расула Гамзатова:**

*«Мир кажется мне книгой бесконечной,
В которой посетители его
Обязаны,
Оставив след сердечный,
Расписывать все до одного».*

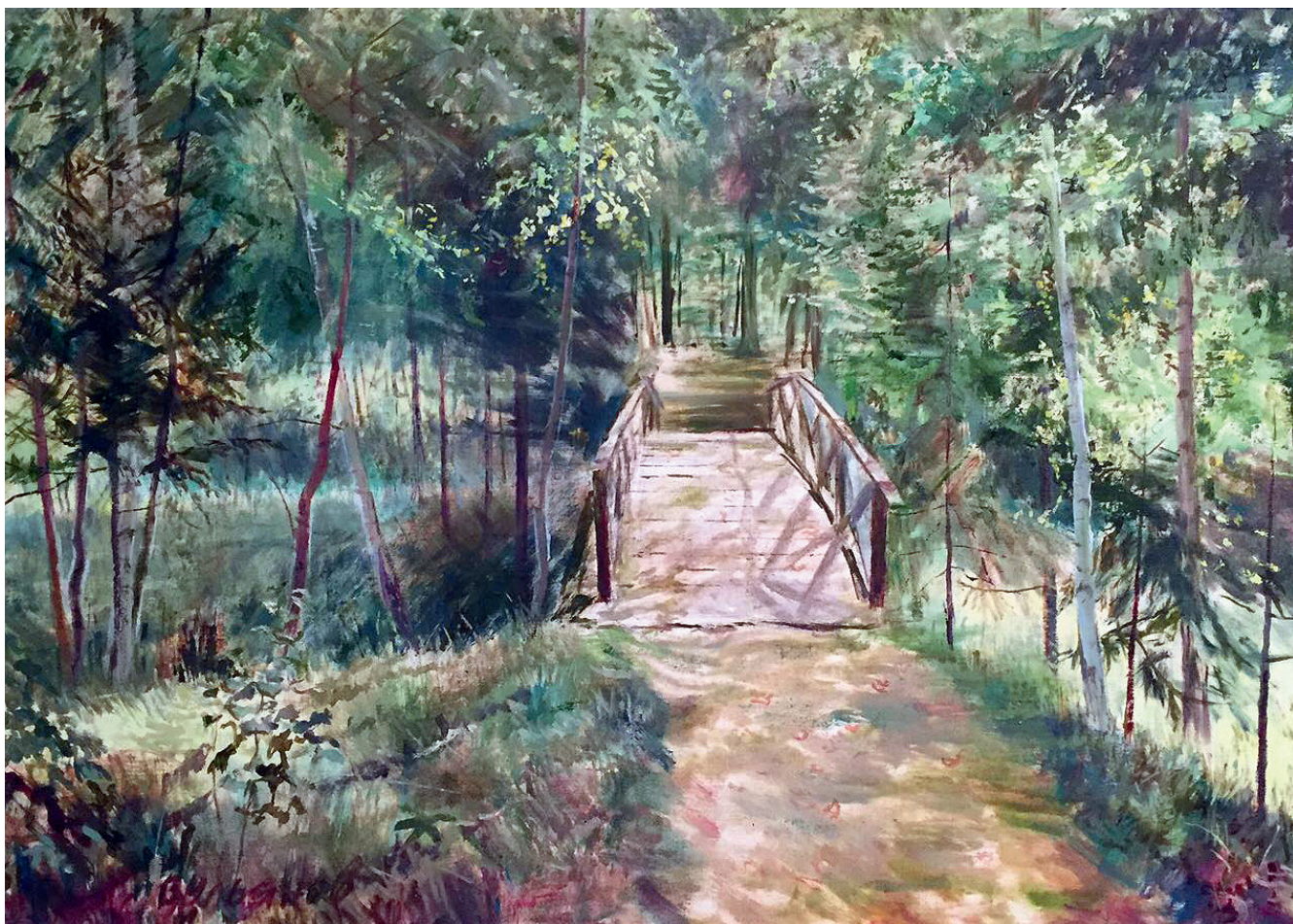
Художник Владимир Ульянов «расписался» в этом мире своим творчеством.

Художник Владимир Ульянов

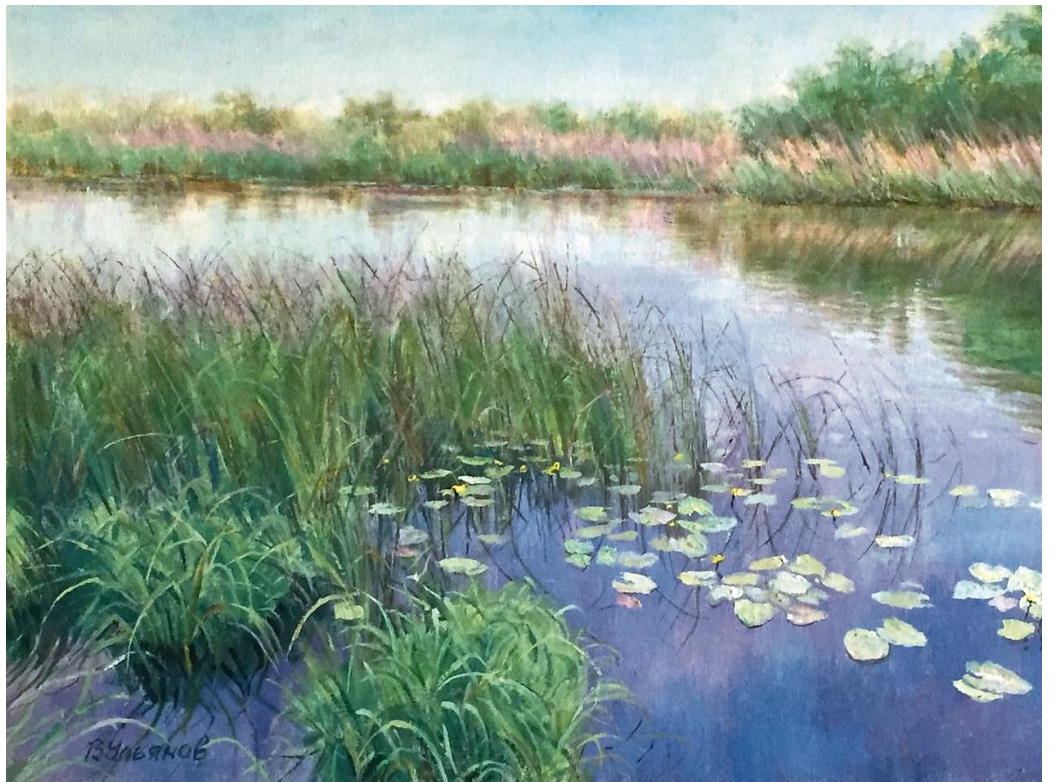
Владимир Ульянов. Ветреный день. Березовский залив

Владимир Ульянов. Мостик в парке

Владимир Ульянов. Река Свяга

Владимир Ульянов. Кувшинки на реке Свяге

Владимир Ульянов. Полевые цветы

Владимир Ульянов. Букет полевых цветов

Владимир Ульянов. Истоки реки Свяги

Ольга ДАРАНОВА

* * *

Молюсь на тебя, природа!
Как ярко твоё цветенье...
Май – вовсе не время года,
А время души смятенья!

Нежней абрикоса ветки
Ну, разве что яблонь дымка,
Как балерины в балетках,
Деревья в мгновенье снимка.

Рукой твоё тело, древо,
Потрогаю в изумленьи
И как в материнском чреве,
Услышу толчок рожденья.

Ликуй же, природа-мати!
И черному дню – не верю я.
Нет более благодати –
Смотреть, как цветут деревья.

Ольга ДАРАНОВА

* * *

Снега сошли. Земля вздохнула,
Ты говоришь себе: «Дыши!»
О, как черемухой пахнуло!
И как тюльпаны хороши!

Весна в трепещущей природе,
Восторги милого лица...
И вздох замешан на свободе,
И радость, радость без конца!..

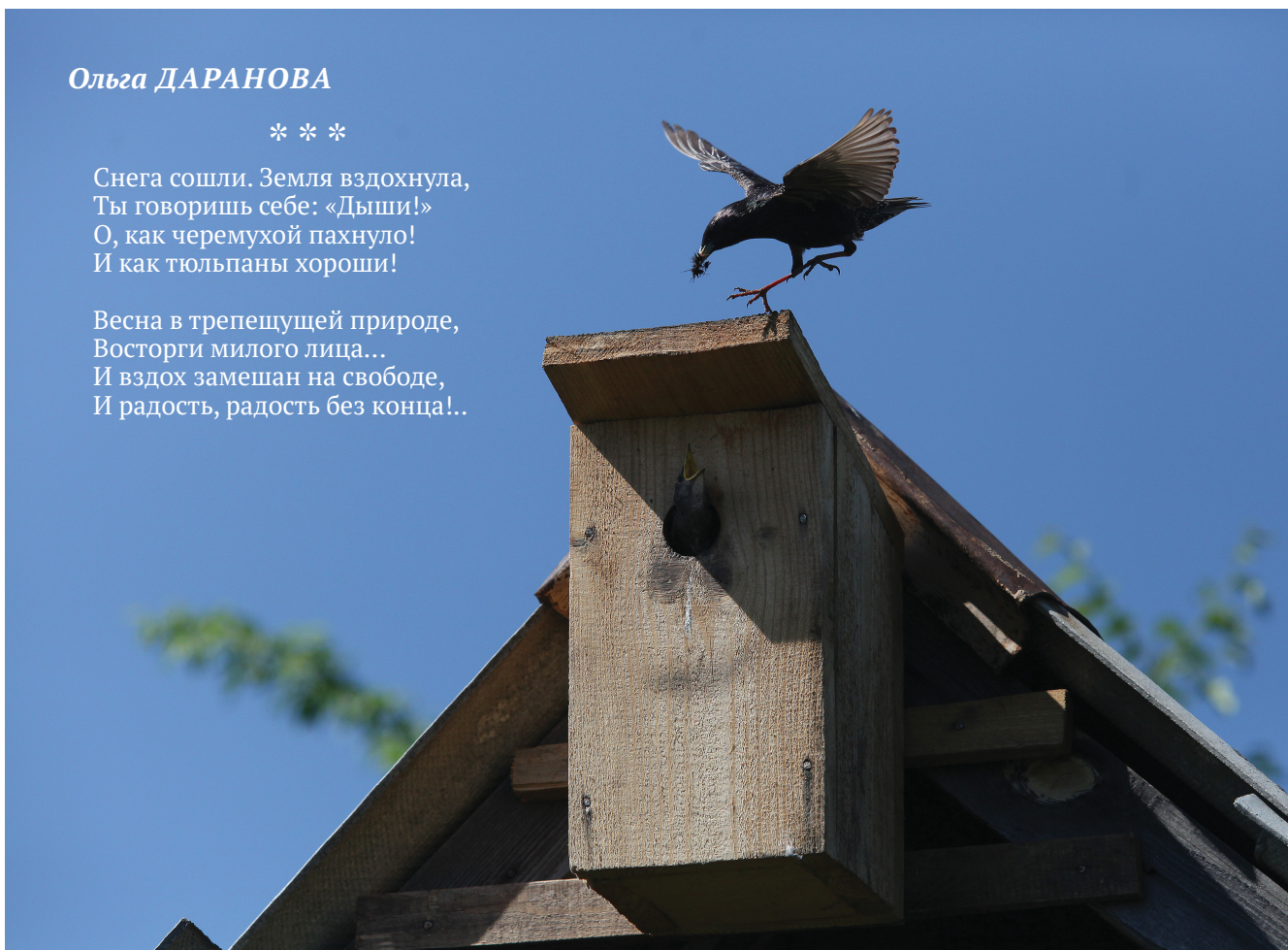
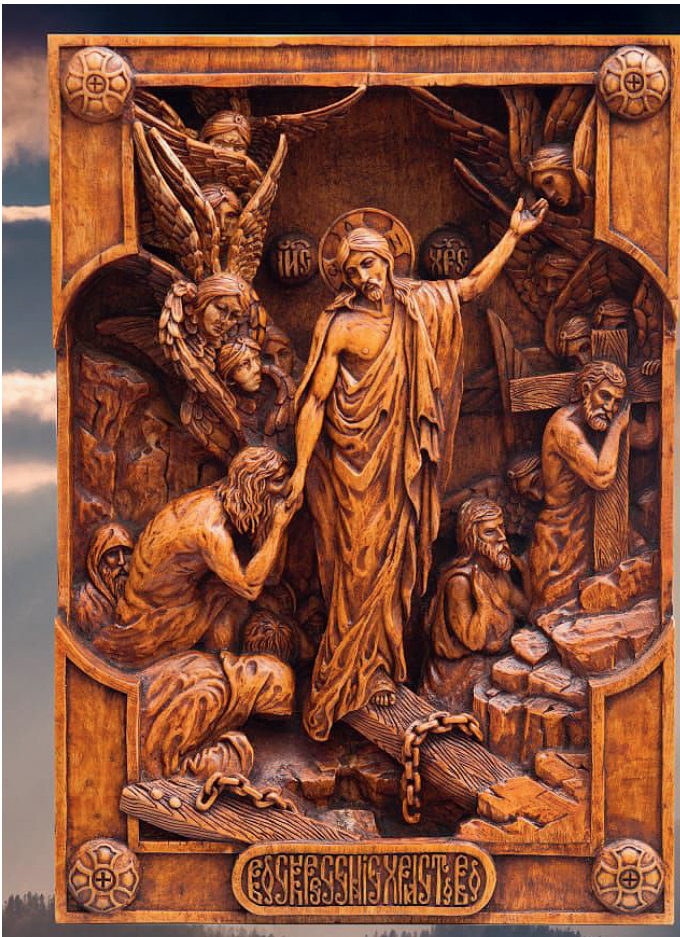
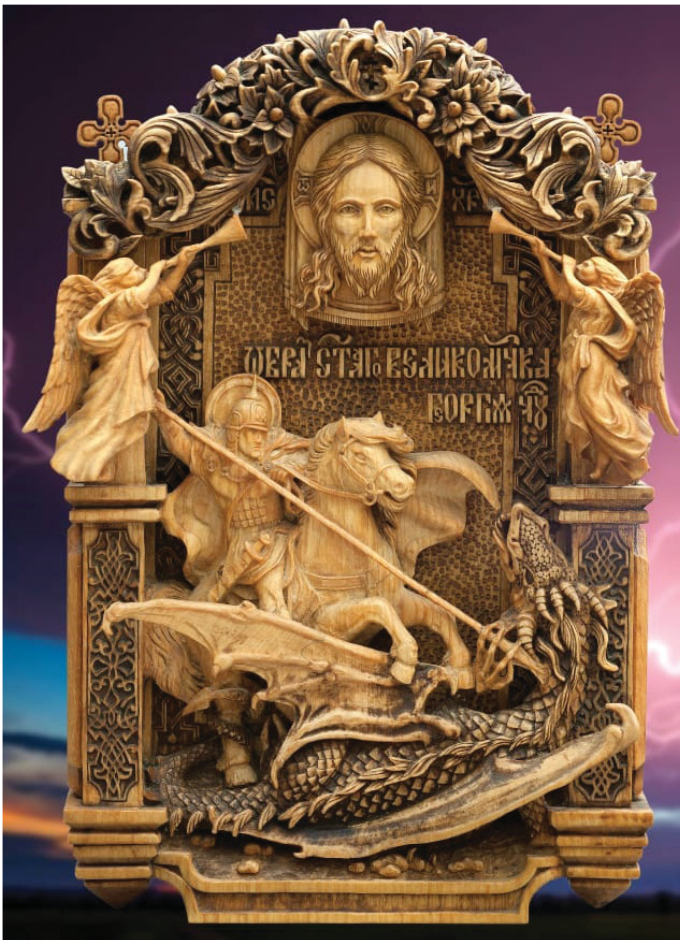

Фото Владимира Ламзина

РЕЗНОЙ ИКОНОСТАС ВИКТОРА ОШЛАКА

НАРОДНОЕ
ТВОРЧЕСТВО

*Маргарита СМИРНОВА, заведующая Музеем народного творчества
ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области».*

САМОРОДОК И САМОУЧКА

Виктор Ошлак за работой

Виктор ОШЛАК родился 10 февраля 1970 года в городе Ульяновске.

В 1985 году окончил школу №41 г. Ульяновска, затем – СПТУ №13. Резьбой по дереву начал заниматься около 20 лет назад. В последние годы плодотворно занимается резьбой икон.

Лет десять назад в традиционной пасхальной выставке в ульяновском Музее народного творчества принял участие начинающий тогда мастер по деревообработке Виктор Ошлак. Он представил необычные иконы. Для нас икона – это писанный на доске образ. Резанные же из дерева иконы встречаются не так часто даже в храмах, тем более редко встретишь объемную деревянную икону с реалистичными лицами, фигурами, складками одежды и множеством деталей, да таких мелких, как у ювелиров.

Первая икона

Известно, что христианская вера принесена на Русь из Византии. А тут наоборот, свою первую икону «Господь Вседержитель» Виктор вырезал греку, который и увез ее из России к себе на родину. Виктор изготовил ее в знак благодарности за переданные для тяжело больной мамы лекарства.

С этого времени Виктор Владимирович стал резать образы из дерева. Первому внуку Ярославу вырезал образ святого покровителя Ярослава Мудрого, чтобы оберегал мальчика от бед и несчастий и давал мудрость в разрешении трудных вопросов.

Резной иконостас

Сам Виктор – натура ищущая, любознательная. Одно время он учился в Международном славянском институте. Однако практическая работа – резьба – занимала все время, стала главным делом жизни.

За 15 лет мастер вырезал более 80 икон в молитвенную помощь христианам. Это образы Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и различных святых. Больше всего было создано икон с образом преподобного Серафима Саровского, который пользуется особым почитанием у верующих. Сам же Виктор любит предводителя войска небесного – Архангела Михаила – и уважает его за мужественность и стойкость. Полюбился ему также образ святого пророка Иоанна Предтечи. «Ангела пустыни» мастер изобразил с Агнцем в корзине.

В творческих планах Виктора создание икон: «Похвалы Пресвятой Богородицы», «Архангела Михаила» и «Троицы».

Учиться у великих мастеров

Своими учителями мастер считает итальянских, немецких, голландских мастеров. Рассматривая работы художников эпохи Возрождения, произведения авторов венецианской школы, иллюстрации картин представителей Золотого века голландской живописи и других, он черпает у них знания и вдохновение. Под их влиянием формируется стиль

Почему же резьба по дереву стала любимым занятием?

Однажды у будущего мастера произошел спор с тестем, определивший для Виктора дальнейший род его деятельности. Спор был о том, что он, Виктор, не сможет изготовить шкатулку, декорированную геометрической резьбой, как делает это тесть. Виктор тут же начал резать, работа пошла легко, и вот получилась шкатулка с «геометрией». То есть в споре он победил. Начинающий резчик быстро освоил ремесло, и ему захотелось идти дальше – резать объемные изделия. Виктор начал экспериментировать: из-под рук мастера первыми вышли удивительные слоны, один из которых был представлен на выставке «Вторая жизнь дерева» в Музее народного творчества. Слон привлекал внимание и вызывал восхищение у посетителей.

В своей жизни Виктор занимался и резьбой по кости, и литьем, и ювелирным искусством, реставрировал иконы и изделия из слоновой кости.

ульяновского резчика Виктора Ошлака. Мастер говорит, что стремится к реалистической манере, например, как Микеланджело. Просматривая художественные альбомы, картины знаменитых музейных коллекций в интернете, Виктор вдохновляется сюжетом, манерой исполнения, деталями, которые задевают за живое. На обдумывание сюжета уходит день или годы, а уж затем, когда чувствует, что готов, приступает к работе. Делает эскиз на бумаге, затем переводит его на дерево и режет. Режет, так, как идет. Резьба у мастера рельефная, потому более реалистичными получаются образы. У Виктора свой интуитивный подход и своя манера исполнения и моторика.

Коллеги-резчики говорят о работах мастера с удивлением: «Мы такого никогда не видели».

Выставки, конкурсы и фестивали

Виктор – участник многих выставок-ярмарок. Его работы неоднократно были представлены в ульяновском Музее народного творчества. Он был участником нескольких международных выставок-ярмарок народных промыслов и ремесел «На семи ветрах» в Ульяновске. С искусством резьбы по дереву ульяновского мастера в 2019 году познакомились гости и жители Самары, Москвы, Пензы, Казани и Уфы.

Виктор – обладатель Гран-при Всероссийского фестиваля-конкурса резчиков по дереву «Наследники Сорокина – 2017» (р.п. Кузоватово, Ульяновская область).

К 50-летию юбилею мастера была открыта персональная выставка резных работ в Музее народного творчества. Ульяновцы смогли познакомиться с новыми произведениями уникального резчика, самородка и самоучки Виктора Ошлака. Хотелось бы, чтобы и читатели журнала «Симбирск» узнали о талантливом земляке.

В юбилейный год хочется пожелать мастеру творческого вдохновения, исполнения задуманного, а большой семье Виктора Владимировича – добра, мира и лада.

Поздравляем

Маргариту Константиновну Смирнову,
заведующую Музеем народного творчества с юбилеем!
Добра, света и радости! Благодарим за сотрудничество!

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Ольга ДАРАНОВА, член Союза писателей России, ученый секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина.

ВРЕМЯ ДУШИ СМЯТЕНЬЯ

За всю Вселенную я, право, не скажу.
Зачем греметь небесною музыкой?
Я слову не фанфарами служу,
А искрой тайной, трепетной и зыбкой.

Вселенная моя – после дождя земля,
Цветенье яблонь и тропинка в роще.
Пусть здесь не виден звёздный блеск Кремля,
Здесь светит то, что искренней и проще.

Вселенная моя – легко-легко дышать!
Знать, что здоровы мама, дочь и внучка.
А будет это – что ещё желать?
Мне, в этой жизни скромной самоучке?

В награду мне ещё – напутствия того,
Кто словом и поступком не изменит,
Кто рядом будет – только и всего,
А сколько будет – то покажет время.

Вселенная моя – любимый с детства дом,
Работа, город не Москвы размаха,
Всё, что вовек завязано узлом,
В чем соль земли, и пиршество, и плаха.

И может быть, смертельною бедой
Повенчаны мы будем в этом веке,
Я утешаюсь мыслью одной –
Идёт весна. Весна ведь, человеки!

ОБЕЛИСКИ

Капли крови в гвоздиках скрыты,
Белый мрамор под ними тих.
Здесь солдаты войны зарыты.
Обелиски венчают их.

Обелиски... Слеза и рана
В белоснежной вашей душе.
Гладит звезды рука ветерана,
Звезды тех, кого нет уже.

Фронтовые сто грамм нальет он,
Да горбушку – вкуснее нет!
И за тех, кто не выпил, – пьёт он,
За их гордые двадцать лет!

И стоит он – один на свете!
Боль и совесть большой страны...
Скоро ляжет под мрамором этим
Он, последний солдат войны.

Обелиски... Пронзая небо,
Белой птицей летели ввысь!
И за ними с улыбкой Феба
Молодые бойцы поднялись.

Будет вечно огня горенье,
Будет вечно чеканить шаг,
Маршируя под сердца биенье,
Ваш ровесник, не зная атак.

* * *

Я вошла в этот мир без оглядки,
(А есть те, кто с оглядкой вошёл?)
Если б кто мне до детской кровати
Нашептал, что мир страшен и зол,

И тогда б я неистовым стеблем,
Пробивая асфальта броню,
Народилась, пророкам не внемля,
В этот мир, где живу и цену

Мне дозволенность – небо увидеть,
Мне подарок – почувствовать мать,
Мастерство – невзначай не обидеть
И искусство – любить и страдать.

Я вошла в этот мир, где так краток
Срок цветенья земного пути.
От того и живу без оглядок,
Что придётся когда-то уйти.

* * *

Я не хочу разгадывать, что свыше
Бывает предназначено двоим.
Не знаю что – но этим просто дышишь,
Заботой ли, любовью ли храним?

Мне не понять донныне тайной силы
Великой прозы будней на двоих.
...Я вслух о том ему не говорила,
И он не раскрывал надежд своих.

Повенчаны простуженным ненастьем,
Забытою скамейкой во дворе
И поцелуем схимника – в запястье,
Зарубкой на берёзовой коре,

Они благодарили, что случился
И этот день, и этот час для них.
И каждый молча небу поклонился,
И возглас радости в душе затих...

Мы все хотим буквального решения:
«вот – чёрное, вот – белое», но в них
Есть тайна неподвластного горенья
И сила притяжения двоих.

БРАТУ

Прости мне это умиление
Забывтым, прошлым, дорогим,
Чья кротость, сирость и смиренность
Мне бастионом, я за ним

Люблю и верю в силу рода,
В прабабушкин сметливый ум,
Люблю в дождливую погоду
Несуетность вечерних дум.

Я кровью чувствую свиданье.
Они стоят на берегу...
Их лица светлы. Расстоянье –
Рукой подать! Я добегу!

Я помню, как мы все любили
На лодке плыть в цветущий сад,
Пекли картошку, лунки рыли,
И каждый был по-детски рад

Благому дню, земле родящей,
Родне, здоровому труду
И майской зелени пьянящей,
Ронявшей цвет на борозду.

И сладостны те были встречи!
Их свет в душе неугасим!
И словно жар остывшей печи,
Он греет нас, живём мы с ним.

Светлана КЕКОВА – поэт, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова.

Руслан ИЗМАЙЛОВ – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА В СВЯЩЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ МИРОВ Арсения Тарковского и Семёна Липкина

Арсений Тарковский и Семён Липкин были хорошо знакомы, дружили, более того, входили в поэтическое содружество «Квадрига» – кроме них, членами группы были поэт и художник Аркадий Штейнберг и поэт Мария Петровых. И Липкин, и Тарковский – поэты-фронтовики, и тема войны широко представлена в их творчестве. Особенность их творческого метода состоит в том, что исторические события воспринимаются поэтами в контексте Священной истории – Священного Писания и Священного Предания.

Одно из первых военных стихотворений Арсения Тарковского, написанное в 1941 году, по первой строчке называется «Русь моя, Россия, дом, земля и мать!». Приведём это стихотворение полностью.

*Кони ржут за Сулою...
«Слово о полку Игореве»*

*Русь моя, Россия, дом, земля и мать!
Ты для новобрачного – свадебная скатерть,*

*Для младенца – колыбель, для юного – хмель,
Для скитальца – посох, пристань и постель,*

*Для пахаря – поле, для рыбака – море,
Для друга – надежда, для недруга – горе,*

*Для кормщика – парус, для воина – меч,
Для книжника – книга, для пророка – речь,*

*Для молотобойца – молот и сила,
Для живых – отцовский кров,
для мертвых – могила.*

*Для сердца сыновьего – негасимый свет.
Нет тебя прекрасней и желанней нет.*

*Разве даром уголь твоего глагола
Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?*

*Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
Твой не красил кровью бебряный рукав?*

*Разве киноарный плащ с плеча Рублева
На ветру широком не полощет снова?*

*Как – душе дыханье, руке – рукоять.
Хоть бы в пропасть кинуться – тебя отстоять.
[6, Т 1, 114]*

Арсений Тарковский

Семён Липкин

Эпиграф этого стихотворения взят из «Слова о полку Игореве». Этот памятник древнерусской словесности имел особое значение для Тарковского: в стихотворениях разных лет мы встречаемся с образами, почерпнутыми из «Слова», и это не случайно. Для поэта «Слово» было своего рода Священным Преданием не только

нашей литературы, но и нашей истории, а также неким мерилом последующих трагических событий – а их выпало на долю Руси-России немало. И Великая Отечественная война в поэзии Тарковского есть некое продолжение событий и «Слова о полку Игореве», и страшного татаро-монгольского нашествия, и Куликовской битвы. И в других стихотворениях Тарковского, напрямую связанных с военной темой, мы сталкиваемся с феноменом воплощения большого исторического времени. Так, в стихотворении «Проводы» мы читаем:

*Вытрет губы, наденет шинель
И, не глядя, жену поцелует.
А на улице ветер лютует,
Он из сердца повыдует хмель.*

*А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно чёрные кони Мамаю
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьёт, и звенят стремена. [6, Т 1, 118]*

Возвращаясь к стихотворению «Русь моя, Россия, дом, земля и мать!», следует отметить, что многие его образы нуждаются в детальном рассмотрении и расшифровке. Остановимся на первой строке стихотворения, которая и дала ему название. Два имени – Русь и Россия – охватывают весь исторический период существования нашей страны. Слова «дом», «земля», «мать» не просто определения, это духовно-нравственные категории и понятия, глубоко укоренённые как в мирозерцании самого Тарковского, так и в мироощущении и мировоззрении всего русского народа. Дом, земля, мать – это святые для каждого человека понятия, это словесно воплощённый образ Родины, которую нужно защищать до последней капли крови. Но эти понятия неразрывно связаны и с религиозными

христианскими категориями. Не случайно у Достоевского в романе «Бесы» мы встречаем следующее народное верование: «„Богородица что есть, как мнишь?“ – „Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого“. – „Так, говорит, Богородица – великая мать сыра земля есть и великая в том для человека заключается радость» [4, 73]. Поставленные в стихотворении рядом слова «земля» и «мать» как раз и отсылают к такому пониманию значения слова «земля», поскольку форма слова «мать» употребляется в русском языке только в словосочетании «Божия Матерь». А Русь, Россия в народном представлении – это дом Пресвятой Богородицы. Поэтому понятия «дом», «земля», «мать» у Тарковского образуют триединство, являющее нам образ Пресвятой Богородицы. Этот образ скрыт, он находится в глубине текста, но именно он определяет смысловые координаты, в которых происходит развёртывание метафизического сюжета стихотворения. Обратим внимание на двустихие «Разве горький Игорь, смертью смерть поправ, / Твой не красил кровью бегряный рукав?» Образ Руси-России здесь сливается с образом Ярославны, которая своим белым шелковым рукавом стирает кровавые раны Игоря – так Родина-мать склоняется над своими ранеными и погибшими сыновьями. Но сквозь этот поэтический символ просвечивает евангельская реальность Страстей Христовых и страданий Богородицы, стоящей у Креста своего Сына. Не случайно появляется в стихотворении строчка «Разве горький Игорь, смертью смерть поправ» (курсив наш – Р.И., С.К.), где формула «смертью смерть поправ» не только очень точно отражает жертвенный подвиг народа, но и напрямую вводит нас в священную реальность Страстной седмицы и Пасхи.

Интересно, что в первом опубликованном в 1963 году варианте вышеприведённой строки звучала так (здесь сноски на сборник «Перед снегом»): «Разве горький Игорь, пленом смерть поправ» (курсив наш – Р.И., С.К.). Но Арсений Тарковский очень хорошо понимал, что Священное Предание священно потому, что оно включает в себя и Священное Писание. Поэтому поэт отходит от исторических реалий и вводит контекст Евангельского благовестия. От этого образ, явленный в стихотворении, обретает грандиозный, вселенский по своей значимости масштаб. А в стихотворении присутствуют и преп. Андрей Рублёв, а через него – и преп. Сергей Радонежский, а значит, и Пресвятая Троица. Действительно, началась Священная война, все силы небесные участвуют в ней. Недаром воскресенье 22 июня 1941 года было Днём всех святых, в Земле Российской просиявших (празднование переходящее, зависит от дня Пасхи Христовой).

Не случайно в других стихотворениях о войне А. Тарковский раскрывает состояние человека на войне как «крестную муку». И это, безусловно, не просто метафорическое употребление вошедшего в язык евангельского выражения, а оживление его изначального смысла. В стихотворении «Земля» А. Тарковский пишет: «К тебе, истомившись, потянутся руки / С такой наболевшей любовью обнять, / Я снова пойду за Великие Луки, / Чтоб снова мне крестные муки принять» [6, Т1, 134] (курсив наш – Р.И., С.К.).

Экзистенциальный опыт Тарковского – переживание собственной судьбы, судьбы своего народа и человечества в целом – тесно связан с христианскими представлениями о конечных судьбах мира. Такой творческий метод, органически вырастающий из мироощущения поэта, можно назвать вслед за С. Аверинцевым «пророческой поэтикой» [1], главная особенность которой в соотношении событий и явлений современности со Священным Писанием, с библейской историей.

Чувство эсхатологизма в высшей степени присуще мироощущению и поэтическому языку А. Тарковского. Эсхатологические мотивы в том или ином виде присутствуют в разных стихах А. Тарковского. Прежде всего это относится к циклу «Чистопольская тетрадь», в котором передана атмосфера начала великой войны. В седьмом стихотворении цикла перед нами – образы Страшного суда:

*Нестерпимо во гневе караешь, Господь,
Стыну я под дыханьем Твоим,
Ты людскую мою беззащитную плоть
Рассекаешь мечом ледяным.*

*Вьюжный ангел мне молотом пальцы дробит
На закате Судного дня
И целует в глаза, и в уши трубит,
И снегами заносит меня. [6, Т 1, 108]*

Традиционно кончина мира предстаёт в стихии огня, у А. Тарковского же – образы «ледяной муки» («лёд на реке» в стихотворении «Вложи мне в руку Николин образок...» [6, Т 1, 104], «кованное стужей серебро» в «Беженце» [6, Т 1, 105], «ледяная парча» в стихотворении «Дровяные, погонные возжогу алтари...» [6, Т 1, 106], «дикий снег» в стихотворении «Смерть на всё накладывает руку...» [6, Т 1, 107]. Это связано и с биографическими моментами (в октябре – декабре 1941 года А. Тарковский находился в эвакуации в Чистополе), и со ставшим уже традиционным для русской поэзии соположением образов снега, метели, вьюги, мороза и апокалиптических событий (см., например, поэму «Двенадцать» А. Блока).

Стихия снега приравнивается к стихии огня в стихотворении «Портной из Львова, перелицовка и починка». В этом стихотворении присутствует евангельский образ жатвы, который знаменует собой конец времён и Страшный Суд: «Колос недожатой нивы / Под сверкающим серпом» [6, Т 1, 122]. Этот образ «недожатой нивы» вписан и в конкретное, страшное для России и мира время войны, и в метафизическое апокалиптическое пространство, чьи атрибуты – запах снега и огня: «Чудом сузилась жилетка, / Пахнет снегом и огнём, / И полна грудная клетка / Царским траурным вином» [6, Т 1, 123].

Тема войны в поэзии Тарковского вписана в широкий духовно-религиозный контекст, связанный с христианской парадигмой осмысления истории. Особенно ярко это проявляется в стихотворении «Голуби на площади»:

*Я не хуже, не лучше других,
И на площадь хожу я со всеми
Покупать конопляное семя
И кормить голубей городских,*

*Потому что я вылепил их,
Потому что своими руками
Глину мял я, как мёртвые в яме,
Потому что от ран штыковых
Я без просыпу спал, как другие,
В клейкой глине живет живых,
Потому что из глины России
Всем народом я вылепил их» [6, Т 2, 66].*

Название стихотворения и его начальная строфа на первый взгляд кажутся простой зарисовкой – картиной мирной жизни после войны. Но уже пятая строка стихотворения воплощает в себе некую загадку, а последняя строка, варьируя смысл её, повторяет и утверждает загадочную первооснову пятой строки. Можно истолковать эти строки как развёрнутую аллегорию, как символ победы народа в великой войне. Традиционно голубь – общераспространённый символ мира. Слово «вылепил», таким образом, приобретает символическое значение, выражая идею победы. Этот аллегорический пласт смысла находится на поверхности и поддерживается образами, прямо или опосредованно связанными с войной. Но кроме этого пласта есть и другой слой смысла, который определяет содержательную конструкцию стихотворения, его, если можно так выразиться, «смысловый скелет». Мы имеем в виду эпизод из апокрифического «Евангелия детства», где рассказывается о том, как ребёнком Иисус лепил из глины птиц, которые чудесным образом становятся живыми [2]. «Уподобление Христу», безусловно, носит условно-метафорический характер, но дальнейшее развитие стихотворного сюжета даёт нам возможность увидеть особое понимание, видение человека, присущее А. Тарковскому.

В последней строке стихотворения происходит смысловой взрыв: словосочетание «всем народом я вылепил их», требует, согласно нормам русского языка, употребления местоимения «мы» и соответствующей глагольной формы («всем народом мы вылепили их»); местоимение же «я» предполагает другую языковую конструкцию («я вместе с народом вылепил их»). Этот эксперимент по восстановлению «нормальных» с точки зрения логики языка способов передачи смысла показывает нам, как далека семантика сконструированных нами предложений от того смысла, который мы находим в стихотворении «Голуби на площади».

Строчка «Всем народом я вылепил их», как нам кажется, носит формульный характер. Безусловно, в плане метафорическом мы находим в этой строке выявление единства народа и личности. Но, возвращаясь к мысли о том, что смысловая конструкция стихотворения связана с апокрифическим «Евангелием детства», мы обнаруживаем «уподобление» Христу уже не одного человека, героя стихотворения, но целого народа.

Для христианского мировоззрения характерна вера в единство живых и усопших, ибо у Бога все живы. Но подобное единство воплощено и в стихотворении Тарковского, открывается же оно в той части (человеке), которая равна целому (народу). Парадоксальное, ничем, казалось бы, не подготовленное сравнение («Глину мял я, как мёртвые в яме»), отождествление себя с убитыми в бою («Потому что

от ран штыковых / Я без просыпу спал, как другие») как раз и выявляет в языковой плоти стихотворения интуицию неразрывной связи живых и мёртвых.

Герою стихотворения «Голуби на площади» дан парадоксальный опыт смерти: с одной стороны, он ему уже ведом, но, с другой стороны, и в смертном сне он «живее живых». Кто может соединить в себе два этих противоположных состояния? В Пасхальных часах мы читаем: «Во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в Раи же с разбойником, и на престоле был Христе со Отцем и Духом, вся исполняя неописанный». Непостижимое для человеческого ума «пребывание» Христа одновременно – «во гробе плотски», во аде, в раю и Престоле со Отцем и Св.Духом являются своеобразной опорой возможности подобного состояния для человека, идущего путём жертвенной любви.

Семён Липкин тоже поэт библейской мудрости. Творчество для него есть выполнение завета Творца, исполнение своего богоподобия. Здесь осознание и великой славы человека, и величайшей ответственности за результат своего творчества, в данном случае – за свои слова.

О. Манделштам мечтал об идеальном читателе, который является собеседником поэта. Для Липкина таким собеседником был Бог. В стихотворении военной поры «Беседа» поэт среди вопросов, которые являются и исповедью, задаёт и такой: «Я словами играл и творил я слова, / И не в том ли повинна моя голова?» [5, 34]. Осознание, что слово может быть сильнее, важнее, выше дела, а следовательно, и страшнее, и греховнее, требует предельной ответственности от поэта. В другом стихотворении – «Имена» [5, 41], написанном в окопах Сталинграда, Семён Липкин разворачивает перед читателем философско-поэтическую притчу на основе библейского сказания из Книги Бытия о том, как Адам нарекал имена всем тварям: «Работа была для Адама трудна: / Явлениям и тварям давал имена». [5, 42] И в этом стихотворении говорится о страшной ответственности Адама-поэта за слова и мысли:

*Всеобщая ночь приближалась к садам.
«Вот смерть», – не сказал, а подумал Адам.
И только подумал, едва произнёс,
Над Авелем Каин топор свой занёс. [5, 43]*

Интересно, как Липкин гениально просто показывает, что смерть не является творением Бога. Адам дал имена всему сотворенному. Смерти ещё не было, но было уже грехопадение (дети у Адама и Евы родились уже после изгнания из Рая). Смерть – это «творение» человека, так как она – следствие грехопадения, а грехопадение – следствие человеческого своеволия. В стихотворении Адам через метафору «ночь – смерть», ставшую возможной именно после грехопадения, делает смерть реальной. Таким образом, зло, царящее в мире: смерть, убийство, страдание – дело рук (мыслей, слов) самого человека. Реальный поэт Семён Липкин, погружённый в ад войны, не только не возлагает ответственность за царящее зло на Бога, не только не ропщет на Него за то, что допустил это зло, но... открывает Его, встречает Его, заключает с Ним договор, как ветхозаветный праотец и пророк:

*Если в воздухе пахло землёю
Или рвался снаряд в вышине,
Договор между Богом и мною
Открывался мне в дымном огне. [5, 57]*

Встретить Бога в разрыве снаряда дано избранным. Но ещё более странным, парадоксальным выглядит явление Бога в «пламени газовен», которое мы видим в стихотворении «Моисей»:

*Тропую концентрационной,
Где ночь бессонна, как тюрьма,
Трубой канализационной,
Среди помоев и дерьма,*

*По всем немецким, и советским,
И польским, и иным путям,
По всем печам, по всем мертвецким,
По всем страстям, по всем смертям, –*

*Я шёл. И грозен и духовен
Впервые Бог открылся мне,
Пылая пламенем газовен
В неопалимой купине. [5, 152]*

Что удивительно в этом стихотворении? Как правило, события современности поверяются библейским откровением. Липкин делает обратное. Ужаснейшую реальность, утратившую даже намёк на какую-либо справедливость – пламя газовых печей Освенцима и Дахау, – поэт накладывает на куст Неопалимой Купины. Пророческий взор Моисея видит то, что происходит в XX веке. Всевышний, открываясь ему, открывает и это страшное откровение. Вернее сказать, Бог открывается в пламени предельного страдания. Здесь премудрость, ведущая уже не к ветхозаветному, а к новозаветному Благовестию.

Итак, знать, более того, переживать страшное страдание и не отвергнуть Бога, не похулить Его – вот о чём свидетельствуют стихи Липкина. Свидетельство это сродни свидетельству праведного Иова. Причём лирический герой Липкина – это Иов уже не стенающий, не задающий вопросов Богу: «За что?!», а Иов, смолкнувший перед глаголами Творца. Смысл страданий раскрывается. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) так писал о смысле страданий Иова: «...Господь усыновляет человека, и причисляет его к Своему крестному пути правды в ветхом мире, и, страдая за рабов Своих, страдает в сынах, распространяет пределы Своего Страждущего Богочеловеческого Тела на тела всех сынов Своих и страдания Богочеловеческой Души Своей на их души. Так рождается новый мир. Это великая тайна строительства Церкви, Нового Мира на крови Агнца и агнцев /.../ И потому нет на земле высшей красоты, чем страдание правды, нет большего сияния, чем сияние безвинного страдания» [3, 269]. Разве не об этом же говорится и в стихотворении Липкина «Иов»?

*Живу в начале гнева Твоего,
Зерно труда и сева Твоего.*

*Болезный агнец хлеба Твоего,
Я слышу громы гнева Твоего.*

*Я, агнец, пил из блюда Твоего
Вино и солнце Уца моего.*

*Зачем же до Завета Твоего
Лишён я капли света Твоего?*

*Лежу в тени чертога Твоего,
В проказе у порога Твоего.*

*Мой вздох – предвестник хлеба моего,
Но плач исходит с неба Твоего. [5, 328]*

Сам поэт, конечно, далёк от того, чтобы считать себя праведным, подобным Иову, но осмысление страданий происходит в этом ключе. Страдания Иова – пророчество о страданиях Искупителя.

Что может быть противоестественней и страшней войны (А может быть, естественней?! И от этого ещё страшнее!)? Попраны все основы бытия, погран человек, пограно всё святое – и всё же мы читаем в стихотворении военной поры, написанном в 1942 году в Сталинграде:

*Бывает и светлое на войне:
Письмо от жены или мамы,
Вечерний снег, полнеба в огне
И грозный звук... Тот самый. [5, 37]*

О каком же это звуке говорит нам Семён Липкин в последней строке последней строфы стихотворения, посвящённой «светлому на войне» (предыдущие строфы рассказывали о самом страшном на войне)? Звук *грозный*, после него многоточие, т.е. тишина, а потом уточнение: «Тот самый». Так что же это? Смерть?! Но ведь *свет!* Тогда что? Ответ, быть может, мы находим в другом стихотворении, уже послевоенном, 1946 года:

*Если в воздухе пахло землёю
Или рвался снаряд в вышине,
Договор между Богом и мною
Открывался мне в дымном огне. [5, 57]*

И не только договор, но и сам Бог является человеку-воину-поэту, является и вступает с ним в беседу. Так и называется уже упоминавшееся стихотворение 1942 года «Беседа», глубочайшее в своей религиозной простоте. Что значит беседа человека с Богом? Если Бог слышит тебя, а ты Бога, – значит, восстановлено богообщение, т.е. восстановлено эдемское состояние человека. Рай обретается в аде войны! Бог (Христос) сходит в ад, взяв на себя грехи мира, чтобы вывести оттуда достойных и ввести их в рай. В стихотворении нет ни слова ни об аде, ни о рае, ни о Христе, но всё стихотворение именно о спасении. Через всё стихотворение проходит покаянное вопрошание человека-поэта, поэта-пророка о своём грехе, а заканчивается оно так:

– Но когда же, о Боже, его искуплю?
– В час, когда Я с тобою в беседу вступлю. [5, 34]
А беседа уже состоялась! А значит, уже искуплен и прощён грех! Восстановлен падший Адам!

Посещение Бога преображает – нет, пока ещё не весь мир, но восприятие и понимание мира, собы-

тий, когда даже страшные руины Сталинграда вдруг становятся не апокалипсическим видением Армагеддона, а... изначальной страницей Бытия, как это мы видим в стихотворении «Руины» (показательно, что для стихотворения с таким названием поэт выбирает строгую форму сонета):

*Как тайны бытия счастливая разгадка,
Руины города печальные стоят.
Ковыльные листы в парадных шелестях,
Оттуда холодом и трупом веет сладко.*

*Над изваянием святого беспорядка
Застыл неведомым сиянием закат.
Но вот из-за угла, где рос когда-то сад,
Выходит человек. В руках его тетрадка.*

*Не видно жизни здесь.
Как вечность длится миг.
Куда же он спешит? Откуда он явился?
Не так ли, думаю, наш праотец возник?*

*Не ходом естества, не чарой волшебства,
внезапно вспыхнувшим понятием Божества
от плоти хаоса без боли отделился. [5, 43-44]*

Вневременность открывшегося подчёркнута словосочетанием «миг вечности» («Как вечность длится миг»), горизонталь времени пересекает молния вечности, чья вспышка напечатлевает на сетчатке внутреннего ока поэта свой неуничтожимый лик.

То, что открывалось в экстремальных условиях войны, не закрывается в мирное время. Вечное входит во временное, входит всегда, преображая его в истинное настоящее. Надо лишь иметь особый орган чувств, настроенный на восприятие вечности. Любое событие наполнено провиденциальным смыслом. И каждый может стать пророком:

*Ты понял, что распад сердец
Страшней, чем расщеплённый атом,
Что невозможно наконец
Коснётся в блаженстве глуповатом,*

*Что много пройдено дорог,
Что нам нельзя остановиться,
Когда растёт уже пророк
Из будничного очевидца. [5, 106]*

Если во время войны Бог открывался или в разрыве снаряда, или пылал Неопалимль Купиной «газовен» концентрационных лагерей, как в стихотворении «Моисей» [5, 152], то теперь эпифания-теофания свершается тихо-тихо, как дуновенье ветерка («в дыханье хлада тонка»), как бы случайно, но случайно Бог не открывается:

*Лежит в кювете грязный цыганёнок,
А рядом с ним, косясь на свет машин,
Стоит курчавый, вежливый ягнёнок
И женственный, как молодой раввин.*

*Горячий, ясный вечер, и дорога,
И все цветы лесные с их пыльцой,
И ты внезапно открываешь Бога
В своём родстве с цыганом и с овцой. [5, 123]*

Небольшая зарисовка, но в ней открывается совершенно эпический горизонт, охватывающий и реальное наблюдение, и общность судеб в контексте XX века цыган и евреев, и жертвенный агнец, и единство всего живого, ибо всё это от Бога, и к Богу, и в Боге.

Таким образом, в поэтических мирах и Арсения Тарковского, и Семёна Липкина собственная жизнь, судьба народа и страны, исторический путь всего человечества осмыслены и явлены в свете присутствия и осуществления Промысла Божьего.

Литература

1. Аверинцев С. Между «изъяснением» и «прикровением»: ситуация «образа» в поэзии Ефрема Сирина // Аверинцев С. Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005, С.144-196.
2. Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989. С.142.
3. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Тайна Иова. О страдании // Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Избранное. В 2-х т. Нижний Новгород, 2000. Т. 2. С. 269.
4. Достоевский Ф. М. Бесы (ч. 1. гл. 4). СПб., 2011.
5. Липкин С. Семь десятилетий. М.: Возвращение, 2000. 592 с.
6. Тарковский А.А. Собр. Соч. в 3 т. М.: Художественная литература, 1991.

ПЕРЕКРЁСТОК

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литературной студии «Восьмерка» при городской библиотеке №8.

БОЛЬШЕ ЧЕМ КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

30 апреля онлайн-заседание литстудии «Восьмерка» было посвящено «Колымским рассказам» Варлама Шаламова (1907 – 1982).

Рассказы Шаламова – это самая пронзительная свидетельская проза о ГУ-ЛАГе. В СССР эти рассказы можно было услышать только по «голосам» сквозь завывание «глушилок». Тогда книга эта в стране выйти не могла, и впервые вышла на Западе. Этот жуткий кусок истории был – совершенно в смысле Оруэлла – вырезан из истории страны, как и вся прочая «лагерная» литература, которая начала возвращаться только после перестройки (Лев Разгон, Лидия Гинзбург, Солженицын и другие), ведь ничто не должно было омрачать движения к коммунизму. Но Шаламов совершил человеческий и писательский подвиг. Первый подвиг – он выжил в лагерях. Второй подвиг – он описал свой опыт. Возможно, именно благодаря этому он и выжил: кроме недюжинной воли, его удержало творчество, добровольно взятое на себя обязательство, наложенное на себя послушание – свидетельствовать перед литературой и потомками.

Это высокая проза, следующая классическим образцам. Ее особенность – неброский, фактический, документальный стиль. Действия и факты. И еще – рассказ о том, что чувствует человек, попавший, например, на золотые прииски Колымы, где он через месяц становится «доходягой». Тем удивительнее современная отечественная тенденция к ресталинизации. Очевидно, что ее адепты просто не читали Шаламова. Не читали и не очень хотят читать и сегодня. Очевидно, что эта великая проза – для тех, кто

способен ее взять, у кого для этого есть достаточно интереса к истории и литературе, сердца, интеллекта и души, смелости. И уважения к этому великому Нестору-летописцу, пережившему 17 лет Колымы. Да, читать это нелегко, как нелегко всегда воспринимать тяжелую правду. В прозе Шаламова больше литературной антропологии, чем чего-то еще, Бога например. Но, по замечанию одного студийца, где есть правда, там есть вера, и в этом смысле Шаламов совершил подвиг святого.

Удивительная вещь: в «Колымских рассказах» Сталин практически не упоминается, всегда два-три раза за всю книгу, и не как человек или руководитель, а всего лишь – как слово в словосочетании. Шаламов не размышляет о причинах произошедшего с ним и миллионами других репрессированных при Сталине. Он не рассуждает о том, почему это случилось, кому это было нужно и зачем. «Колымские рассказы» – это про «что» и «как», а не про «зачем». И этого оказывается достаточно.

Шаламова, кажется, не интересует политическая подоплека репрессий. В отличие от того же Солженицына, который рассуждал о том, кто виноват и как нам в конечном итоге обустроить Россию. Солженицын, кстати, считал, что лагерь укрепляет человеческий дух, что человек, прошедший через ГУЛАГ, поднимается на недостижимые духовные высоты, закаляется и очищается. Шаламов придерживался ровно противоположной точки зрения, утверждая, что лагерь – на сто процентов отрицательный опыт, который совершенно не нужен и вреден любому человеку, что это опыт, который обесчеловечивает, низводит любого до состояния животного.

В своей лагерной прозе Шаламов – по выражению, прозвучавшему во время дискуссии, – ставит «последние вопросы человеческого бытия». В этом смысле Шаламов занимался антропологией судного дня – исследовал пределы, до которого может дой-

ти человек, исследовал его поведение в экстремальных, противоестественных для человека условиях, в которые тот насильно был поставлен. Действительно, эти рассказы – предельно экзистенциальная вещь, которая в своем послыле напоминает книжку Виктора Франкла «Сказать жизни «да!»», где автор описывает свой опыт гитлеровских концлагерей. Только Шаламов все-таки делает это сильнее. Он описывает, но почти не рассуждает. И это описание, эти факты самодостаточны. Любое рассуждение, любое мнение меркнет перед силой этих фактов и документаль-

ным стилем их изложения (при том, что рассказы Шаламова – это, несомненно, художественная проза самого высокого уровня). Именно документальность и беспристрастность «Колымских рассказов» – это его «новая проза», стилиевой вклад Шаламова в русскую литературу. (Одно из мнений: автор декларирует «новую прозу», но в итоге следует классическим образцам.) Эта проза горька и проста, как корка лагерного хлеба, способная спасти жизнь.

Есть ли в ней торжество добра и преодоление зла? Трудно сказать, потому что это почти документальное повествование имело целью зафиксировать фрагмент истории страны, постыдно скрытой от людей. Возможно, эпиграфом к творчеству Шаламова можно поставить строки Твардовского: «Тут ни убавить, ни прибавить, – так это было на земле». Шаламов писал со страстью, чтобы успеть «выписать» то, что хранит память, но описывал увиденное почти бесстрастно. Его рассказы кинематографичны: читая их, словно смотришь черно-белую пленку памяти, которая прокручивается перед тобой.

«Колымские рассказы» – это корень, из которого выросли и другие сборники рассказов («Артист лопаты», «Левый берег», «Очерки преступного мира» и др.), которые расширяют, распространяют первый сборник. Впрочем, рассказы колымского цикла автор никогда не увидел в печати на своей родине, так как умер в 1982 году, за три года до горбачевской перестройки.

Сегодня в стране сосуществуют две тенденции: набирающая силу апология сталинизма, которая может свидетельствовать об искажении, помрачении общественного сознания, и – прояснение общественного сознания, на что может указывать тот факт, что в прошлом году лидером продаж в России стал роман Оруэлла «1984». Важным шагом на пути к этому прояснению могло бы стать внимательное прочтение рассказов Шаламова.

ЖИТЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, премии святого благоверного князя Александра Невского.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Рассказ

Прозвище Зэчка прилепилось к Верке в детском доме. Тогда она думала, что оно означает злючка, потому что именно такой и была. Маленькие с прищуром глазки, чуть заметный носик, тоненькие ниточки губ. Верка с такой силой сжимала рот, что разглядеть ее губы было невозможно. Всегда настороже: надо быть готовой к тому, что в любую минуту получишь подзатыльник – от детей, от воспитателя, нянечки. В столовой из-под носа уведут булку, в кровать кто-нибудь напишет ради смеха. Важно уметь дать отпор, а еще лучше – опередить обидчика.

Судя по единственной фотографии, которая хранилась в потрепанном ридикюле, мамку звали Тамарой. Снимок не маленький, не на паспорт, а специально снятый – в подарок возлюбленному, с надписью: «Не вспоминай когда пасмотришь. Когда вспомнишь тогда пасмотри. Вите от Тома».

Этот снимок – самая ценная Веркина вещь. По нему мамку найти можно, а отец наверняка – тот самый Витя, ради которого Тома снялась в фотосалоне: молодая, круглолицая, с выразительными губками, маленькими востренькими глазками и темной, ровно очерченной челкой.

Ридикюль тоже дороже золота. Помятая коричневая кожа, металлическая защелка. Подкладка шелковая, цвета грязного кирпича, когда-то была красивой и яркой, а теперь краешек ткани выпрыгнул из защелки и начал рассыпаться. Но это несколько не омрачало Веркину любовь к ридикюлю, хранившему тайну ее рождения. Кроме фотографии, там лежало зеркальце – крышечка от пудреницы. Верка любила глядеть в зеркало – искала общие черты с девушкой на фотографии.

– Ты у нас не сирота, а зэчка, – говорила иногда нянька Ася. – Через пару лет мамка из тюрьмы вернется, глядишь – заберет тебя к себе. А вот Коленька тут навсегда.

Нянька всегда выделяла Колю, хвалила его, ставила другим детям в пример. Иногда тайком совала в его красную, с цыпками ладонь домашнюю выпечку. Все дети знали: не положено! А она угощала. Лакомства, которые Ася приносила Коле, пахли по-особенному: волшебным, загадочно, недоступно. Верке казалось: как только она попробует Асину печенюшку, для нее распахнутся ворота детдома и красавица мама с фотографии увезет ее к себе в тюрьму, где они будут жить долго и счастливо.

Из-за этой самой мечты маленькая зэчка следила за Коленькой и всякий раз, углядев, что Ася чем-то угостила любимчика, пыталась украсть лакомство. Но оно куда-то сразу исчезало. Глотая от обиды слезы, Верка подходила к Коленьке сзади и, ущипнув кожу на его худой спине, поворачивала что есть силы, как ключ в непослушном замке. Мальчишка начинал орать. На его крик сбегались дети, дежурный воспитатель и, конечно же, толстая курносая Ася.

– Надо же, какая злючка! – возмущалась нянька. – В крови, что ли, у нее злоба? Что поделаешь? Зэчка! Тюремный воздух заразный.

В пять лет Верка узнала, откуда растут у прозвища ноги: мать родила ее в тюрьме. После очередного проступка ее отчитала директриса и вынесла вердикт:

– Кто в тюрьме свою жизнь начал, там ее и окончит.

Верка не раз слышала про тюрьму и старалась ее представить. Наверное, это что-то похожее на детдом, только для всех: и взрослых, и детей. Непонятно только, почему она родилась в тюрьме, там жила, а потом оказалась в детдоме, без матери?

Однажды набралась храбрости и спросила у Аси. Та сокрушенно покачала головой и пояснила:

– Ты там родилась, жила до трех лет, потом – сюда, в детский дом. А мать твоя так и сидит в тюрьме. Смотри, Верка, плохо будешь себя вести, снова к мамочке отправишься.

Девчонка удивилась: что ж тут плохого – отправиться к мамочке? Силилась она вспомнить, как жила в тюрьме, но никакие события не всплывали в памяти, лишь круглое лицо, мягкая шелковая челка. Эти приятные сердцу ощущения вселяли надежду, что в тюрьме лучше, чем в детском доме. Что ж, в тюрьму так в тюрьму...

Но откуда взялся ридикюль?

Когда очередной раз Верку вызвали в кабинет директрисы, она не удивилась и была готова получить взбучку. Знала за что: украла у Коленьки кон-

феты. Долго охотилась и нашла-таки его заначку. Директрису Верка не боялась. Вечно больная, сморкающаяся в огромный платок Анна Ванна, как ее звали дети, хриплым голосом нудно говорила одно и то же: «Ну что с тобой делать? В колонию хочешь? Колония – это тебе не детдом, вдоволь каши не поешь. Избаловало вас государство, дармоеды...». И дальше – кхе-кхе, сморк-сморк.

Верка была уверена, что это Ася пожаловалась директрисе. Чтобы отомстить, решила сама наябедничать на няньку: зачем та нарушает распорядок и носит жабенку сладости? Колю называли жабенком за цыпки: они – об этом шептались девчонки – переползают на руки детей с жабьих лапок. Где Коленька хранит лягушек, непонятно. Наверняка у него есть тайники не только для сладостей.

Директриса прохрипела «входи» и погрузила лицо в измятый носовой платок. Верка напряглась, силась вспомнить обвинительные слова в адрес няньки, даже волосы на голове зачесались, но она терпела, руки по швам. В этот момент от шкафа с папками отделилась неприметная женщина: маленькая, худая, как жердь, – Верка ее поначалу не заметила.

Позже, оставшись в комнате одна, девочка пыталась представить посетительницу – бесполезно. Это было совсем не то лицо, что на фотографии. Но Анна Ванна сказала: мать. От страха и волнения Верка не расслышала других слов, будто их и не было. С того дня она спрятала губы еще дальше, в глубину рта, и ничего не говорила.

Няня Ася высказывала недовольство:

– Посмотрите на зэчку: язык проглотила. Бойтесь к матери идти. Та своего сожителя на нож посадила – что ей стоит девку ухайдакать?

– Вряд ли ей опека разрешит забрать дочь, – отозвалась воспитательница Зоя Ивановна. – Верке осенью в школу идти. Деньги нужны, чтобы собрать. А жилье? Неизвестно, есть ли у матери свое жилье.

Этот короткий диалог кое-что прояснил в детском сознании. Значит, мать уже не в тюрьме? Она приезжала за дочерью, а директриса не отдала? И кто такая опека?

Улучив момент, когда Зоя Ивановна осталась одна, без Асиных ушей, Верка спросила, открыв впервые за две недели рот:

– Меня мать заберет?

– Не знаю... – Воспитательница положила тяжелую руку ей на плечо.

– Директриса не отдает? – уточнила девочка.

– Органы опеки.

Понятно. Органы – это строгие тетеньки проверяющие, которые иногда наведывались в детский дом, все их боялись, а директриса из-за них ложилась в больницу.

И опять Верка замкнулась, защемила рот.

Но настал день, когда мать пришла за ней. Анна Ванна легонько толкнула девочку в спину:

– Попрощайся с ребятами.

Как прощаться, Верка не знала. Директор сама обратилась к детям:

– За Верой приехала мама. Вас тоже когда-нибудь заберут родители.

Верка взглянула на Коленьку. Он, столько раз

битый эчкой, не радовался ее уходу: в его широко раскрытых глазах стояли слезы.

Началась новая жизнь, не лучше и не хуже детдомовской. Мать жила в коммуналке – бывшем общежитии. Маленькая комната вмещала кровать, стол, малюсенький холодильник и раскладушку, на которой спала Верка. Вещей у матери не было, у дочери тоже.

Одна ценность: ридикюль. Верка не выпускала его из рук. Когда она впервые переступила порог нового жилища и застыла у двери, Тамара спросила:

– Откуда у тебя эта дурацкая сумка? Что ты в нее вцепилась?

Верка удивилась этому вопросу, но ничего не ответила и с места не двинулась.

Мать достала из холодильника кастрюльку.

– Новенький. – Это про холодильник. – Пришлось купить из-за опеки. Эти злыдни требуют приобрести шкаф. Через неделю придут, проверят. А что туда класть? Пусто! – Она развела руками. – Пойду на кухню, подогрею суп.

Вернувшись с горячей кастрюлей, Тамара застала дочь на том же месте, у стены, с ридикюлем в руках.

– Дай гляну. – Мать вырвала драгоценную вещь. Открыла. Долго смотрела на фотографию. – Кто принес?

Верка испуганно смотрела на мать. Она была уверена, что это Томина сумочка.

– Он приходил к тебе в детдом?

Кто «он»? Дочь пожала плечами.

– Не помнишь... Давно приходил?

Верка крепче сжала губы – она не понимала, о чем спрашивает мать.

Первое время ей очень хотелось назад, в детский дом. От Тамары веяло холодом и неизвестностью.

Мать устроилась нянечкой в хирургическое отделение онкологии и подрабатывала иногда сиделкой. За ночные дежурства родственники послеоперационных больных хорошо платили.

Осенью началась школа. Перед первым сентября Тамара сама постригла дочь. Верка тайком глянула в зеркальце, хранящееся в ридикюле. На нее смотрела девочка, похожая на ту, с фотографии: прямая, ровно очерченная челка, волосы, едва прикрывающие шею.

Верка осталась довольна прической. С тех пор у нее появилась привычка слюнявить пальцы и приглаживать ими пряди за ушами, а кончики загигать вперед.

В школе, уже во второй четверти, к ней вернулось детдомовское прозвище Зэчка. Откуда, от кого – неизвестно. Просочилось, как река, стремящаяся в свое русло, как ниточка клубка, брошенного бабой-Ягой вместе со словами: твоя судьба.

– Нет, такой судьбы, как у меня, тебе не желаю! Ты в тюрьму не пойдешь, слышишь? Лучше я сама отрублю твои вороватые руки топором, – змеинный шепот разъяренной матери сильнодействующим ядом просочился в Веркины кишки и вызвал резкую боль в животе. Девчонка втянула голову в плечи и сползла с раскладушки на пол – тут и легла, сложившись в букву з.

Это было в тот день, когда Тамара обнаружила под подушкой у дочери брошку соседки тети Клавы, у которой оставляла Верку, когда шла в ночь на дежурство в больницу. Добрая душа тетя Клава всегда выручала Тому и даже помогала Верке делать уроки. Девчонка училась плохо – ненавидела школу.

Привычка взять то, что плохо лежит, вошла в ее кровь не с молоком матери, а с детдомовским порошковым киселем. Так что настал день, когда растерянная тетя Клава вошла в их комнату и, виновато глядя на Тамару, неуверенно сказала:

– Не могу брошь найти. Почему-то пропала. Ценности никакой, а память дорогая. Не знаю, что и подумать...

– Тетя Клава, я сейчас переоденусь и вместе поищем. Найдется ваша брошь, – со странной улыбкой произнесла Тамара. Ей вовсе не нужно было переодеваться. Как только дверь за Клавой закрылась, она бросилась искать пропажу. В ридикюле пусто, под подушкой... Ага, вот брошь. Воровка! Придушу...

Тамара побежала к соседке.

Вернувшись, застала Верку в том же положении на полу. Схватила за плечи, подняла, начала трясти:

– Зачем тебе понадобилась эта дребедень? – Тамара показала зубы, желтые от табака. Вой раненой волчицы: – Да-а что-о ты за уро-одина така-ая? Руки отрублю-ю-ю.

Верка впервые заметила черные очки вокруг материнских глаз, которые вдруг стали больше и страшнее. Но они сейчас источали живые искры: недоумение, испуг, жалость, любовь. Маленькое злое девичье сердце умягчилось – Верке стало жаль мать.

Кое-как девчонка доползла до девятого класса. «Экзамены не сдаст», – сказали в школе.

Теперь Тамара сама проверяла уроки, заставляла решать задачки.

– Сдашь, сдашь ОГЭ как миленькая, – зудела над ухом дочери, – и в колледж медицинский пойдешь.

Верка не спорила – знала, что ни в какой колледж не поступит.

Тамаре по-прежнему звонили на мобильник с просьбами поухаживать за тяжелобольными, но она отказывалась. А вскоре совсем перестала ходить на работу. Повела Верке:

– Отработала я свое. Подыхаю. Придется тебе в сиделки идти. Колледж – потом, когда на ноги встанешь, а сейчас – нянечкой, по моим стопам. Понюхай кровушки в больнице.

Верка проработала недолго: уволилась, чтобы ухаживать за матерью. Та корчилась от боли, но от наркотиков отказывалась. Однажды, кусая губы, сказала:

– Там в моей сумке адресок. Когда околею, найдешь свою бабку по отцу. Не знаю, жива ли. Ее это ридикюль. А отец твой на наркотиках сидит, потому и не хотела давать тебе адрес.

Еще один наказ успела дать Тамара своей дочери: не доверять мужчинам, не кидаться в омут страсти.

– Мужики нашей любви не заслуживают, от них одни несчастья. Вот и моя жизнь полонилась из-за уroda. Мужики только детей могут делать, но тебе рожать нельзя – ты любить не умеешь.

Почему Тамара так сказала? Не бревно же Верка

бесчувственное. Любила ли она свою мать? Никогда об этом не задумывалась. И что такое любовь? Пустое слово.

Хоронить Тамару было не на что. Соседи по коммуналке – люди все бедные. Тетя Клава тысячу дала, остальные – по сто рублей.

Выручили «Быстроденьги» – их офис в соседнем дворе. Верка взяла на похороны матери десять тысяч. «За пару недель расплачусь...».

Гроб скромный, но приличный. Тетя Клава помогла с поминками – всех соседей покормили и налили по полстакана беленькой.

Вечером Верка решила перебраться с неудобной раскладушки на материну кровать, но, не успев заснуть, почувствовала присутствие покойной. В ужасе вскочила и нырнула в свою постель, крепко сомкнула веки: ей казалось, что темные круги вокруг впалых материнских глаз воспламенились и освещают угол умершей.

Все эти дни Верка ни на минуту не забывала о клочке бумаги с адресом, о котором Тамара говорила незадолго до смерти. Через неделю после похорон девушка решила отыскать родню. Нашла дом, подъезд, позвонила в домофон. Она не продумала заранее, что будет говорить и как представиться. Когда из маленькой решеточки проскрипел старческий голос «кто там?», Верка не нашлась, что сказать, и ляпнула впопыхах:

– Сиделка.

Дверь подъезда открылась. Девушка посплюнула пальцы и провела ими по волосам.

В квартиру звонила уже не очень уверенно, успокаивала себя: «Сиделка... Кто ж еще?». Ей долго не открывали. Наконец за дверью началось шевеление, заскрежетал замок. Перед непрошеной гостьей выросла женщина-гора, которая тяжело дышала и с трудом передвигалась. Повидавшая разных больших, девушка догадалась: слоновая болезнь.

– Идемте в спальню, – проговорила, задыхаясь, хозяйка и, опираясь на стены, повернула в комнату. Следуя за старухой, Верка с любопытством рассматривала квартиру. Это была двухкомнатная сталинка с высокими потолками и следами былой роскоши: выцветшие и потертые обои, мебель добротная, красного дерева, но с перекошенными дверками, запыленные полки шкафов забиты старыми журналами и книгами.

Женщина плюхнулась на широкую кровать и начала раскачиваться, затем резко плюхнулась и закинула на постель широкие бедра.

– Иначе не улягуся, – пояснила гостье.

Верка пощупала ноги.

– Лимфедема, – заключила со знанием дела. – Жидкость застаивается. И свищи, язвы. Дело дрянь.

– Вы врач или медсестра? – поинтересовалась старуха.

– Мечтала учиться на врача – не получилось. Мамка умерла, пришлось работать сиделкой.

– Бедняжка. Такая молоденькая, совсем девочка. Худышка. Больных таскать надо – откуда у тебя силенки?

Посочувствовала – и за то спасибо.

– Ничего, у тебя все впереди, – продолжила рассуждать бабка. – Из сиделок отличные врачи вырастают. Намажешь мне ноги? Мазь на тумбочке.

– Сначала подсушу. Зеленка есть? Проверенное средство.

– Зеленка? В аптечке. Это в ванной, в угловом шкафчике.

Верка направилась в ванную. Ого! Огромная, в половину их комнаты в коммуналке. И ванна чугунная – два человека поместятся. Сама Верка никогда не мылась в ванной. В детдоме – душевые кабины, а в коммуналке на весь коридор общий душ, но там грязно и холодно, и мыться опасно – мать не разрешала. Грела воду в чайнике и наполняла большой таз. Принесет чайник, выльет в таз – снова идет на кухню, а вода стынет. Какое мытье? Верка по Клавиному телеку видела, как богатые в ваннах лежат, по шею в пене. Здорово! Неужели эта огромная ванна будет ее, Веркина?

Она глянула в большое, тусклое зеркало над умывальником, поправила слюной прическу. Надо бы помыть зеркало...

Принесла зеленку.

– А кто тебя прислал?

Вопрос неожиданный – что ответить? Задумалась. Долго молчала.

– В больнице. Женщина одна.

– Какая женщина? – Старуха напряглась и приподняла голову с подушки.

– Кто ж ее знает? – Верка схватила слоновую ногу и начала прикладывать тампон с зеленкой к багровым кровотокающим шишкам. – Не больно? Так-то. Меня кто только не просит! Я в больнице на расхват.

– О-ё-ёй, нежнее, пожалуйста, – взмолилась старуха. – Ты не представилась. Как зовут?

– Верка, Вера.

– А я Серафима Игоревна.

– Угу, – пробурчала Верка. – Ели давно? Сварю кашу. Я умею гречневую, манную и овсяную. Рис у меня не получается: дохнет.

– Кашу я давно не ела. – Серафима задумалась. – Все больше бутерброды.

– Категорически нельзя! Сварю то, что найду, – она гордо заложила за уши упавшие на лицо непослушные пряди.

Так состоялось знакомство с родной бабкой.

Верка приходила ненадолго, но каждый день. Серафима, прощаясь, давала ей 500 рублей.

Накопив за три недели десять тысяч, девушка направилась в офис «Быстроденьги».

– Что вы мне даете? – прогнусавил яйцеголовый, без единой волосинки молодой человек. – Договор читали? К этой цифре добавьте нолик.

– Какой еще нолик? – не поняла Верка.

– Ты дуручку не гони, если не хочешь лишиться башки! – Яйцеголовый изменил тон – его гнусавость вдруг обрела басовые ноты.

– Нашел, кого пугать! С тебя, я гляжу, уже сняли скальп? – Верка тоже сменила тональность – в ней проснулась Зэчка. – Сама кого хочешь напугаю.

Утром в дверь ее комнаты постучали. Сонная, в ночной рубашке Верка открыла. Она была уверена: кому-то из соседей понадобились соль, стул, мыло, сахар или манка. Удар под дых – и девчонка, скорчившись, упала на колени. Удары сыпались один за другим.

Она уже теряла сознание, когда до слуха донеслось: «Вечером принесешь всю сумму».

Верка долго лежала на полу, не в силах повернуться. Попыталась встать на ноги – голова кружилась, но отлеживаться некогда, надо действовать. Из безвыходного положения всегда найдется маленькая лазейка.

В этот день Зэчка шла к Серафиме с определенной целью: забрать то, что лежало на самом видном месте как символ дома, как главная гордость семьи: «Золотая Звезда» Героя Социалистического Труда – итог жизненного пути мужа Серафимы.

Верка никогда не видела деда и ничего о нем не знала. Бабка говорила, что он гений, великий архитектор, и самые красивые здания в городе – его рук дело. Ну и что? Старик давно помер, старуха не живет, а мучается, сыну тоже пора на тот свет: кому он нужен, наркоман несчастный?

С легким сердцем Верка изъяла орден.

– Вот! – Стукнула им о прилавок салона «Быстроденьги». – В десять раз больше стоит, чем мой долг.

– «Золотая Звезда» Героя. Ну-ну! – зло усмехнулся яйцеголовый. Он потянулся за Звездой, но Верка вовремя накрыла ее своей ладонью.

– Звони своим, пишите расписку, что я вам ничего не должна.

Серафима Игоревна не хватилась Звезды – она совсем ослабла и почти не вставала с постели. Верка чувствовала себя хозяйкой в доме, да и вообще – хозяйкой жизни. Теперь у нее были ключи от квартиры: приходи, когда хочешь, бери, что душа просит. Но как признаться, что она Серафимина внучка? Завтра, завтра непременно надо сказать...

Дни летели все быстрее и быстрее, и однажды старые часики, доставшиеся Верке от матери, вдруг остановились.

Девушка вошла в Серафимину квартиру – перед ней вырос длинный и худой мужичок с бегающими глазками.

– Ты кто? – спросил резко, недружелюбно.

– Сиделка. – Верка отвела взгляд.

– Ты украла Звезду?

– Не краля я ничего. Я за Серафимой Игоревной ухаживаю.

– Нету Серафимы. Скончалась матушка. Уходи.

Верка застыла на пороге. Онемела, омертвела, застыла.

– Слушай ты, сиделка! Я ведь в два счета докажу, что Звезду ты украла. Паспорт покажь!

– Нету у меня с собой паспорта.

Ей хотелось крикнуть: «Я твоя дочь!». Но язык отсох, губы сжались и ушли в рот, глаза остановились на пуговице, повисшей на одной ниточке Витиной рубашки.

Не такой, не такой представляла Верка свою встречу с отцом.

– Тогда я звоню в полицию. Пойдешь в тюрьму, зэчка.

Откуда он знает, что она Зэчка? Может быть, ему уже известно, что она его дочь?

– Вы все знаете? – спросила Верка.

– Про Звезду? Знаю, конечно.

– Не про Звезду. Про мать мою Тамару.

– Какую еще Тамару? Что ты мелешь, воровка?

Сердце упало в пятки и покатилося по паркету к тапкам Серафимы, которые та давно уже не носила из-за слоновых ног.

– Я бы хотела попрощаться... С бабушкой.

– Иди, прощайся. Только не кради ничего...

В первый момент Верка подумала, что Витя ее обманул и Серафима спит. Она лежала как живая. И улыбалась. Ей было хорошо. А Верке плохо, очень плохо, и она, опустившись на колени перед бабкиной кроватью, расплакалась – заголосила так, что сама себя испугалась.

– Чего орешь? Чуть заикой не сделала, – раздался за спиной Витин голос. – Ладно, приходи завтра на похороны.

Верка пришла с ридикюлем. Народу было много: бывшие сослуживцы мужа-героя, соседи по дому, Серафимины подруги – вполне бодренькие. Глядя на них, девушка подумала: «А бабка-то вовсе не старая». После кладбища все направились в кафе, где Витя заказал поминальный обед. «Надо же! И деньги нашел», – удивилась Верка. Отобедав, она потащила за Витей в дом Серафимы. Он ни о чем не спрашивал.

Верка взялась за веник. «Так надо», – ответила на немой вопрос хозяина квартиры. Увлечшись уборкой, она забыла про свой ридикюль. И вдруг увидела его в руках отца: сумка была открыта – Витя разглядывал снимок.

– Тамара, говоришь? – Он впервые внимательно поглядел на Верку.

– Померла мамка. На прошлой неделе 40 дней было.

– Я эту сумку в детский дом отнес дочери.

– Угу, – буркнула Верка и заправила рассыпавшиеся пряди за уши, забыв послушать пальцы.

Витя снова остановил взгляд на девчонке.

– Верка?

– Угу... – И вдруг, сама не ожидая от себя признания, выпалила: – Это я Звезду взяла! Долг за мамкины похороны отдать.

– Дела-а... – Он опустил глаза.

Отец не употреблял запрещенные препараты – Верка была уверена. Спросить его, почему мать назвала его наркоманом, не решилась. Он сам рассказал, что пережил в молодости зависимость. Признался, потому что хотел оправдать себя: по серьезной причине он отсутствовал в жизни дочери. А еще похвастался, что не лишён таланта и пошел в своего отца, имеет диплом архитектора и приличный приработок.

Виктор действительно время от времени получал заказы на проекты индивидуальных домов. Иногда помогал деньгами Верке. Она по-прежнему жила в коммуналке, но раз в неделю приходила к отцу наводить порядок в квартире, а заодно и принять ванну с пышной пеной. Наслаждалась долго, пока Витя, встревоженный, не начинал стучать в дверь: «Эй, ты там жива?». Ради этого вопроса она целый час лежала в ванне: услышать голос обеспокоенного отца.

Верка все-таки окончила медицинский колледж и теперь работала в хирургии операционной

сестрой. Как-то раз, обессиленная после очередной длительной операции, она вышла отдохнуть в больничный дворик.

Легкомысленный май, уставший от маеты, уступил дорогу тщеславному июню. Послеобеденный ветерок услужливо размахивал ветками белой акации.

Ох, уж эта акация! Призыв для страстных пчел. Дурман для наивных дев. Лекарство для упавших духом.

Девушка окунула лицо в крупные, рыхлые соцветия. Пышные гроздья коснулись шершавых щек. Какое счастье – стоять вот так, впустив в себя красоту...

Зачем мать, умирая, сказала, что Верка не способна любить? Неправда. Она старалась любить людей как могла. И Серафиму полюбила, и Виктора.

Верка присела на деревянную лавочку. Очарованная красавцем июнем, не заметила, что лавка заплевана шелухой от семечек. Сидела, запрокинув голову к небу, и чувствовала, как жилы наполняются радостью.

Силы вернулись, и она направилась назад к служебному входу. Ее остановил неожиданный окрик: «Зэчка!».

Девушка вздрогнула. Неприятно похолодело в груди. Обернулась – врач из травматологии. Она его давно приметила: притягивали знакомые черты.

– Это ж ты? Как тебя зовут – забыл. – Молодой человек вел себя так, будто они сто лет знакомы.

– Вера. Вера Викторовна, – она сжала губы.

– Ну конечно же: Вера! А я Николай. Коленька детдомовский.

– Коленька? – Верка застыла в изумлении.

Словно перед гибелью, вмиг пролетели в сознании детдомовские события: Веркины драки, щипки, тычки в Коленькины бока.

– Ты помнишь, как меня обижала? – он смеялся и продолжал что-то говорить, говорить и смеяться.

Неожиданно для себя Верка схватила его за плечи и начала трясти.

– Ух, как я тебя ненавидела! – Из ее глаз острыми копьями брызнули слезы, а потом вдруг полились рекой – остановить их было невозможно. Она не помнила, когда так плакала. Наверное, никогда. Накопилось.

Когда силы кончились, Верка уронила голову на грудь врага. Коленька замолчал, погладил ее по волосам, заложил непослушные пряди за маленькие розовые уши и тихо спросил:

– Надеюсь, теперь ты не дерешься?

Еще недавно Верка была уверена: услышит прозвище Зэчка – умрет от горя. А сегодня счастлива как никогда и обнимает ненавистного Колю.

Она осторожно подняла голову, чтобы разглядеть друга детства. Его черные глаза смочились росинками радости.

– А знаешь, какой сегодня день? Иконы «Нечаянная радость». Ася ее очень любила. Ты помнишь няню Асю?

– Асю? – Верка, напрягшись, снова защемила губы.

– Ты ее не любила. Ревновала. Признайся, ревновала? А она меня усыновила.

Девушка смутилась.

– Да глупая была и злая. Ты меня прости, ладно? За все прости.

– Ну что ты... Я по-детски влюблен был, плакал, когда тебя забрали. Ася сжалилась, спасла меня от детдома. Она часто читала молитву «Нечаянная радость». Говорила, что эта молитва помогает сиротам избежать беды, и меня заставляла читать: «Безматеринных сирот буди Матерь, от всякого порока отврати и благому научи, из бездны погибели изведи».

Коля отломил кисточку акации и протянул Верке:

– Я знал, что найду тебя.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ПИШИ МНЕ ДОБРЫЕ СЛОВА

Год назад ушла из жизни Лилит Николаевна Козлова, педагог, литератор, неутомимый организатор, яркая личность, обладавшая способностью объединять людей, побуждать их к творчеству.

Памяти Лилит Козловой посвящены на страницах журнала публикации друзей-литераторов.

* * *

Пиши мне
Добрые слова,
Лелей
Прозрачные надежды
И верь,
Что неба синева
Для душ –
Извечные одежды.
Что оттого
И нет конца
Душе, так искони
Горящей,
Что повелением
Творца
Высь создана
Непреходящей...

Лилит КОЗЛОВА (4.04.1928 – 24.06.2019), доктор биологических наук, журналист, эссеист.

Родилась в Казани, выросла в Москве. Окончила биологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 1971 года заведовала кафедрой анатомии и физиологии Ульяновского педагогического института, была профессором кафедры. Автор книг о творчестве Марины Цветаевой, автор поэтических сборников и книг автобиографической прозы. Основатель Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов. Организатор и ведущая салона «Литературные четверги».

«СКАЗАЛИ: УШЛА, НАСОВСЕМ, НО СЛОВАМ ВЫ НЕ ВЕРЬТЕ...»

Когда я писала о юбилее Лилит Николаевны Козловой я привела строчки Марины Цветаевой:

*Рано ещё – не быть!
Рано ещё – не жечь!..
Рано ещё для льдов
Потусторонних стран!*

Думаю, что Лилит были близки эти строки – по состоянию духа, как и всё, что писала любимая ею Марина. Ведь вслед за поэтом она могла повторить её стихи:

Все закономерно и светло.
Все зачем-то было очень к стати.
То, что опалило, – не сожгло.
То, что было болью, стало статью...

Лилит всегда понимала, что воплощение духовности не даётся легко, ведь без трудностей никто не живёт. Она училась сама и учила нас – над ними подниматься, преодолевать их, не сомневаясь в себе, в правильности своего пути, учила жить любя, прощая и благодаря:

Непосильную ношу взвалила жизнь –
Спасибо!
Завертела и прочь понесла от земли –
Спасибо!
Поселила в груди полыхание огня –
Спасибо!
Так прекрасно кожу содрало с меня –
Спасибо!
Обжигает и шпарит меня кипятком –
Спасибо!
И по ране открытой крутым наждаком –
Спасибо!

Одним из основных принципов Лилит Николаевны и в жизни, и в творчестве было: «ни дня без строчки», она и нас убеждала: «Пишите, пишите каждый день, хоть три, хоть две, хоть одну строчку». Она была уверена, что творчество способно избавить человека от течения серых, скучных и безрадостных буден.

Лилит была убеждена, что индивидуальность нельзя затолкать ни в какие рамки, ибо психология большинства, как правило, нетворческая, она не предполагает радости от того, что ты творишь, идя по непроторённым дорогам.

Творческий человек должен быть свободен от оков чужого мнения и создания себе кумиров для подражания, ибо это замедляет его путь к себе и самовыражению. Это вовсе не значит, что не нужно учиться у других, это значит не нужно идти по проторённой другими дороге – нужно выбирать свою.

Когда читаешь стихи Лилит Козловой, понимаешь сразу, что автор – человек активной жизненной позиции, и для неё нет вопроса: «Быть или не быть?» – однозначно – «Быть». В один прекрасный день она это высказала:

Просто будь. Просто радуйся жизни.
Просто ясной улыбкой свети!
Пусть цветком прорастут укоризны!
– Полетели! Нам всем по пути!

Она не говорила, что это даётся легко и просто. Но автор заклинала всех, кто её окружал и слушал:

Открывайся, Душа, открывайся!
Лепесток, и ещё лепесток...
Слышишь звуки весеннего вальса?
Слышишь? – Плещет весёлый поток.

* * *

Всю боль свою прокричи,
Всю чашу до дна испей,
Открой потайные ключи,
Успей же, успей, успей!

Её жизнелюбие было заразительно и вслед за ней хотелось воскликнуть:

Я живу сейчас – какое счастье!
Я живу, я радуюсь и жду!
Я высвобождаюсь наяву,
Здесь моё к чудесному причастье!..

Жить ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС призывала она всех нас. При жизни Лилит много получала от окружающих её людей слов признательности, благодарности и восхищения, она для многих была той точкой от-

счёта, с которой у человека начиналась новая, полная творческого вдохновения жизнь. Вот лишь одно из многих стихотворных посвящений ей ульяновской поэтессы Нины Давыдовой:

Летит!
Свет любви от звезды к звезде,
Чтобы стать преградой беде,
Чей послышится отклик, где,
На чью душу бальзам пролит –
Свет любви. Он летит...

Вздых Вселенной летит –
Лилит!

С её «Литературных четвергов», которые она создала в конце 80-х начался новый отсчёт в жизни тех, кто их посещал, а посещали её люди разных возрастов и профессий. Всех объединяла любовь к поэзии, музыке и прекрасному, желание понять себя и окружающий мир. Здесь царила атмосфера доброжелательства, дружества, приязни и любви, где отсутствовал дух расчёта и зависти, где никто не тянул одеяло на себя и все умели радоваться новым стихам, песням, любому проявлению творчества, как чуду.

Атмосфера «Четвергов» Лилит, которые очень скоро стали домашними, способствовала росту души, сеяла семена доброго и вечного. СВЕТ, ЛЮБОВЬ, КРАСОТА и ДОБРОТА царили здесь – ибо, как говорила сама Лилит Николаевна: «Любовь от каждого вновь вошедшего в Светлый Круг становится ещё больше и светлее, и всем членам хоровода достаётся всё больше её благодати. Она – растёт!» Скольких она приобщила и продолжает приобщать своим творчеством к этому хороводу, лишь об одном предостерегая:

Не засыпай, мой дух, не засыпай,
Ведь смерть не дремлет, пустота не дремлет.
Как только сил своих увидишь край,
Уронишь НЕБО и уронишь ЗЕМЛЮ.

Лилит Николаевна убеждала всех и каждого: «Чем сильнее зло – тем ярче должны гореть ДОБРО и ЛЮБОВЬ, – и тем это труднее, потому что всё тём-

ное надо прежде всего изжить внутри себя. И внутри себя найти выход к СВЕТУ».

Она сама являлась тем человеком, который помогал найти путь к самому себе и осуществить возможность роста Души и раскрытию талантов, скрытых в каждом из нас.

Именно из тех, кто посещал её «Литературные четверги» и домашний литературно-музыкальный салон поэтессы и художницы Елены Токарчук, сложилась ульяновская организация Российского союза профессиональных литераторов, организатором и руководителем которого стала Лилит Николаевна Козлова. Он существует уже 20 лет. Ульяновская организация Союза насчитывает сейчас в своих рядах около 60 человек.

Они пишут и издают свои книги, проводят презентации и творческие встречи, музыкальные вечера в музеях, библиотеках, колледжах и школах, отдавая слушателям тепло, свет и любовь своих душ и сердец.

И закончить я хочу словами талантливого ульяновского поэта Евгения Бодунова из его посвящения нашей Лилит, которое он написал сразу же после её ухода. Стихи эти, на мой взгляд, очень хорошо сумели передать главное, что несла в себе эта неординарная личность.

Как Солнце она – хотя невысокого роста,
Как Тайна она – хоть и вроде бы вся на виду,
Как Чудо она – хоть всегда говорит очень просто,
Как Радость она, что ликует: «Да, я всё смогу!»

Как Небо она – но, конечно же, может, и выше,
Как Лето она, но, пожалуй, и Лета теплей,
Ей имя – Любовь, все мы дети её, все мы ищем.
Она всё нашла. И призвал её в путь Водолей.

Сказали: ушла, насовсем, но словам вы не верьте,
Ведь даже великие души теряют тела,
Ведь это Лилит, с ней досадная ложь в виде смерти
Случиться не может, скорей, у неё там дела!

Ушла, улетела голубкой из нашего века,
Небесного Царства душе, ну а нам всем – иди!
Мы знали её – воплощенье души в человека,
Спасибо, Лилит! Солнце наше, любви и лети!

Жаль, что у времени идёт свой счёт, несоизмеримый с желаниями и возможностями живого человека, которому больше всего на свете хочется жить, любить и творить... Светлая память о неукротимой и прекрасной Лилит, которая своим примером духовного делания зажгла в душах многих людей огонь веры в свои силы, в способность творчеством исцелять недуги, с любовью возрождаться к новой жизни, останется в наших сердцах.

Любовь Токарчук

Татьяна ШАТУНОВА, член Российского союза профессиональных литераторов.

МОЯ ЛИЛИТ

Первый мой визит к Лилит состоялся осенью, в начале сезона ее «Литературных четвергов». Я узнала об этом домашнем литературном салоне из книги «Грозное серебро», которую мне давала почитать Любовь Токарчук.

Скромная однокомнатная квартира в центре города, на стенах – множество фотографий и репродукций. В гостях – небольшое число – завсегдатаев, преимущественно молодежь. На столе чайник, чашки, что-то к чаю (все приносят угощение на свой вкус!), Лилит положила на стол от себя пряники, и они показались мне тогда самой вкусной едой. Потом она прокомментировала мне некоторые фотографии и репродукции и стала читать лекцию – главы из «Космических легенд Востока» Н.К. Рериха. Слушали все очень внимательно, была какая-то особая, напряженная тишина, и я, придя наполненная музыкой, которой занималась в течение дня, постепенно вживалась в обстановку, вслушивалась и вдумывалась в текст, читаемый Лилит.

По окончании вечера я спросила у хозяйки книгу Дмитрия Мережковского «Иисус неизвестный», которая упоминалась в биографической книге «Грозное серебро» и изучалась уже на «Четвергах», и получила совет от Лилит не спешить с прочтением, а значит, и с возвратом книги. В тот же день я узнала, что Лилит спит в своей расширенной до небольшой комнаты и обшитой деревом лоджии и зимой, и летом.

Так я влилась в коллектив «Четвергов» и посещала их вплоть до самого конца. 90-летие Лилит мы отмечали в городской библиотеке №4, где ей подарили столько цветов и коробок конфет, что мы едва смогли все это загрузить в салон такси.

Хотелось бы припомнить еще две встречи в последний год жизни Лилит. 8 марта Лилит позвонила мне с утра и предложила вместе отметить Международный женский день. Я с радостью согласилась. Сделала салатик, купила что-то к чаю и пушистую веточку мимоз. Лилит, как всегда, встретила меня дружескими объятьями, пригласила сначала в зал. Мы откорректировали два моих новых рассказа, и

она сказала, что документы на вступление в РСПЛ уже готовы. Лилит даже в 90 лет смотрелась молодо и до конца жизни напряженно работала, писала новые книги, редактировала материалы, присылаемые ей, для публикации в литературном альманахе «Гончаровская беседка».

За чаем мы говорили о том, что нас волновало: режиме дня, питании, о родных, близких... После чаепития Лилит достала из холодильника коробочку из-под сока с замороженной красной смородиной, которую собирала сама у себя на даче в Садовке, и дала ее мне, а я обрадовалась такой большой порции так нужных мне витаминов.

В конце марта меня приняли в РСПЛ, а вскоре, 4 апреля, Лилит отмечала свой последний день рождения в педагогическом университете, где она, профессор, доктор биологических наук, долгое время возглавляла кафедру. Пригласила именинница несколько человек из своего ближайшего окружения, среди них были и посетители «Четвергов».

В университете Лилит встретили очень радушно, предложили прочитать небольшую лекцию перед студентами о сестрах Цветаевых и устроили небольшое чаепитие для гостей.

В мае Лилит Николаевна почувствовала себя слабее и переехала к дочери. А мне предстояла поездка в Москву за новыми членскими билетами, и я навестила Лилит перед отъездом, получив ценные указания.

В Москву в день отъезда домой мне позвонил Валерий Ветров и спросил, не смогу ли я по просьбе Лилит остаться в Москве на лето и помочь дочери Татьяне за ней поухаживать, ибо Лилит хотела провести лето в Подмосковье, в Клязьме. Я сказала, что у меня нет таких близких людей в Москве, у которых можно бы было жить все лето, да к тому же на квартире с инструментом, ибо без фортепиано я не мыслю ни дня.

По приезде в Ульяновск я сразу же пошла к Лилит, отдала ей стопку новых членских билетов, нашла ее бодрой и окрепшей и рассказала о поездке. Это была наша последняя встреча.

А 24 июня, когда я приехала из Казани, города, где родилась Лилит и где мне посчастливилось учиться в консерватории, мне позвонила Наталья Ивановна Тарасова и сообщила печальную весть.

Лилит Николаевна Козлова была великим подвижником, она оставила после себя ею созданную Ульяновскую организацию РСПЛ, более 20 книг, среди них 5 книг, посвященных творчеству Марины Цветаевой, и она навсегда в наших сердцах.

Вечер, посвященный М. Цветаевой. Библиотека №4

О ЛИЛИТ КОЗЛОВОЙ

Елена ТОКАРЧУК

ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКОЮ СКАЗАТЬСЯ

На зримом плане Лилит Козлова – профессор, цветаевед, литератор России. А на незримом – мы угадываем в ней и по жизни, и по ее стихам целую вереницу теплых и сердечных образов. Это Аида, Изольда, Герда, Сольвейг и даже Эльза, ткущая рубашки своим братьям. Лирическая героиня Лилит зовёт к открытости:

Открывайся, душа, открывайся,
Лепесток и ещё лепесток...

– высоте:

Выше, выше, выше –

Поверх облаков...

– свету:

Просто будь. Просто радуйся жизни,

Просто ясной улыбкой свети.

– жизни:

На моей ладони – шар Вселенной.

Посмотри, как радугой играет!

В основе ее стихов – душевные и духовные озарения, результат испытанного в жизни. А испытано очень многое, начиная от занятий спортом, наукой, личной жизнью, семьей, трудных поисков себя, организации литературной гостиной и союза литераторов в своем любимом Ульяновске и не кончая ни одним из жизненных эпизодов, потому что «эта песня бесконечна, нескончаема дорога...».

Стихи Лилит нравятся мне своим внутренним поиском, динамичностью, легкостью и свободой. Они – постоянно стремящиеся вперед создания – бабочки. Как и она сама в своём полёте жизни. Они дарят счастье освобождённости и ощущение, что нет на свете ничего, кроме гармонии и красоты. А красота – везде, снаружи и внутри, в незримом духовном мире... Парящей птицей Лилит замечает то, что не заметит бескрылый... Её стихи – помощь людям, которые не разуверились в силе добра и любви. Они полезны тем, что обнаруживают возможность светлого выхода из тюрьмы собственного неведения и психологических тупиков, зовут «на незнаемом пути волшебной сказкою сказаться».

На песни Лилит

В них не было жажды мести,
И ненависти, и горя,
А только желанье вместе
Лететь в голубом просторе.

В них только любовь пылала
И пели посланцы вёсен.
А этого разве мало
Для светлых и чистых песен?

Татьяна ЛОТОЦКАЯ

СКВОЗЬ ЗЕМНЫЕ НЕСЧАСТИЯ – РАДУЙТЕСЬ

Стихи Лилит Козловой – это полёт души над повседневностью.

Расцветай, раскрывайся, Душа!

Ты незримо доверилась Богу.

И живёшь, благодатью дыша...

Так не мешкай же! С Богом! В Дорогу!

Да, душа Лилит Козловой по глубинной сути в горних вершинах. Её поэтические строки – это своеобразная «Ода Радости», где

...Вечно юным светом

Горит душа моя, не зная лет!

И в ней по-прежнему живёт поэт,

Поющий гимн закатам и рассветам...

Жизнь – это Путь, Путь к Свету,

Радости, через боль и страдания.

Сквозь земные несчастья – радуйтесь,

Воскрешайте Божественный Дух!

Богородица, Дева, Радуйся!

Столько благостно сложенных рук!

Но только в постоянном преодолении себя, в каждодневном труде Души приходит к нам осознание своего предназначения для того,

Чтоб в будущее пролегла аллея,

Разлился Свет, Любовь и Доброта

Великодушных – Неба высота!

Я очень счастлива, что мне довелось встретиться и жить рядом с таким Человеком, как Лилит Козлова.

В день ухода Лилит к нам в дом влетел стриж

Я сегодня Стрижа выпускала,

Улетел в синеву с моих рук.

Это чья-то душа трепетала,

Говоря нам, что нету разлук

В жизни вечной.

А в нашей, конечно,

Небезгрешной юдоли земной,

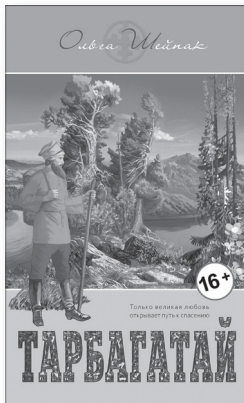
Ты замолви, мой Стриж,

То словечко, что открывает

Нам Рай неземной!

Друзья уходят потихоньку в небо,
И не могу пока их воскресить
И только сердце говорит: «Не требуй,
Ведь смерть одно из воплощений жить!
Смирись и знай: они живут в глубинах,
где боли и страдания нет,
А только Свет их Душ, и ОН Единый.
Он говорит: «И радость, и рассвет,
закат – умей принять всё это!
Ведь в жизни просто нету мелочей.
Есть благодарность за планету эту,
как в Храме Света тысячи свечей!»

ВЫШЕЛ РОМАН ОЛЬГИ ШЕЙПАК

В издательском доме «Алдоор» вышел новый роман Ольги Шейпак «Тарбагатай».

Это история старообрядческого рода, истоки которого ведут в XVII век: в Ярославль, Суздаль, Москву и оттуда – в Речь Посполитую. Изгнанные Екатериной Великой с Гомельской Ветки, герои повествования в XVIII веке попадают в Забайкалье и здесь оседают, сохраняя духовные и материальные традиции: иконы старого письма, дореформенную церковную литературу, древний костюм. В Забайкалье их прозвали семейскими. Роман «Тарбагатай» – сказание о людях, живущих переполненным сердцем. Повествование охватывает три века русской истории. Прочитать интервью Ольги Шейпак о новой книге можно на сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru/>, купить роман – на сайте издательства <https://alldoorpress.ru/product/tarbagatay/>

Ольга Шейпак

ОНЛАЙН-ВЫСТАВКА

«ГОРОД КАК РАБОЧЕЕ МЕСТО ПИСАТЕЛЯ»

Завершился прием фотографий в международный проект «Город как рабочее место писателя», организованный дирекцией программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО». Писатели, поэты, драматурги, художники и переводчики из разных городов мира, в т.ч. из Ульяновска, прислали более 80 фотографий и рассказали о месте в городе или дома, где они любят работать над текстами. Фотографии и тексты будут представлены на международной онлайн-выставке. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ОПУБЛИКОВАНА КНИГА ДАНИЛЫ НОЗДРЯКОВА

Издательство «Воймега» (Москва) выпустило сборник стихотворений ульяновского поэта Данилы Ноздрякова «Поволжская детская республика».

«Это своеобразное поэтическое исследование взросления на рубеже эпох. Часть историй происходила с автором, другие – с его знакомыми, а часть могла происходить. Книга настолько же личная, насколько может считаться попыткой создания общего портрета поколения. Если говорить о времени написания, то большинство текстов относятся к 2018 – 2019 годам, – рассказал Данила Ноздряков дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО». Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

Данила Ноздряков

В Центральной городской библиотеке имени И.А. Гончарова идут ремонтные работы, которые помогут трансформировать учреждение в библиотеку нового поколения в рамках национального проекта «Культура».

Фонд пополнится новой литературой, будет создана мягкая зона для презентаций и лекций, зона доступа к Национальной электронной библиотеке, появится ме-

В УЛЬЯНОВСКЕ ОБНОВЛЯЮТ БИБЛИОТЕКУ ИМЕНИ ГОНЧАРОВА

диа-лаборатория, откроются литературное кафе и выставочное пространство. Также создается пространство, посвященное И.А. Гончарову. Это интерактивная зона, имитирующая корабль со штурвалом и рындой, игровая зона с наливным полом и картой и др. Кроме того, будет предусмотрена зона для людей с ограниченными возможностями здоровья со специальным оборудованием. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

СЕРГЕЙ ГОГИН В ПРОЕКТЕ THE POSSIBILITIES

Поэт и журналист из Ульяновска Сергей Гогин стал участником международного литературного проекта The Possibilities.

Его организовала дирекция программы «Данидин – литературный город ЮНЕСКО» (Новая Зеландия). Авторам из разных стран мира предложили написать отклик на знаменитое одноименное стихотворение известного польского поэта, Нобелевского лауреата по литературе Виславы Шимборской.

Во время самоизоляции поэты разных городов мира поделились своими стихотворениями, созвучными тому самому поэтическому манифесту. Прочитать и послушать стихотворение Сергея Гогина, а также узнать подробности о проекте можно на нашем сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

AD MARGINEM ИЩЕТ АВТОРОВ ДЕТСКОГО НАУЧПОПА

Ad Marginem, ABCdesign и A+A объявили об открытии программы ABCD books по поиску и созданию оригинальных и новаторских иллюстрированных детских нон-фикшн книг.

Автором концепции книги может выступить как художник, так и писатель, сценарист, продюсер, искусствовед, куратор образовательной программы. Среди наиболее интересных тем: русское искусство, книги об архитектуре, городах и их жителях, история отечественных изобретений, окружающий мир и многое другое. Заявки принимаются до 1 августа. Книга победителя будет издана, автор отправится на книжную ярмарку в Болонье. Подробности <https://newbooks.admarginem.ru/>

ВСЕМ, КОМУ ИНТЕРЕСНЫ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Поэт Владислав Петренко (Харьков – Львов) создал международную фейсбук-группу Literary platform для тех, кому интересно поговорить о современных процессах в литературе и искусстве. Междисциплинарная платформа приглашает подискутировать на темы, связанные с историей, философией, лингвистикой, музыкой и кино. Возможно знакомство авторов из разных стран мира станет началом совместных арт-проектов. Адрес группы <https://www.facebook.com/groups/592722351342917/>

ЛИТЕРАТУРА МАНЧЕСТЕРА ОНЛАЙН

Манчестер, город литературы ЮНЕСКО, запустил новый сайт – «Литература Манчестера онлайн!». Знакомьтесь с литературой города не выходя из дома! <https://www.manchestercityofliteratureconnected.com/>

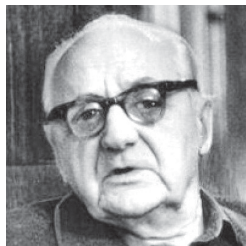
ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА В УЛЬЯНОВСКЕ

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulskcityofliterature@gmail.com

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ИЮЛЬ 2020

3 июля – 115 лет со дня рождения прозаика, журналиста **Льва Николаевича Правдина** (3.07.1905, с. Заполье ныне Плюсского р-на Псковской обл. – 15.08.2003, г. Пермь). С 1928 года работал в газетах «Средневожский комсомолец» (Самара), «Пролетарский путь» (Ульяновск). Член Союза писателей СССР (1935). В 1938 – 1955 гг. находился в заключении; реабилитирован в 1955 году. Автор романов «Счастливые дороги» (1936), «На севере диком» (1955), «Новый Венец» (1957), «Море ясности» (1962), «Берендеево царство» (1969) и др.

6 июля – 135 лет назад родился режиссёр, актёр, публицист **Александр Яковлевич Таиров** (6.07.1885, г. Ромны Полтавской губ., ныне Сумской обл. Украины – 25.09.1950, г. Москва). В 1910 – 1913 гг. был зав. художественной частью, главным режиссёром и актёром Симбирского городского театра. Создатель и художественный руководитель Московского камерного театра (1914 – 1949). Народный артист РСФСР (1935). Писал публицистические статьи, заметки, воспоминания. Автор книг «Записки режиссёра» (1921), «О театре» (1970).

6 июля – 60 лет со дня рождения прозаика **Маргариты Михайловны Хемлин** (6.07.1960, г. Чернигов Украинской ССР – 24.10.2015, г. Москва). Работала в «Независимой газете», в газете «Сегодня», редактором отдела политики журнала «Итоги», в отделе рекламы на Первом канале телевидения. Автор романов «Клоцвог» (2009), «Крайний» (2010), «Дознаватель» (2012) и др. Провела в апреле 2015 года творческие встречи с читателями во Дворце книги в Ульяновске и в Центральной библиотеке р.п. Чердаклы Ульяновской обл.

7 июля – 65-летний юбилей отмечает поэтесса **Нина Михайловна Егорова**, псевдоним – **Климко** (р. 7.07.1955, г. Ульяновск). Окончила филологический факультет Ульяновского педагогического института (1979). Работала в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова (1973 – 2018). Автор сборника стихотворений «Только мгновение» (2019). Член Российского союза профессиональных литераторов (2008), Российского союза писателей (2014). Заслуженный работник культуры Ульяновской области (2017).

7 июля – 45 лет исполняется писателю, публицисту **Захару Прилепину**, настоящее имя – **Евгений Николаевич** (р. 7.07.1975, с. Ильинка Скопинского р-на Рязанской обл.). С 1992 года жил в Нижнем Новгороде. Автор романов «Патология» (2004), «Грех» (2007), «Чёрная обезьяна» (2011), «Обитель» (2014), «Некоторые не попадут в ад» (2019) и др. Не раз бывал в Ульяновске: 27 сентября 2012 года выступил с лекцией на Международном культурном форуме; провёл 24 марта 2015 года творческую встречу с читателями во Дворце книги.

10 июля – 115 лет назад родился детский писатель **Лев Абрамович Кассиль** (10.07.1905, Покровская слобода Новоузенского у. Самарской губ., ныне г. Энгельс Саратовской обл. – 21.06.1970, г. Москва). Автор повестей «Черемыш – брат героя» (1938), «Великое противостояние» (1941), «Конduit и Швамброния» (1955) и др. Приезжал в Ульяновск в феврале 1945 года: выступал на заводах, в военных училищах, госпиталях; посетил Дом-музей В.И. Ленина; провёл творческую встречу в редакции газеты «Ульяновская правда».

11 июля – 70-летний юбилей отмечает поэт **Александр Михайлович Кукушкин** (р. 11.07.1950, г. Челябинск). В 1979 году по комсомольской путёвке приехал в Ульяновск на строительство УАПК. Посещал литературное объединение «Надежда». Публиковался в газетах «На старт», «Ульяновская правда», «На стройках Ульяновска». С 1986 года жил в Тольятти и Челябинске. Автор поэтических сборников «Миг» (2015), «Белый бархат просторов» (2016). С 2016 года живёт в Москве. Член Союза писателей России.

12 июля – 270 лет назад родился учёный, писатель **Николай Яковлевич Озерецковский** (12.07.1750, с. Озерецкое Дмитровского у. Московской губ. – 12.03.1827, г. С.-Петербург). С 1768 года участвовал в экспедиции И.И. Лепёхина в Поволжье; зиму 1768 – 1769 гг. провёл в Симбирске. Вёл работу по описанию исторических памятников, особенностей посещаемых мест. Автор сочинений «Описание развалин Болгаров, древнего татарского города» (1768), «Обозрение Онежского озера» (1791), «Путешествие на озеро Селигер» (1817) и др.

15 июля – 80-летний юбилей отмечает поэт и драматург **Анатолий Анатольевич Парпара** (р. 15.07.1940, г. Москва). Окончил факультет журналистики МГУ (1968). Член Союза писателей СССР (1975). Лауреат Государственной премии РСФСР (1989). Автор книг стихов «Первый перевал» (1973), «Глубокое небо» (1986), «Потрясение» (1989), «Здесь дом моих детей» (1992), «Незабываемое» (1995) и др. Не раз бывал в Ульяновске; выступал в Карсуне и на Пушкинском празднике поэзии в Языково. Дружил с Н.Н. Благовым. Живёт в Москве.

18 июля – 105 лет назад родился писатель **Олег Михайлович Грибанов**, литературный псевдоним – Олег Шмелёв (18.07.1915, с. Пянтег ныне Чердынского р-на Пермского края – 8.10.1992, г. Москва). Деятель советских спецслужб, генерал-лейтенант. В 1950 – 1951 гг. был начальником Управления государственной безопасности по Ульяновской области. Вместе с соавтором В.В. Востоковым опубликовал повести «Ошибка резидента» (1966), «С открытыми картами» (1968), «Возвращение резидента» (1979), по которым сняты фильмы.

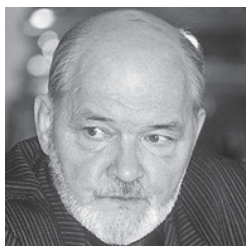

18 июля – 50 лет исполняется писателю **Владимиру Ростиславовичу Мединскому** (р. 18.07.1970, г. Смела Черкасской обл. Украинской ССР). Член Союза писателей России. В 2012 – 2020 гг. – министр культуры РФ. Автор книг «Негодяи и гении PR: от Рюрика до Ивана III Грозного» (2008), «Мифы о России» (2008), «Война. Мифы СССР. 1939 – 1945» (2011); романа «Стена» (2012) и др. В 2011 году прочёл в Ульяновске две лекции на тему «Мифы о России»; в 2012-ом участвовал в открытии выставки «Аркадий Пластов и Мартирос Сарьян».

19 июля – 80 лет со дня рождения чувашского писателя, краеведа **Михаила Андреевича Аляпкина** (р. 19.07.1940, с. Малое Ибряйкино Похвистневского р-на Куйбышевской, ныне Самарской, обл.). Служил в Вооруженных Силах СССР (1960 – 1986). Работал военрук

ом в Ульяновском автомеханическом техникуме (1986 – 1989), в военкоматах Ульяновской области (1991 – 1996). Автор книг «Моя родина – Ибряйкино», «Серебряные россыпи И.Я. Яковлева». Член Союза писателей Чувашии. Лауреат литературной премии имени А.Ф. Талвира.

22 июля – 90 лет назад родился писатель, литературовед **Юрий Фёдорович Карякин** (22.07.1930, г. Пермь – 18.11.2011, г. Москва). Окончил философский факультет МГУ. Работал в журнале «Проблемы мира и социализма». Член Союза писателей СССР

(1975). Дважды бывал на родине отца в с. Астрадамовка Сурского района. Автор книг «Перечитывая Достоевского» (1971), «Самообман Раскольников» (1976), «Перемена убеждений (от ослепления к прозрению)» (2007), «Бес смертный. Приход и изгнание» (2011) и др.

23 июля – 115 лет со дня рождения философа, литературоведа, публициста **Михаила Александровича Лифшица** (23.07.1905, г. Мелитополь Таврической губ., ныне Запорожской обл. Украины – 20.09.1983, г. Москва). Во время войны был направлен в Ульяновск для ра-

боты при отделе печати Народного комиссариата ВМФ; корреспондент Совинформбюро по флоту. Автор книг «Вопросы искусства и философии» (1935), «Ленин о культуре и искусстве» (1938), «Литературоведы о реализме» (1957), «Либерализм и демократия» (1968) и др.

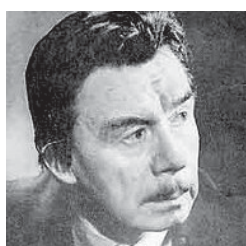
26 июля – 120 лет назад родился прозаик **Николай Алексеевич Задонский**, настоящая фамилия – Коптев (26.07.1900, г. Задонск Воронежской губ., ныне Липецкой обл. – 15.06.1974, г. Воронеж). В годы войны жил в Ульяновске, работал в газете «Ульяновская правда». Летом

1944 года побывал в с. Верхняя Маза Радищевского р-на, написал очерк «Партизаны 1812 года», изданный отдельной брошюрой (1944). Автор книг «Денис Давыдов», «Горы и звёзды», «Смутная пора», «Донская либерия», «Внук декабриста» и др.

29 июля – 65-летний юбилей отмечает поэтесса **Анна Григорьевна Алфёрова** (р. 29.07.1955, с. Большая Кандада Старомайнского р-на Ульяновской обл.). Окончила Ульяновский политехнический институт (1977). Живёт в

Челябинске. С 2009 года – председатель правления Уральского творческого объединения «Талисман». Член Союза писателей России. Автор многих книг для детей и взрослых. Не раз приезжала в Старую Майну на Краснояреченский сказочно-фольклорный фестиваль имени А.К. Новопольцева.

30 июля – 100 лет со дня рождения писателя **Николая Елисеевича Шундика** (30.07.1920, с. Михайловка Приморской обл., ныне Хабаровского края – 16.02.1995, г. Москва). Окончил Высшие литературные курсы (1957). Работал главным редак-

тором журнала «Волга» в Саратове (1965 – 1976). Бывал в Ульяновске, на Пушкинском празднике поэзии в Языково. Автор книг прозы «На Севере дальнем» (1952), «Родник у берёзы» (1959), «Червоная соль» (1966), «В стране синеокой» (1973), «Олень у порога» (1989) и др. Член Союза писателей СССР (1949).

265 лет назад родился писатель **Иван Николаевич Репьёв** (около 1755, ? – 30.01.1833, г. Москва). В 1780 году в чине поручика находился в Синбирске; 14 мая выступил от имени дворянского общества с «Кратким приветствием на прибытие генерал-губернатора Синбирского и Казанского князя П.С. Мещерского в город Синбирск». Действительный статский советник. Перевёл книгу «Перемена в Эстляндии» (1788), пьесу Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» (1792); написал в Петербурге «Оду на кончину Екатерины II» (1796).

160 лет со дня рождения писателя, фольклориста **Михаила Евгеньевича Соколова** (1860, ? – ?). Окончил Саратовскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию (1885). Жил в Симбирске, где издал в типографии А.Т. Токарева книгу «Старорусские солнечные боги и богини» (1887). Переехал в г. Петровск Саратовской губ. Автор сочинений «Краткая история философии» (1889), «Введение в философию» (1894), «Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губ.» (1896) и др.

75 лет назад родился поэт **Владимир Николаевич Шлёнский** (1945, г. Москва – 27.06.1986, г. Ульяновск, похоронен в Москве). Член Союза писателей СССР. Писал тексты песен на музыку А.Б. Журбина, В.Я. Шаинского, В.Ю. Быстрякова. Автор поэтических сборников «Снегири на антеннах» (1985), «Скворец на асфальте» (1985) и др. В июне 1986 года был командирован в Афганистан в качестве военного журналиста. В конце июня приехал на 1-й Фестиваль дружбы молодёжи СССР и КНДР в Ульяновск; скончался в гостинице «Венец».

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ИЮЛЯ

Нина КЛИМКО (р. 1955)

В СИРЕНЕВОМ МАРЕВЕ

Сиреновой дымкой подёрнулся день,
А голос с небес мне всё пел неустанно
О том, как, пылая, стораёт сирень,
И наша любовь в ней парит осиянно.

Не властны над нею ни годы, ни смерть.
Кружить и кружить ей над нашей Вселенной,
Сиреным пламенем ярко гореть,
Влюблённых сражая свеченьем блаженным.

В сиреновом мареве видится жизнь,
Уже не вернуть те святые мгновенья.
Лишь память вновь манит в весеннюю синь,
Где мы в разноцветном и буйном цветенье.

Сиреным всполохом гаснет заря,
Не вечны в тумане лиловом рассветы.
Пожар лепестковый унёс нас не зря,
Там сердце моё, в этом пламени где то.

Сиреновой дымкой подёрнулся день,
В его аромате густом утопаю.
Мне гроздь свои протянула сирень,
Их нежно целую, тебя вспоминаю.

* * *

Остановить бы время навсегда.
И жить, и жить, не ведая разлуки.
Но, как в насмешку, вскачь бегут года,
Не избежать и нам сей горькой муки.

Жизнь пронеслась мгновением одним,
Рассвет сменился маревом заката.
До благородных дожили седин,
А в сердце – юности гремят раскаты.

Благодарю за каждый светлый миг,
Что был твоею отогрет душою.
Она, как чистых вод святой родник,
Хранит наш дом под этою луною.

И пусть не вечны все мы на земле,
Я знаю: наше счастье состоялось.
Однажды в детском смехе, на заре,
Мы повторимся, вечно продолжаясь...

Александр КУКУШКИН (р. 1950)

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

С утра не виден горизонт,
Перед окопом груды тел.
В последней порции патрон -
Он не у дел. Он не у дел.

Уж сутки этот гром и стон
В несметном зареве огня,
В патронник загнанный патрон -
Он для меня. Он для меня.

Прицел над планкой ошалел.
Орёт связист:
– Давай огня!
Но тот патрон, что не у дел, -
Он для меня. Он для меня.

Всю ночь мне снился этот бред:
– Давай огня! Прибавь огня!
Патрон, последний, в пистолет -
Сослужит службу для меня.

Четвёртый день над лесом вой.
Идёт отряд, за ним другой -
Четвёртый день идут стеной.
Ведём мы бой. Неравный бой.

А.А.Е.

Остались смрад, в зубах песок.
Поник связист. Окончен бой.
Но тот патрон, что ждал висок,
Ношу я тридцать лет с собой.

* * *

Трещат сосновые дрова,
И разговор ведут ребята.
Непринуждённые слова
О той вершине, что не взята.

Чуть приглушённый разговор,
Под струн гитары шелест мерный.
Пусть брызжет искрами костёр,
Маршрут тернист, но всё же верный.

Усталость. Сон своё берёт.
И от росы трава вспотела.
Но будет завтра. Позовёт
Туристов путь к вершине белой.

Анатолий ПАРПАРА (р. 1940)

ПОКЛОННАЯ ГОРА

Ах, как хотелось насладиться
завоевателю столиц
тем, что российская столица
придёт с ключом и рухнет ниц!

Столица золотом сияла,
по-лебединому бела,
колоколами клочкотала,
а на поклон к нему не шла.

Минуты были роковые,
пожаром багровел закат,
и испугался вдруг впервые
неустршимый Бонапарт.

Да! Мы встречаем тех с поклоном,
кто в гости – с чистой душой,
но рухнут ниц наполеоны
перед Поклонною горой.

Я говорю вполне резонно!
Ведь согласись, Россия-мать,
что зря зовут её Поклонной,
а нужно Непреклонной звать!

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Такие дни, наполненные светом,
великим музам древности сродни.
И всё, что есть прекрасного под небом,
в иные не могло родиться дни.

Под мелодичный звон зелёных сосен
и с запахом степного чабреца,
как вдохновенье, болдинская осень
заходит в восхищённые сердца.

И нет предела мыслям и желаньям
в такие очарованные дни...
Да здравствует такое увяданье,
которое цветению сродни!

Анна АЛФЁРОВА (р. 1955)

* * *

Я обнимаю встревоженный мир,
Нежно ладошкой ласкаю планету...
Если б услышал небесный кумир –
Он мне помог бы энергией света.

Он мне помог бы всесильною стать,
Чтобы наш мир сохранить для потомков,
Чтобы Земля перестала страдать
От разорений, вражды, лживых толков!

Чтоб на Земле расцветали сады,
Чистые воды стремились в озёра...
Чтобы не ведать незрячей беды,
Но не уйти от Господнего взора.

Я обнимаю встревоженный мир...
Радуюсь жизни, бессмертью, мгновенью!
Верую: мир на Земле сохраним,
Благодаря своему озаренью!

ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ЧАША

Упала в переполненную чашу
Последней каплей горькая обида.
И томно устремились думы в чашу,
В глухие дали царствия Аида.

Почто вам бесконечность? Не спешите.
Душе, быть может, требуется малость,
А вы над ней судилище вершите,
Оставив одиночества усталость.

Остановите думы у границы,
Не преступив черты исчадья ада.
Пусть огонёк надежды сохранится
Для бытия, где умирать не надо.

МИМОЗЫ

Цветы поникли, навеяв грусть.
В избе холодной я приберусь.
Сотру пылинки сухих мимоз,
Поставлю в вазу семь алых роз.
Их вместо виски мне принеси.
Меня, застывшую, воскреси.

Владимир ШЛЁНСКИЙ (1945 – 1986)

* * *

Бог души моей, судьбы моей,
ты меня хоть изредка жалеи.
Испытав на прочность, на излом,
надели каким-нибудь добром;
посели хоть зори на постой,
дай мне счастье дружбы непустой;
день продли, раздвинув облака,
силы дай для главного глотка
этой жизни, сладостной всегда,
даже в наитрудные года.
И я буду знать, что это ты
уделил мне столько доброты.

ГАЛИЛЕЙ

В тумане замирал весь город.
Горел костёр – кровавый знак.
В те тёмные, глухие годы
опасно было много знать.

И ослушанье не прощалось.
Быть откровенным – не с руки.
Но всё равно Земля вращалась,
шли на костёр еретики.

Дома доносами сквозили,
замкам и ставням веры нет.
Шёл суд кровавых инквизиций
на протяженьи многих лет.

Колокола всюду долбили.
Костры слезами не залить.
В те дни небезопасно было
к обедне в церковь не ходить...

Сквозь лихолетья непогоду
надежда за собой вела:
знал Галилей – настанут годы
и скажут вслух: «Земля кругла!»

Он будущее видел ясно,
и было нелегко смолчать...
Пусть слишком много знать опасно,
опасней – слишком мало знать...

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ИЮЛЯ

Лев ПРАВДИН (1905 – 2003)

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ (отрывок из очерка)

Первый настоящий писатель, с которым я встретился и впоследствии подружился, был Артём Весёлый. Мне очень нравились его книги, и особенно «Россия, кровью умытая», «Гуляй-Волга» и «Реки огненные». Всё меня восхищало в этих книгах – размах, удаль самого автора и, несомненно, его героев и чеканный, гулкий, как самый большой колокол, язык. Узнав, что я пишу роман, он сказал:

– Вот это хорошо. Жизнь – штука широкая, о ней писать надо, как молотом по железу. Или во весь мах против течения.

Потом, когда я учился в Литинституте, он зашел за мной и позвал на именины «к одному могучему мужику». Оказалось – это он меня приглашает к самому Василию Каменскому.

– А удобно так, без приглашения? – засомневался я.

– Писателю всё удобно, если интересно.

Артём оказался прав: Каменский почему-то очень мне обрадовался. Потом я узнал, что он просто любит гостей и особенно любит знакомиться с неизвестными ему людьми. Большая комната казалась тесной, потому что вокруг вдоль всех стен стояли шкафы, набитые книгами и какими-то бумагами в объёмистых папках. Всё, что не помещалось в шкафах, громоздилось почти до потолка на шкафах и выглядывало из-за шкафов. Каменский собирал всё, что относится к литературе. Он и меня заставил оставить автограф и потом этот листок убрал в стол. Но поговорить нам не пришлось, так как начали собираться гости, из которых я знал только одного Юрия Олешу.

Мне ещё предстоит написать об этих и последующих встречах с писателями, чем я сейчас и занят. Перечитывая записи разной давности, я могу заметить, что даже незначительные замечания, мимолётные фразы кажутся как бы выписанными из книг – так они неотделимы от личности писателей. Но, сколько я ни искал в их книгах, этого сколько-то сказанного, ничего похожего не обнаружил.

Вот, к примеру, Артём сказал про Хлебникова:

– Он не для чтения, а для восхищения – умеет слово догола раздеть.

А Каменский – про одного, ныне благоденствующего:

– Работает, как полотёр: в поте лица наводит глянец... Скука получается несусветная...

Разговаривать с литераторами – прославленными и малоизвестными – было всегда интересно, говорили не только о литературе. Чаще всего – о многообразии жизненных явлений, но поскольку мы литераторы, то всё равно разговоры всегда получались литературными.

Литературная учёба продолжалась.

* * *

Книга, ещё не появившаяся на свет, тем не менее уже имеет свою судьбу и свою историю. Роман «Новый Венец» был задуман в Ульяновске в конце тридцатых годов. Я даже начал его писать и написал около двухсот страниц, но всё время у меня было такое чувство, будто заплыл на середину Волги и у меня нет сил и не знаю, куда плыть. Я ещё не понимал, что материал попросту захлёстывает меня. Перестав сопротивляться, я пошёл на дно: отложил рукопись и даже не пожалел, когда узнал о её пропаже.

Только почти сразу после войны, когда приехал в Пермь к родственникам, я вспомнил всё, что было написано, и месяцев за шесть – семь не только восстановил рукопись, но и дописал роман до конца. Пока жена перепечатывала его на машинке, я написал повесть «На севере диком». Это был такой творческий взрыв, какого никогда ни прежде, ни потом я не знавал.

Перепечатанная рукопись мне снова не понравилась, по причинам, которых я не мог объяснить. Только лет через пять, когда уже была напечатана повесть, я отряхнул пыль с пожелтевших страниц романа, прочитал его, продумав всё как следует, понял причину моих неудач: написано было всё так, как я хотел написать, герои делали и говорили то, что им и полагалось, всё дышало правдой. Не было одного – той достоверной выдумки, которая одна только протокольную правду превращает в художественное произведение. Выдумки, которая, как солнце, оживляет и красит природу.

Такая же история произошла и с повестью «На севере диком».

Александр ТАИРОВ (1885 – 1950)

АВТОБИОГРАФИЯ (отрывок из очерка)

Летом, в связи с революционным движением 1905 года, я был вторично арестован и сидел в тюрьме. Каюсь, больше всего в это время во мне говорил уже актёр, и я целыми днями измерял небольшую площадь моей одиночки, так как я не знал, когда меня выпустят и поспею ли я к сезону. Но судьба

была на моей стороне – меня выпустили из тюрьмы и с небольшим опозданием я приехал в Петербург в театр Комиссаржевской, одновременно переведясь в Петербургский университет.

Это был год вступления к Комиссаржевской Мейерхольда, год «Сестры Беатрисы», «Балаганчи-

ка» (в котором я играл Голубую маску), год ломки старого театра. Я попал в среду людей нового искусства: Блок, Кузмин, Сологуб, Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, Судейкин, Сапунов. Частое общение с ними, несомненно, отразилось на зарождавшихся во мне театральных взглядах и стремлениях. С Мейерхольдом я как-то не сошёлся, отчасти потому, что он был связан с группой своих учеников, вступившей вместе с ним в театр Комиссаржевской, отчасти потому, что, принимая целиком его разрушительную платформу по отношению к старому театру, я в то же время не принимал его созидательной платформы.

В конце сезона я получил от П.П. Гайдебурова предложение вступить в Передвижной общедоступный театр в Народном доме графини Паниной. Рабочие перспективы, развёрнутые передо мной Гайдебуровым, меня увлекли, и я стал работать с ним в качестве актёра и режиссёра. Моими первыми постановками были: «Гамлет» Шекспира и «Эрос и Психея» Жулавского. Как актёр, я играл довольно много, с наибольшей радостью Сарданапала в трагедии Байрона.

В Передвижном театре я проработал около трёх лет и очень многим этому театру обязан: и потому, что я изъездил с ним всю Россию, увидел всё, что делается в театрах провинции, изучая всюду зрителя, и потому, что в Народном доме графини Паниной я смог увидеть настоящего зрителя рабочих кварталов, и потому, что я имел возможность сделать свои первые режиссёрские опыты.

Постепенно режиссёр брал во мне верх над актёром, и хотя в дальнейшем я и продолжал ещё играть, но и в Симбирске, куда я был приглашён заведующим художественной частью, и в Риге у Михайловского я работал уже преимущественно как режиссёр. Здесь были мною поставлены «Анатэма»

Андреева, «Северные богатыри» Ибсена и ряд других вещей.

Последним моим актёрским выступлением была роль Мизгирия в «Снегурочке» в Петербурге в Новом драматическом театре Рейнеке в постановке Евтихия Карпова. Там же мною были сделаны две постановки: «Изнанка жизни» Бенавенте с художником Судейкиным и композитором Кузминым и «Бегство Габриэля Шиллинга» Гауптмана с художником Анисфельдом.

К этому времени во мне уже окрепли мои режиссёрские замыслы, некоторые контуры которых наметились ещё в самых первых моих постановках (в «Гамлете» и «Эросе и Психее» я уже был занят разработкой сценической площадки и пытался уйти от живописных декораций), но я не мог привести их в исполнение, так как, несмотря на свободу, предоставляемую мне как режиссёру, я всё же сталкивался со вкусами антрепризы и с актёрским материалом, часто очень хорошим и с общепринятой точки зрения первоклассным, но по-иному воспитанным и, конечно, никак не могущим по-настоящему воспринять и воплотить те идеи, без осуществления которых театр превращался для меня в покойницкую. Я ушёл из театра и решил сдать государственный экзамен и заняться другой работой.

Кончив университет, я поселился в Москве, вступил в адвокатскую корпорацию. Это было в 1913 году. В это время Марджанов разворачивал в Москве Свободный театр. Моя встреча с ним, его обещание дать мне полную возможность работать так, как я считаю нужным (которое он безусловно выполнил), молодое, новое дело, молодая, неиспорченная рутиной труппа, включение в репертуар пантомим снова окрылили мои мечты, и я снова вернулся в театр.

Маргарита ХЕМЛИН (1960 – 2015)

ДОЗНАВАТЕЛЬ (отрывок из романа)

Зашёл в дом. Там вокруг стола группировались некоторые гости. Ясное дело, царило разорение. Тарелки с обедками, бутылки полупустые. Ничего подозрительного.

От фаршированной щучихи в полстола – голова и хвост. Голова тоже нашпигованная, как у евреев принято. А не съели.

Я отговорился, что по ранению крепкого не употребляю. Попросил чистой водички. Мне дали стакан узвара: красный, с калиной, грушами. Как положено.

Я стакан поднял и говорю:

– Спасибо, товарищи. Желаю счастья и спасибо, что позвали за свой стол.

Вошли молодые. Она – здоровая деваха лет к тридцати. Волосы чёрные, кудлатая. Глаза, правда, красивые. Чёрные. Жених трюхи подкачал ростом и сложением. Но на лицо ничего. Не страшный. Постарше неё. Лет на пять. Масть – светлая, с ры-

жиной. Глаза разного цвета – один голубой, другой светло-карий. Редкая примета.

И с неё, и с него – описывать словесный портрет сплошное удовольствие. Ни с кем не перепутаешь даже в общих чертах.

За молодыми вошли гости. Наорались, каблуками землю побили, настало время закусить.

И опять оглушили меня своим гырканием. Но, смотрю, украинцы даже разговор на их языке поддерживают. На шуточки отзываются весёлым смехом. Подмигивают.

Тот, что меня за шиворот притащил в хату, громко объявил:

– У нас, товарищи, ещё один гость. Он сейчас скажет своё слово. Ша!

Все замолчали. Я стакан с узваром поднял и говорю:

– Мазл тов, дорогие молодята! Мазл тов на долгие годы!

Через одного от меня сидит старик с пейсами, в засаленном картузе. И как уцелел? В эвакуации, наверно, спасался, место занимал.

И вот он кивает в мою сторону и спрашивает буквально в пространство вокруг:

– Аид?

Я засмеялся.

– Нет. У меня друг из ваших. Он научил. Так что желаю вечного счастья!

Поднялся осанистый человек в хорошем пиджаке. Украинского вида. А там – чёрт его знает. Иногда с налёта не разберешь. И у нас носатые и чёрные бывают.

– Спасибо на добром пожелании! Вы видите свадьбу. Свадьба получается хорошая, весёлая, и вы с нами веселитесь и ешьте-пейте.

Старик, который интересовался, аид я или не аид, смотрел на меня в упор своими бельмами. То есть, глаза у него вроде зрячие, но и в то же время невидящие. Неприятно.

Я во весь рот улыбаюсь и выхожу на двор.

Мужчины курят, дети шныряют, женщины таскают глиняные миски с летней кухни в дом. Время – к темноте.

Я – к калитке боком, боком. Осанистый, который отвечал мне тостом, крикнул в мою сторону:

– Товарищ, не спешите! У нас ещё не кончилось! Понравилось вам?

– А как же. Сильно. И угощение сладкое, и водочка горькая, как говорится.

Мужчина подошёл вплотную, положил руку на плечо:

– Вот так, товарищ. Вот так. Свадьбу играем всем Остром.

Я пошутил для лёгкости:

– Поздновато невеста с женихом собрались. Им бы детей в школу вести, а они только записываются.

Мужчина закивал:

– Так у них и были дети. И у неё, и у него. И муж у неё был. И у него жена тоже. Немцы убили с лицами...

Захар ПРИЛЕПИН (р. 1975)

ОБИТЕЛЬ (отрывок из романа)

Чем ближе монастырь – тем громче чайки.

Обитель была угловата – непомерными углами, неопрятна – ужасным разором. Тело её выгорело, остались сквозняки, мшистые валуны стен.

Она высилась так тяжело и огромно, будто была построена не слабыми людьми, а разом, всем своим каменным туловом упала с небес и уловила оказавшихся здесь в западню.

Артём не любил смотреть на монастырь: хотелось скорее пройти ворота – оказаться внутри.

– Второй год здесь бедую, а каждый раз рука тянется перекреститься, когда вхожу в кремль, – поделился Василий Петрович шёпотом.

– Так крестились бы, – в полный голос ответил Артём.

– На звезду? – спросил Василий Петрович.

– На храм, – отрезал Артём. – Что вам за разница – звезда не звезда, храм-то стоит.

– Вдруг пальцы-то отломают, лучше не буду дураков сердить, – сказал Василий Петрович, подумав, и даже руки спрятал поглубже в рукава пиджака. Под пиджаком он носил поношенную фланелевую рубашку.

– ...А во храме орава без пяти минут святых на трёхъярусных нарах... – завершил свою мысль Артём. – Или чуть больше, если считать под нарами.

Двор Василий Петрович всегда пересекал быстро, опустив глаза, словно стараясь не привлечь понапрасну ничьего внимания.

Во дворе росли старые берёзы и старые липы, выше всех стоял тополь. Но Артёму особенно нравилась рябина – ягоды её нещадно обрывали или на заварку в кипятке, или просто чтоб жевать кисленького – а она оказывалась несносно горькой; только на макушке ещё виднелось несколько гроз-

дей, отчего-то всё это напоминало Артёму материнскую причёску.

Двенадцатая рабочая рота Соловецкого лагеря занимала трапезную единостолпную палату бывшей соборной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Шагнули в деревянный тамбур, поприветствовав дневальных – чеченца, чью статью и фамилию Артём никак не мог запомнить, да и не очень хотел, и Афанасьева – антисоветская, как он сам похвастался, агитация – ленинградского поэта, который весело поинтересовался: «Как в лесу ягода, Тёма?» Ответ был: «Ягода в Москве, зам начальника ГЭПЭУ. А в лесу – мы».

Афанасьев тихо хохотнул, чеченец же, как показалось Артёму, ничего не понял – хотя разве догадаешься по их виду. Афанасьев сидел, насколько возможно развалившись на табуретке, чеченец же то шагал туда-сюда, то присаживался на корточки.

Ходики на стене показывали без четверти семь.

Артём терпеливо дожидался Василия Петровича, который, набрав воды из бака при входе, цедил, отдуваясь, в то время как Артём опустошил бы кружку в два глотка... собственно, в итоге выхлебал целых три кружки, а четвёртую вылил себе на голову.

– Нам таскать эту воду! – сказал чеченец недовольно, извлекая изо рта каждое русское слово с некоторым трудом. Артём достал из кармана несколько смятых ягод и сказал: «На»; чеченец взял, не поняв, что дают, а догадавшись, брезгливо катнул их по столу; Афанасьев поочередно поймал все и покидал в рот.

При входе в трапезную сразу ударил запах, от которого за день в лесу отвыкли, – невытая чело-

веческая мерзость, грязное, изношенное мясо; никакой скот так не пахнет, как человек и живущие на нём насекомые; но Артём точно знал, что уже через семь минут привыкнет, и забудется, и сольётся с этим запахом, с этим гамом и матом, с этой жизнью.

Нары были устроены из круглых, всегда сырых жердей и неструганых досок. Артём спал на втором ярусе. Василий Петрович – ровно под ним: он уже

успел обучить Артёма, что летом лучше спать внизу – там прохладней, а зимой – наверху, «...потому что тёплый воздух поднимается куда?..». На третьем ярусе обитал Афанасьев. Мало того что ему было жарче всех, туда ещё и непрерывно подкапывало с потолка – гнилые осадки давали испарения от пота и дыханья.

Лев КАСИЛЬ (1905 – 1970)

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ *(отрывок из повести)*

Осенний рассвет. Вчера разъезды, затем авангард Мюрата вошли в город. Наполеон остался ночевать в пустом доме у Дорогомиллова.

Утром император переезжает в Кремль. Город пуст и гулок, как ночью. Тишина угнетает Наполеона. Он подозрительно всматривается в мёртвые окна домов.

А в одной из подворотен Арбата, притаившись, не смея шелохнуться, стою я, Устя Бирюкова, и Степан Дерябин. Прошло меньше двух месяцев с того дня, как за ошибку в аллегории наказал меня барин Кореванов. Бежать нам со Степаном некуда было... Неправду говорили о французском императоре, выдумкой были слухи о том, что хочет он дать волю крестьянам. И люди, бежавшие от французского нашествия, рассказывали, какое разорение, позор и муку несут с собой непрощенные гости.

Всё тревожнее становятся эти слухи, всё сильнее слышится гром – французы приближаются. И барин наш, нагрузив добром кареты, взяв меня, Степана и ещё кое-кого из дворни, мчит в Москву.

Но к осени враг подошёл и к Москве. Барин велел нам готовиться к отъезду. В Москве всё ещё не верили, что город будет сдан, а когда стало известно, что судьба Москвы решена, что не сегодня-завтра полчища Наполеона вступят в древнюю столицу, началось бегство.

Наши кареты застряли у Коломенской заставы. Тысячи людей бежали на Рязань, вся Московская дорога была запружена колясками, каретами, дрожками, ржали лошади, повозки наезжали одна на другую. Мы со Степаном шли пешком за последней нашей каретой. Во рту у нас пересохло, мы спустились с дороги к ручью, чтобы напиться, а когда поднялись обратно, коревановских карет уже нигде не было видно.

И мы решили вернуться в Москву.

Ночь. Пустой дом. Помертвевший город. Только изредка топот копыт. Это патрули французов разъезжают по улицам.

Ночи в сентябре длинные, но на этот раз заря

занимается над городом очень рано. На улицах светлеет. Зловещий красный рассвет чуть не с полуночи встаёт над Москвой.

Император просыпается и не верит своим глазам. За окнами дворца, за зубчатой Кремлёвской стеной, горит жаркий багровый день.

– Что это? – спрашивает Наполеон. – Уже заря?

– Нет, сир, – отвечают ему, – это пожар. Москва горит.

Наполеон подходит к окну. Раскалённая буря, неизмеримо страшнее, чем знойные пески Египта, более лютая, чем альпийские лавины, ревет над городом. Тучи искр... Раскалённая метель бушует за окнами, могучая тяга ветра раздувает пожарище. Столбы кровавого дыма подпирают докрасна накалённое небо. Молча, ёжась со сна, стоит у окна угрюмый император.

– Варвары! – тихо произносит он. – Какая свирепая решимость! Это они сами поджигают. Что за люди! Это скифы.

– Горит! – кричит Степан, и я просыпаюсь. В комнате светло как днём. Зловещий красный свет врывается в окна.

– Где горит? – спрашиваю я.

– Кругом горит, – шепчет Степан и прислушивается.

Тяжёлые удары разносятся по пустому дому. Кто-то ломится во входную дверь. Степан, как был, босой, не обуваясь, бросился к дверям, и сразу весь дом наполняется хриплыми, пьяными голосами солдат, тяжёлым топотаньем, звоном разбиваемой посуды.

– Что вы делаете, побойтесь бога, господи французы! Ведь барин с нас спросит! Нам в ответе быть...

Плечистый черноусый солдат в высокой медвежьей шапке отталкивает Степана. Но Степан недаром славится у нас в Коревановке как первый силач. Он повёл плечом, и француз с размаху стучается о противоположную стену.

– А, дьявол! – кричит он. – Татарин, казак... Ребята, берите его! Это зажигатель!

Николай ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ (1750 – 1827)

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛАДОЖСКОМУ ОЗЕРУ *(отрывок из книги)*

Приступая к описанию Ладожского озера, которое в прошлом лете 1785 года кругом объехал я водою, в коротких словах упомяну наперёд о Неве реке и скажу только, что ею поднялся я на судне от С.-Петербурга до Шлиссельбурга; видел возвышенные, лесистые, то глинистые, то песчаные её берега, которые по краям уставлены пригожими домами, целыми селениями и кирпичными заводами, видел пороги, лежащие на Неве выше устья реки Тосны, которые состоят из раскиданных камней, простирающихся от берегов реки к её середине, которая однако ж чиста, глубока и свободный даёт проход самым большим и грузным судам, исключая одно сие неудобство, что стремление воды очень там быстро, и поднимающиеся вверх суда во время тишины или противного ветра в проезде через пороги сильное от воды претерпевают сопротивление, когда тянутся бечевою, для которой вообще оба берега Невы нимало не приготовлены.

В третий день по выезде моём из С.-Петербурга добрался я до Шлиссельбургской крепости, которая лежит на острове в самой вершине Невы реки. Она окружностью своею весь остров со всех сторон занимает и делает вход в Неву из Ладожского озера себе подвластным. Сколь важно сей крепости положение, столь надёжно и строение, ибо стены её, кои сделаны из твёрдого плитнику, имеют в себе толщины близ трёх сажений. Я не могу сказать, чтоб остров, на котором стоит сия крепость, видом своим подобен был продолговатому ореху, как все писатели утверждают. Такого вида орехов я не знаю, а знаю только, что остров сей, премногим островам фигурию подобный, назывался в старину Ореховым, потому и город, ещё при великом князе Юрье Даниловиче в 1324 году на нём построенный, назван сперва Ореховцом, а потом прослыл Орешком.

По прошествии 22 лет от его построения завладели им шведы в 1347 году и назвали Нотенбургом; но когда россияне у шведов обратно его отнимали, то он по-прежнему оставался у них под именем

Орешка. Долго носил он сии два названия, переходя между россиянами и шведами из рук в руки, и у последних находился во владении по 1702 год, в котором государь Пётр Великий его завоевал и вместо прежних названий Нотенбурга и Орешка дал ему имя Шлиссельбурга, что значит Ключ-город. Государь столько уважил положение сего города, что счёл его ключом, отверзающим вход в дальнейшие пределы шведов, которые и тогда были нам неприятели. Название сие как будто бы укрепил Пётр Великий гербом, в том же 1702 году городу пожалованным, на котором изображён ключ под короною. Простой народ, который все чужестранные наименования на свой язык превращает, из Шлиссельбурга сделал Шлюшин, так, как из С.-Петербурга Питер, из Стокгольма Стекольный и пр. При церкви Шлиссельбургской крепости по сие время в первом часу по полудни производится колокольный звон, в силу повеления государя Петра Великого, который в том часу овладел крепостию, и в память победы обряд сей, торжеству приличный, установить изволил.

Шлиссельбургский посад, который собственно называется городом, лежит на левом берегу Невы, в полуденной стороне от крепости. Он разделён на две части Ладожским каналом, который входит там в Неву тремя отверстиями, из коих два уложены по сторонам плитою. В сих отверстиях канала сделаны шлюзы, которые для прохода судов отворяются. Число домов во всём городе простирается до 406, а жителей разного звания считается в нём 1955 мужского и 1168 женского полу. Весь рынок в городе состоит из 16 лавок, которые как видом, так и товарами очень бедны, так что ни циновки, ни парусины, ни клеёнки не можно там достать среди самого лета, когда вещи сии для судов, ходящих по Ладожскому озеру, весьма часто бывают нужны. Главный промысел жителей составляет рыбная ловля на озере и на Неве, а некоторые из них содержат большие и малые суда, на которых возят в С.-Петербург и в Кронштат разную клажу и проезжих.

Олег ГРИБАНОВ (1915 – 1992)

ТРИ ЧЕРЕПАХИ *(отрывок из повести)*

Майор Басков не был педантом, но в некоторых определённых ситуациях строго придерживался предписанной формы. Положив перед собой блокнот, он принялся составлять план действий.

За этим занятием и застал майора Марат Шилов, стажёр, проходивший у него практику. Шилов вернулся из больницы, где в нейрохирургическом отделении пострадавшему сделали операцию на черепе. «Склеили, как разбитую чашку», – сказал излишне взволнованный Марат. Он привёз окончательное заключение медицинской экспертизы, самый печальный пункт которого констатировал, что ранение затылочной части вызвало кровоизлияние

с поражением жизненно важных центров и полным параличом. Прогноз неутешительный.

В заключении говорилось, что неизвестному примерно пятьдесят пять – пятьдесят восемь лет от роду. Из особых примет: осколочное ранение правого бедра с повреждением кости и зажившим остеомиелитом, вероятно, полученное во время войны; на левом запястье с внешней стороны – бледно-синяя татуировка в виде черепахи.

– Пусть сфотографируют черепаху, – не поднимая глаз от бумаги, сказал Басков.

Марат кинулся к двери.

– Подожди, – остановил его майор. – Садись.

Марат сел к низкому столику.

Дочитав заключение медиков, Басков сказал ворчливо:

– Не бегай. Ты не на палубе военного корабля. Слушай. – Басков закурил. – Скажешь в лаборатории о черепахе, а потом вот что... – Басков протянул ему паспорт Балакина. – Попроси быстренько сделать с этого карточку покрупнее, девять на двенадцать, пусть дадут штучки три посторонних портрета, ну, сам понимаешь, для опознания... Поедешь в ресторан «Серебряный бор», возьмёшь адреса официанток вчерашней смены... И буфетчицы тоже... Разыщи всех, предъяви карточки... Может, признают.

Шилов вскочил.

– Не суетись, – осадил его Басков, выкладывая на стол из серого фибрового чемоданчика бельё. – Захвати чемодан, покажи... Не вспомнят ли вчерашнего посетителя с таким сереньким... Если там гардероб летом не работает, сдавать ручную кладь некуда, в зал несут...

Марат Шилов, взяв чемоданчик и паспорт, покинул кабинет – всё-таки почти бегом, – а Басков позвонил дежурному по райотделу милиции Ворошиловского района и попросил его передать настоятельную просьбу начальнику угрозыска, чтобы срочно связался с ним, Басковым. И правила, и простой здравый смысл требовали, чтобы районные его товарищи проверили, не замешаны ли тут местные, обитающие на территории района лица, сомнительные по части уголовной. Начальник районного угрозыска позвонил через несколько минут.

Они условились о контактах.

Теперь оставалось составить телеграмму. К сожалению, о неизвестном пострадавшем можно было сказать только, что это мужчина 55–58 лет, особые приметы – татуировка в виде черепахи (просьба сообщить, не было ли заявлений об исчезновении мужчин этого возраста). О рецидивисте Балакине Александре Ивановиче всё известно, кроме его нынешнего местопребывания. Надо объявить розыск в связи с новым делом.

Телеграмма эта ещё до часу дня будет получена в отделах и управлениях внутренних дел, где стоят телетайпы, то есть в сотнях городов Советского Союза. Оттуда её передадут по иным каналам в малые города, городки, посёлки, и уже сегодня к вечеру в дело включится милиция всей страны. Когда Басков представлял себе, как срабатывает этот механизм, у него появлялось такое чувство, словно он обладает сверхъестественной способностью, не покидая собственного кабинета, окунуть руку в студёную воду Берингова пролива.

Отослав перепечатанную и подписанную телеграмму в телеграфный зал, Басков собирался спуститься в буфет перекусить, потому что утром, уезжая из дома, ничего не поел – не хотелось. Но тут явился курьер с улицы Белинского, из областного УВД. Басков расписался в получении дела Балакина, поблагодарил курьера, раскрыл папку, начал читать подшитые бумаги и скоро забыл о том, что проголодался...

Владимир МЕДИНСКИЙ (р. 1970)

СТЕНА (отрывок из романа)

Всадник гнал коня до самой городской стены и лишь у ворот заставил себя натянуть поводья. Выезжая из города, он даже голову опустил – казалось, стражники обязательно заметят его бледность и лихорадочные глаза и прикажут остановиться. Но солдаты даже не посмотрели на проезжего: мало ли их тут шастает взад-вперёд. Время ночной стражи не наступило – мост опущен, решётка ворот поднята – ну так и пускай себе едет с Богом... Несёт куда-то из города на ночь глядя, но это ведь не наше дело, правда? В Северной Вестфалии хватает придорожных трактиров, чтобы найти ночлег.

Проехав шагом по мосту, путник вновь пустил коня галопом. Небо из синего делалось бледно-лиловым, дорога тонула в вечернем сумраке, с реки напозлали белесые полосы тумана.

Когда всадник решил оглянуться, городских стен уже не было видно. Только громадная башня Кёльнского собора с торчащим из неё краном маячила на горизонте. И позади, и впереди не слышалось ничего, кроме ленивой переключки пичуг в окаймлявшей дорогу роще да мерного плеска вёсел – Рейн не спал ни днём, ни ночью.

Погони вроде не было – стук копыт ему лишь почудился. В очередной раз почудился...

Ну и слава Богу.

«В конце концов, – подумал беглец, – ведь никого, ни одной живой души рядом не было... А если кто смотрел в окно, разве мог меня разглядеть? С чего я вообще решил, будто за мной будет погоня?!»

Тут ему стало ужасно досадно. Вот уж показал отвагу, нечего сказать! Бежал, как нашкодивший мальчишка... Хотя. Кто это сказал: «Лучше позорно бежать, чем храбро болтаться на виселице»? Кто-то, верно, из великих европейских умов. И никогда ведь не докажешь, что не ты напал, а на тебя напали. Как говорят, опять же – были ложки, не было ложек. Судье не объяснишь.

– Господи, спаси и сохрани! – прошептал беглец и размашисто перекрестился.

Так или иначе, всё обошлось – если не считать того, что приходится теперь скакать среди ночи неведомо куда, чтобы поскорее покинуть не только Вестфалию, но и вообще Священную Римскую империю...

А ведь день начинался прекрасно.

На рассвете он въехал в эти самые ворота и оказался в вольном городе Кёльне. Он был и не был похож на прочие европейские города. Каким-то хитрым образом в нём соединились возвышенная, строгая чистота готической старины, деловитая практичность суетного семнадцатого века и весё-

лость совсем не немецкого, а скорее, южного города. Запрокинув голову, молодой путешественник чуть не час простоял возле громады Кёльнского собора. Его возводили уже несколько столетий, но пока из двух башен построили только одну – и ту наполовину. Стрела подъёмного крана, торчавшая прямо из неё, сама по себе стала городской достопримечательностью. Грегори – а путешественника последнее время обычно все так коротко и звали – со всей почтительностью, придерживая шпагу, поинтересовался у местного бюргера, есть ли сведения, когда будет достроен собор. Тот, несмотря на классические лысину и брюшко, предполагавшие обстоятельность, легкомысленно ответил, что никогда, и тут же позвал пропустить стаканчик. Грегори отказался. В мерцающих сумерках собора его ждала встреча с мощами трёх царей – трёх волхвов, возвестивших явление миру Христа. Собственно, ради этой святыни он и сделал крюк по пути на Родину.

Из храма – а Кёльнский собор уже более трёх веков строился именно как грандиозное хранилище для золотого ларца с мощами – путник вышел словно просветлённый. Он забрал у служки свою шпагу, дав тому серебряную монетку, отвязал коня и огляделся. От площади расходились в разные стороны улицы – с домами, похожими один на другой: у большинства нижний этаж кирпичный, а верхние, один или два, деревянные. У некоторых эти верхние этажи, по принятому в больших европейских городах обычаю, выдавались примерно на аршин над нижними, делая и без того неширокую улицу тёмной и прохладной. Выглядит весьма романтично, только вот к вони столь же традиционной сточной канавы, проходящей ровно по середине брусчатки, Грегори за время своего путешествия так и не привык. Все европейские города, что в Германии, что во Франции, пахнут одинаково, только какие-то повонючее...

Юрий КАРЯКИН (1930 – 1911)

ПЕРЕМЕНА УБЕЖДЕНИЙ (отрывок из книги)

Мама летом повезла меня в родную деревню отца Астрадамовку, под Саранском. Надеюсь, что родня её любимого Лёнечки поможет ей сына вырастить. Деревня мне показалась огромной. Вышел на улицу. Стоят две бабы, обе с коромыслами, вёдра полные. Вдруг одна расставила ноги, продолжая разговаривать, да как писанёт! Удивлению моему не было границ.

А за деревней раскинулась степь с оврагами и провалами, заросшими кустарником. Там было удобно играть в войну. И хотя мы с мамой жили бедно, для деревенской гольтыбы я был чужим, «городским», у меня даже были сандалии, вещь в тех местах невиданная. Деревенские мальчишки в тех оврагах курили. Предложили мне. Отказался. Стали требовать, били. Уткнулся лицом в стенку оврага, в землю, в корни, ветки. Не заставили. Думаю: может быть, поэтому до 40 лет так и не закурил...

Был в бабушкином хозяйстве кролик, его почему-то звали Колька. Я его полюбил. Иногда по ночам он прибежал ко мне и стучал лапами в дверь. Однажды старуха (не бабушка, а кто не помню) кормила меня и, криво улыбаясь, сказала: «Ну, как Колька – вкусный?» Хотел убить старуху. Долго плакал. Была детская истерика.

Из Астрадамовки мы уехали к осени счастливые, с чемоданом деревенского добра (картошка, капуста, морковка). А в дороге нам подменили чемодан, всё вытащили и положили туда кирпичей. Мама чуть не рехнулась от горя.

После смерти отца мать пошла работать заведующей детсадом. Получился у неё в хозяйстве к концу месяца остаток – двадцать восемь кусков мыла. Принесла сдавать в свою контору, а её там на смех подняли: не было у них такого случая. Так потом и говорили: «Это та, которая мыло сдала».

Была моя мама, Варвара Кузьминична Бочилло, из крестьянской семьи переселенцев, что двину-

лись в Сибирь по реформе Столыпина. Из-за ранней смерти матери своей Наталии «держала» дом, хоть и не была старшей в семье. Старшую сестру Марию отец Кузьма определил учиться. Она и выучилась, сама стала учительницей, преподавала в школе до седин, и ей первой в Новосибирске присвоили звание заслуженной учительницы России.

А маме пришлось быть на хозяйстве, ведь отец её, мой дед Кузьма Макарович Бочилло, машинист железной дороги, всё время был в разъездах. Вот мама Варя с ранних лет стала хозяйкой дома и вырастила всех своих шестерых сестёр и братьев. Грамоте выучилась поздно, поступив в вечернюю школу для взрослых.

В нашей комнате собирались три её подруги и читали про князя Игоря и княгиню Ольгу. Вместе с ними постигал азы русской истории и я. Очень полюбил «вещего Олега» и стихи про него потом читал в школе со сцены. И ещё запомнил на всю жизнь, как мама читала мне в детстве «Песнь о Гайавате» и поэму Некрасова «Саша».

Жили мы трудно, только я этого не понимал. А во время войны, в сорок втором, вдруг появились у нас конфеты, тогда невиданные, – шоколадные, ореховые батоны. Их и на сахар легко было сменять, и на масло, и на хлеб. Эти конфеты мама получала от тётки Дуси, продавщицы в закрытом распределителе, а ей относил разрисованные ею коврики, скатерти, дорожки, занавески. Иногда посылала меня отнести её «продукцию».

Комнатка у тётки Дуси была тесная, сплошь увешанная коврами и заставленная бронзовыми статуэтками и подсвечниками. Ещё пианино стояло, а на нём патефон. Однажды мама взяла меня с собой в распределитель. Зашли туда со двора. Сунула тётка Дуся в сумки, мою и мамину, – по свёртку, и мы пошли домой, но не обычной дорогой, а в обход, кружным путём, и мама всё время оглядывалась.

Я догадался и почти всю дорогу ревел, сначала от страха и стыда, потом от жалости к ней. Она тоже плакала и повторяла: «Сынок, я больше не буду, я больше не буду...».

Помню ещё, как-то зимой отпросилась мама на несколько дней из госпиталя, куда пошла работать сестрой. Собрала вещи, тряпки всякие, погрузила их в пошевенки (так у нас называли санки с боковыми стенками) и ушла в деревню – «менять». Не было её

дней десять. Только возвращаюсь раз из школы, после третьей смены, темно, а впереди женщина тащит пошевенки. Иду следом, а подойти боюсь. Она остановится передохнуть, и я стою. И вдруг она прошла мимо нашего подъезда! Страшно стало. А потом вижу – в наш двор повернула, чтобы с чёрного входа войти. Мама! Страшнее и счастливее никогда не было. Привезла мешок картошки мёрзлой, из-за которого её чуть не убили дорогой.

Михаил ЛИФШИЦ (1905 – 1983)

НЕЗАМЕНИМАЯ ТРАДИЦИЯ (отрывок из книги)

Золя во многом следовал за Бальзаком, но «Человеческая комедия» была для него выражением устаревших взглядов. Устарело с точки зрения теории «экспериментального романа» стремление Бальзака решать, каков должен быть строй человеческой жизни, другими словами – вмешательство писателя в политику, философию и мораль. Натуралист должен рисовать кусок действительности таким, каков он есть, – без всякого отношения к истине как объективной норме, вытекающей из анализа самой жизни.

Отсюда вовсе не следует, что новая теория искусства отвергала возможность вмешательства художника в жизнь. Во-первых, отказываясь от исследования истины и оценки фактов, художник брал на себя смелость преобразовать их «сквозь призму своего темперамента», то есть делал себя произвольным судьёй действительности, имеющим право деформировать её согласно своей субъективной точке зрения. Во-вторых, этой субъективности художника приписывалось сверхчеловеческое влияние на психологию обыкновенных людей, без всякого отношения к раскрытию истины, которое было целью старого искусства.

Известные формы активности художественной воли даже преувеличиваются не только доктриной натурализма, но и всем авангардистским движением, берущим начало в конце XIX века. Но это активность совсем особого рода. Там, где Бальзак, стремясь осветить реальный мир его собственным светом, предоставляет уму и чувству читателя самому разобраться в противоречиях жизни, натурализм стремится воздействовать на психику сильными впечатлениями, подчинить её гипнотически воле художника, вывести наше сознание из равновесия громадной массой сообщаемых фактов, сенсационных проблем, ярких контрастов, пугающих картин. Писатель-натуралист пользуется всеми методами внушения, известными в газетном деле и получившими к этому времени уже большое самостоятельное значение.

Перед нами, таким образом, два совершенно различных представления об активной роли искусства. Бальзак не сомневался в том, что человеческое сознание, если оно получило из рук художника достоверный жизненный материал, способно принять верное решение. Человек является в его глазах существом вменяемым, доступным объективной истине. Натурализм стоит уже на почве так называемой «манипуляции человеческим сознанием», как любят писать в наше время. Он открывает эпоху «суггестивной эстетики», опирающейся на бессознательность воспринимающего субъекта, на силу внушения. Обыкновенный человек для него – мелкое насекомое, бесконечно малая часть большого муравейника. Зато человек искусства (разумеется, больше в своём собственном воображении) превращается теперь в мага или, если угодно, в технически подготовленного специалиста, способного управлять процессами чужого сознания.

Старое искусство могло быть совершенно чуждо социалистическим идеям в собственном смысле слова. Однако по своей недвусмысленной «поэтической справедливости», художественной правде оно во многом совпадало с такими стремлениями. В ходе самой истории его идеал был доступен переводу на язык демократии и социализма, несмотря на то, что сам художник нередко питался реакционными фантазиями, как это было, например, с Бальзаком. Напротив, тот новый тип искусства, которому прокладывал дорогу «экспериментальный роман» Золя, часто заигрывал с идеями социализма, и сам основатель новой школы писал, что он склоняется к подобным идеям. Но даже социализм теряет своё истинное значение, если он рассматривается как предмет внушения бессознательной массе посредством манипуляции техническими средствами искусства, как это заложено уже в теории «экспериментального романа». Вот почему, несмотря на любые личные симпатии и заявления художника, по своей объективной художественной тенденции новый тип искусства развивался не в социалистическом, а в противоположном направлении...

Николай ЗАДОНСКИЙ (1900 – 1974)

ДЕНИС ДАВЫДОВ (отрывок из книги)

В середине августа 1838 года Денис Васильевич возвращался из Петербурга в Верхнюю Мазу, где семья опять проводила лето. До Москвы, по обыкновению, добрался он на почтовых, а из Москвы поехал на своих лошадях, присланных из деревни. Такой способ передвижения был более длительным, зато представлял большие дорожные удобства и возможность вволю наслаждаться природой, что Денис Васильевич в последние годы особенно ценил. К тому же кучером по его просьбе ездил с ним Терентий, которого он любил за честность и совершенную преданность и с которым всегда приятно было поговорить о партизанских отважных днях, казавшихся в четвертьвековом отдалении от них такими сказочно-яркими и поэтическими, что любое воспоминание согревало душу.

Вот и сейчас, остановившись на ночёвку не в деревне, а прямо в поле, они разожгли костёр и, закутив трубки, заговорили о минувшем.

Вспоминая двенадцатый год, Терентий, между прочим, признался:

– Я в ту пору, как мы партизанили, ни вам, ни кому другому не сказывал, а в голове у меня крепко думка сидела, как бы изловчиться да самого Наполеона Бонапарта в полон захватить...

– Не ты один, многие охотились! – заметил с усмешкой Денис Васильевич. – Фигнер даже в занятую неприятелем Москву с этой целью пробрался... Пустая, несбыточная затея!

– Теперича и я понимаю, – проговорил Терентий, – а тогда в горячке-то о чём только не бредилось... И чудней всего, что о личности Бонапарта я совсем никакого понятия не имел, а виделся он мне почему-то мужчиной громадного роста, носатым, чёрным вроде цыгана и в золотом кафтане!

– Ну, если так, – невольно улыбнулся Денис Васильевич, – Наполеону тебя опасаться нужды не было... Я в Тильзите его видел и запомнил отлично. Ростом он разве на вершок какой выше меня. Волосы тёмно-русые, а не чёрные. Лицо чистое, смугло-

ватое, с чертами весьма регулярными. Нос небольшой, прямой, с лёгкой горбинкой. А мундир обычно носил тёмно-зелёный, конноегерский, с красной выпушкой, и с отворотами, и с эполетами полковничьими. В общем, на портрет, созданный твоим воображением, нимало не походил!

– Вестимо, не походил, – согласился Терентий, – я потому и толкую, что, дескать, время-то хотя и грозное было, а для всяких, как вы сказали, несбыточных затей и для всяких геройств очень способное...

– Да, что верно, то верно, богатырская была эпоха! – сказал, начиная воодушевляться, Денис Васильевич. – Невиданным мужеством россиян прославлен в веках двенадцатый год... Помню, как на Салтановской плотине горсть русских храбрецов преградила путь прославленному войскам маршала Даву. Помню, как под Смоленском составленная из рекрутов дивизия Неверовского отражала натиск главных сил Наполеона и хотя понесла значительный урон, но не была приведена в смешение. Помню, какими глазами мы увидели эту дивизию, подходящую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести! Каждый штык её горел лучом бессмертия! А беспримерный героизм, проявленный верными сынами Отечества на Бородинском поле? А пламенная отвага партизан и ополченцев? Незабвенные дни! Кочевье на соломе под крышей неба, вседневная встреча со смертью, неутомная жизнь партизанская...

И долго ещё с волнением сердечным и тихой грустью воскрешаются запечатлённые до мельчайших подробностей картины былого. Потом Терентий идёт к стреноженным невдалеке лошадям, проверяет путы и, возвратившись, укладывается прямо на траву, положив пиджак под голову, и быстро засыпает. А Денис Васильевич лежит на походной кровати и чувствует, как взбудораженные мысли гонят от него сон.

Николай ШУНДИК (1920 – 1995)

НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕМ (отрывок из повести)

На чёрной линии горизонта, там, где кипящее море сходилось с небом, покрытым снеговыми тучами, виднелась сплошная гряда плавучих льдов. Было трудно представить, чтоб сквозь эти льды мог пробиться в бухту пароход. Но два чукотских мальчика – Кэукай и Эттай – и русский мальчик Петя с нетерпением и надеждой высматривали парходный дым на горизонте.

– Трудно пароходу сквозь такие льды пробиться, – угрюмо сказал Эттай. – А что, если он так и не придёт?..

– Как – не придёт? Почему так говоришь – не

придёт? – не очень уверенно возразил Кэукай.

Ветер срывал с мальчиков лёгкие летние малахаи, обдавал мелкой водяной пылью. За судьбу парохода, который должен был прийти в посёлок Рэн, тревожились не только дети, но и взрослые.

Председатель колхоза Таграт то и дело выходил на крыльцо своего домика, подносил к глазам бинокль. Его жена, Вияль, с группой женщин спешно дошивала из нерпичьих шкур большую партию рукавиц, предназначенных для бригад грузчиков: с парохода должны были выгрузить срубы пяти домов. Комсорг Тынэт, назначенный бригадиром

комсомольской бригады, ещё и ещё раз окидывал критическим взглядом давно уже приготовленные разгрузочные площадки.

Быстро надвигался вечер. Густой туман покрывал море и тундру. Едва-едва мерцали вспышки маяка, возвышавшегося на скалистом утёсе недалеко от посёлка.

– Спать особенно не укладывайтесь, – посоветовал Таграт колхозникам, собравшимся у него дома. – Пароход, возможно, придёт ночью, значит, сразу же ночью и приступим к работе.

А спать в посёлке никто и не собирался. Так уж повелось здесь, что прибытие парохода всегда было для чукчей большим и весёлым праздником.

Не спали даже дети. Кэукай, Эттай и ещё полдесятка мальчиков сидели в комнате Пети, окна которой выходили на море.

– Ой, уже десятый час! – с тревогой глянул на стенные часы Эттай. – Сейчас Виктор Сергеевич придёт, спать прогонит.

Не успел Эттай закончить фразу, как на пороге комнаты действительно показался директор школы. Мальчики встали.

– Папа, не прогоняй нас! Видишь, ещё и десяти часов нет... – взмолился Петя, вскакивая со стула.

Виктор Сергеевич провёл рукой по чёрной бордке, сильно тронутой сединой, внимательно ос-

мотрел притихших ребят. С широкими прямыми плечами, в полувоенном костюме, в нерпичьих торбах, он выглядел не по годам стройным и бодрым. Лицо сухощавое, с прямым носом, с резко очерченным, твёрдым ртом; у голубых глаз – густая сетка лучистых морщинок; ровный смуглый цвет лица оттенялся серебристой белизной седых волос.

– Ну что ж, посидеть ещё с полчаса я вам разрешу, – сказал он, – но только с таким условием, что вы примете меня в свою компанию.

– Примем, конечно, примем! – наперебой закричали мальчики.

– Ну, а кто у вас начальник наблюдательного пункта?

– Я! – вытянулся в струнку Петя.

Непослушный вихор коротко подстриженных белесых волос и несколько конопушек на кончике носа придавали ему шустрый и даже озорной вид. Во взгляде и в чётких изгибах припухлого рта чувствовалось что-то своевольное, быть может даже упрямое.

– Доложите обстановку, – скрыв рукой усмешку, приказал Виктор Сергеевич.

– На море по-прежнему туман. Прибой значительно утих. К берегу подошли первые льды! – в один дух выпалил Петя...

Михаил СОКОЛОВ (1860 – ?)

СТАРОРУССКИЕ СОЛНЕЧНЫЕ БОГИ И БОГИНИ (отрывок из книги)

У всех языческих народов: древних и новых, старого и нового света, солнце несомненно было самым уважаемым и любимым божеством. С божеством солнца язычник соединял самые лучшие воспоминания своего отдалённого прошлого; к солнцу же он обращался с мольбой в своих нуждах. Справедливость требует признать тот факт, «что иногда во главе языческого Олимпа становились боги и не солнечного происхождения, как например бог-громовник, или какой-нибудь полукнижный Брама (Парабрама). Но бог-громовник по самому существу того небесного явления, которое он олицетворяет, имеет значение только местное, для некоторых только стран, и притом он всегда представляется для простодушного дикаря каким-то недоступным, грозным и карающим существом. Книжные пантеистические божества, вроде Парабрамы, потому уж не могут приобрести симпатий простого народа, что они вообще мало известны в массах нефилософствующей толпы; такие божества, как придуманные жрецами, и известны только в их ограниченном кругу.

Вот почему даже и там, где главным богом является не солнечное божество, солнце всё-таки наиболее любимо и уважаемо. Не от бога-громовника, не от пантеистического существа, а от бога солнца производят свой род династии языческих царей...

Мы разумеем, например, египетских фараонов (от бога солнца Ра, или Фра), индийских царьков и американских инков. Начало земледелия и вообще

цивилизации приписывается также солнцу, или его детям (американские предания дикарей, обитающих на возвышенностях Воготы, а также инков). Словом, у язычников не было божества более симпатичного и уважаемого людьми, каким именно было само солнце.

Русское язычество не представляет исключения из общего правила: солнечные боги были самыми общеизвестными и любимыми на Руси.

Впрочем, главным богом у русских язычников был громовник Перун. Прокопий Кесарийский, писатель VI века, говорит о религии древних славян: «Они (Олавяне и Анты) признают единого бога, творца молнии и грома (разумеется Перуна) единым господом вселенной и приносят ему в жертву быков и иных священных животных».

Трудно перетолковать это свидетельство, хотя вообще признано, что оно относится собственно только к юго-западным славянам. Тем не менее, судя по нашей летописи, Прокопиево свидетельство вполне приложимо к эпохе княжеской Руси от Олега вещего до Владимира язычника. Мы видим, как мужи Олега, по настоянию византийских императоров Леона и Александра, клянутся оружием своим и богами: Перуном и Волосом. Говоря о ревностном служении Владимиру языческим богам, летописец замечает: «И нача княжити Володимир в Киеве един, и постави кумиры ни холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Херса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла,

и Мокошь». При чтении этих слов летописи невольно бросается в глаза то самое обстоятельство, что летописец сравнительно очень много говорит о Перуне, описывает мелкие подробности его идола, – между тем тот-же самый летописец, когда дело идёт о других богах, едва достаивает их той небольшой доли внимания, чтобы передать хотя бы их имена, на первый раз вообще довольно странные и, за исключением одного только Дажьбога, вообще непонятные для современного русского человека.

Вывод отсюда может быть только один: обычное мнение о главенстве Перуна на русском Олимпе не совсем несправедливо, или, лучше сказать, совсем справедливо. Но хотя в историческую эпоху русского язычества Перун был главным, первенствующим богом, тем не менее он вообще далеко не

пользовался симпатиями славяно-русского народа. Он был слишком уже грозным, своими громовыми стрелами он равно разил как правого, так и виноватого; самый гром, который олицетворялся в Перуне, был символом, предвестием несчастья. Недаром и теперь ещё в числе свадебных примет мы находим такую: «В день венчания ясная погода знаменует счастливую жизнь, дождь – богатство, гром – несчастье. Кроме того, Перун «потому уже не мог привлечь к себе внимания русских язычников, что гром и молния, т. е. те небесные явления, в которых он проявлял свою силу и могущество, вообще мимолётны, быстро появляются и ещё скорее исчезают. В этом отношении много выигрывало перед Перуном светлое-пресветлое солнышко.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

